

ГОТИКА

100%
человечески
текст

Кровавый владыка в поисках приключений
или
разбитое сердце дракона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Готика

**«Кровавый владыка в
поисках приключений или
разбитое сердце дракона»**

«Автор»

2026

Готика

«Кровавый владыка в поисках приключений или разбитое сердце дракона» / Готика — «Автор», 2026

Тот, кто похитил не одно сердце и втайне его съел. Тот, кто попил крови у каждого, кто о нём слышал. Тот, кто позволяет, а не спрашивает и спрашивает с тех, кто не позволяет. Вечный плейбой. Вечный богач. Вечный обладатель самого холодного взгляда и самых тёплых чувств к вам. Влад Цепеш Дракула.

© Готика, 2026

© Автор, 2026

Готика

«Кровавый владыка в поисках приключений или разбитое сердце дракона»

От автора:

*Данная рукопись не носит пропагандистского характера,
не призывает к излишним в этом мире выплескам ненависти
и социально неприемлемому поведению в какой бы то ни было форме.*

Все совпадения случайны, все персонажи вымышлены.

*Отдельное внимание прошу обратить на то, что
в данном произведении нет положительных персонажей.*

«Кровавый владыка в поисках приключений или разбитое сердце дракона»

Часть 1

Удар за ударом наносили двое верзил по разбитому и покрытому синяками лицу Террора.

«Я тебе, сука, сейчас покажу!», - сказал тот, что справа и ударил со всего маха жесткой подошвой сапога в лицо, от силы удара которого Террор упал вместе с тяжелым металлическим стулом к которому был прикован по рукам и ногам.

«Поднимай!», - сказал второму верзиле первый.

Подняв стул, они увидели на лице Террора изумление, он скосил глаза вверх и улыбнулся, потом крикнул: «Долбоебы».

«Палки давай!», - крикнул первый, и к двум верзилам подбежал среднего телосложения мужчина, всучив каждому по увесистой дубине, концы которых были покрыты толстыми листами металла с грубыми и мощными шипами. Тот, что с права, размахнулся, что было сил, и нанес удар ужасной силы прямо в лицо, Террор снова упал вместе со стулом на спину. Верзила слева снова поднял стул. На этот раз лицо Террора было очень серьезным и, быстро взглянув исподлобья на обоих экзекуторов, он серьезным и немного деловым тоном проговорил: «Долбоебы, вы еще не наигрались, а то у меня назначена встреча сразу после вашей смерти?».

Верзила, что был слева, через мгновение ударил Террора по зубам кулаком, одетым в кожаную перчатку с железными шипами на кентосах, с зажатой в нём дубиной. От пропущенного удара голова Террора резко повернулась в сторону, и изо рта брызнула бордовая струя крови.

«Быстрее, тряпку!», - закричал громила стоявший справа, мужчине, подавшему дубинки. Мужчина со всех ног буквально подлетел к пятнам крови, лежащим на полу, с шелковым платком и, упав на колени, начал быстро их вытирать, не поднимая взгляд на Террора, откинувшегося в кресле с закрытыми глазами. Протерев все капли крови с пола, мужчина заметил, что на пол капнула маленькая капля крови. Подняв взгляд на откинувшегося после удара пленника, мужчина обомлел: глаза Террора уже сверлили его безумно злобным взглядом, и на лице его сверкнула широченная зубастая улыбка. Сквозь зубы, красные от крови, темными струйками стекала бордовая жижа. Мужчина сомкнул ладони вместе и поспешил подставить их под струйки крови, как в этот момент Террор разомкнул зубы - и из его рта вывалился откушенный палец верзилы, который только что ему нанес удар кулаком. Закатываясь в глухом смехе, Террор трясся на металлическом стуле. Громила, потерявший палец, заметил это лишь после того, как увидел его выпавшим в ладони мужчины. Взглянув на кулак, из которого сочилась кровь на месте откушенного пальца, громила пошатнулся и с грохотом упал в обморок на деревянный пол.

В комнату вошла женщина, одетая в строгую китайскую рубашку черного цвета с изображением красного дракона на спине, бегло и строго взглянув на произошедшее. Взяв со стола бутылку с жидкостью она начала обливаться ей Террора. Вылив на него всё, она подожгла спичку, закурила длинную черную сигарету и после первой затяжки, ловким движением пальцев швырнула полыхающую спичку в него. Террор вспыхнул моментально. Около одной минуты он кричал и бился на стуле, пытаясь выскочить из огня, а потом резко замолчал, застыл в полной спокойствия позе и начал зловеще смеяться, сквозь пламя смотря женщине в глаза. «Долбоёбка, курение убивает! Бросай сосать эти дымящиеся палочки, узкоглазая старая швабра, ну или дай я тоже затянусь, а то сидеть тут с вами становится скучно, кстати, а может нам поставить второй стульчик, облить тебя горячей байдой, поджечь и мило поболтать о том о сём, знаешь, как будто мы старые друзья, ну или трахались когда-то и забыли уже совсем эти времена, я тебе расскажу пару тупых историй, ты мне расскажешь пару тупых историй, и всё будет вполне так миленько, по-долбоёбски, как вы любите...а... нет, наверное, не получится, знаешь, я передумал, давай-ка прыгай ко мне на коленки и покурим твою сижку паровозиком, чур ты будешь локомотивчик, хорошо? Я даже не посмотрю на то, что ты как бы не первой свежести паровозик. А? Что скажешь? Ну ладно, ладно шучу, я не встречаюсь с долбоёбками, принципы понимаешь принципы, от них никуда не деться, настигают то тут, то там», - в этот момент Террор начал нервно пинать горячей ногой по ступне упавшего в обморок громилу: «Вставай блять! Вставай, долбоёб жирножопый, пошли дальше меня пиздить, да хули ты приуныл-то, рожа монгольская, вставай кому говорят!.. Петух набитый... эй старая пизденка, ты где вообще таких долбоёбов берешь, ты их рожаешь или как, ну просто смех сплошной, уже четвертый день и пятую ночь пиздят что есть сил в шесть смен, а эффект нулевой, самые блять прогрессивные... давай так... ты сейчас меня отпустишь, не ну, говно вопрос, я сначала потухну, в какой раз, а ну ладно считать еще эту хуйню... в шестой, а нет в пятый, ну так вот, я сейчас потухну, ты меня отпустишь, этих переростков, отправишь домой, ну а мы с тобой пойдем в какой-нибудь сраный ваш ресторанчик, купим там какой-нибудь сраной вашей стряпни с кисло-сладким вкусом, ну прибухнем, конечно, и как бы всё, ну ладно-ладно, я же вижу этот взгляд, так и быть моя старушка, трахну тебя разок этой ночью, ты я и мой большой длинный местами гладкий, местами рельефный, местами нежный, местами грубый, местами с зазубринами, местами с кровостоками...нож... хорошо? Я тебе гарантирую, эту ночь ты не забудешь никогда и меня ты не забудешь никогда и вообще никого не забудешь, потому что забудут тебя...как тебя там звали Сунь Ли, Хунь Ви, Би Би, Си Си, Пи Пи, видишь уже не важно...», - и Террор снова закатился раскатистым смехом, всё еще объятый пылающим пламенем.

«Да буду я вас всех тут по именам запоминать ещё, выпускники школы великого мастера красного долбоёба», - и Террор снова заржал.

«Тем не менее, ты в наших руках, шакал», - тихо и с презрением произнесла женщина и, развернувшись, медленно и элегантно направилась к выходу из комнаты, оставляя за собой тонкий след от дыма сигареты.

Чёрное копыто с приглушенным шумом сильно ударило подковой по белоснежному снегу, разбрызгав его во все стороны. Четвёрка вороненых коней мчалась в ночи, выдыхая раскалённый воздух в зимний холод, длинные волнистые гривы и копытные бакенбарды трепетали со скоростью ветра. Чёрный металлический экипаж с хромированными клёпками, створки которого полыхали бордово-бархатным окаймлением, нёсся в ночном буране из всех лошадиных сил. Ямщик громко свистел и, не жалея плётки, выжимал из четвёрки несущихся жеребцов всё, на что они были способны. Бордово-бархатные глазные створки жеребцов пылали в ночи, словно раскаленные угли, экипажные фонари с розовыми стеклами еле освещали занесённую снегом дорогу.

Створка экипажа открылась за спиной ямщика. Женская рука в красной перчатке, обтаявшая дымом, появилась из неё и, уцепившись за меховую шубу, дернула его.

«Долго ещё?!», - раздался громкий и мягкий женский голос из открытой створки.

Ямщик на минуту повернул голову в сторону створки, отдернул от шубы руку и толкнул её обратно в кабину экипажа, крикнув грубым низким баритоном: «Терпение!»

Замахнувшись плеткой над головой, он снова громко просвистел и ударил впереди идущего жеребца по спине.

Неутихающий буран разрывал пространство по всей поверхности широкой дороги, окружённой густым хвойным лесом, свист разъярённого ветра и бьющий в лицо снег не давали даже открыть глаз, но прикрытое тяжелым меховым капюшоном лицо ямщика было надёжно защищено от разыгравшейся бури. Мчась с пологого спуска, экипаж разогнал не на шутку и летел подобно черной комете сквозь пояс астероидов. Раскрывающийся вид ночной дороги в густом лесу, освещала зловеще приближившаяся полная луна, то и дело выглядывающая из несущихся по небу густых снежных облаков. Наклон длинной дороги начал изменяться, и экипаж уже поднимался в длинное предгорье, на вершине которого тянулась сквозь весь горизонт гигантских размеров стена, неприступно стоящая и не реагирующая ни на что происходящее по обе стороны от неё.

«Просыпаемся!», - громко прокричал ямщик и пнул ногой по стенке экипажа рядом со створкой, встряхнув с ноги большую кучу снега. Замерзшее лицо ямщика уже покраснело настолько, что выступили наполненные кровью капилляры, а волосы на усах и бороде покрылись инеем.

В экипаже послышался кашель и довольные крики и возгласы женщин.

«Наконец-то», - раздался холодный, спокойный и глубокий мужской голос в голове ямщика.

«Выбрасывайте всю отраву», - в ответ подумал ямщик, обращаясь к голосу в голове, и сузил глаза.

Из открывшегося на дне мчащегося на всей скорости экипажа начали выпадать различные сундучки наполненные травами и порошками, за ними полетели разноцветные большие и маленькие бутылки, наполовину или полностью заполненные какими-то жидкостями.

«Еби его мать, отметили день рождения в дороге», - снова раздался мужской голос в голове ямщика. Ухмыльнувшись и вытерев варежкой нос, ямщик громко просвистел и снова ударил плеткой по жеребцу.

«Ленится, думает я не вижу!», - подумал ямщик.

«Тебе оно надо?! Чего ты так рвешься, зашел бы в кабину на пару минут, покурили, неизвестно когда ещё сможем достать» - продолжил звучать мужской голос в голове ямщика.

Из-под дна экипажа, продолжали вываливаться дымящиеся трубки и мундштуки вместе с портсигарами и мешками набитыми чем-то похожим на нарезанный табак или чай.

«Оно вот стоило столько покупать? Сколько денег просадили, пфф...ладно. Долго еще? мы всё, если что... сейчас проветрим чуток», - прозвучал расслабленный и спокойный голос в голове ямщика.

«Через двадцать минут стена», - прокричал ямщик и снова пнул ногой по стенке экипажа.

«Хорош орать и пинаться!», - раздался женский голос из кабины экипажа.

Постепенно сбавляя скорость, экипаж подъезжал к большой аккуратно выложенной каменной арке, толстые деревянные ворота, покрытые железными листами, наглухо были закрыты для любых посетителей. Двое стоящих на посту, воинов вышли из надстроенных башен на самой вершине стены, освещая себе дорогу факелами, едва услышав ржание жеребцов. За ними сразу же показались ещё десяток лучников, и синхронно натянув тетиву, нацелились на экипаж, ямщика и жеребцов, нервно бьющих копытами по белоснежной дороге.

Последним из укрепленной стены показался капитан, медленно и с неохотой поднимающийся по внутренней лестнице из своей теплой комнаты, где оставил только что заваренный чайник чая и недочитанную книгу.

«Что вам надо?», - прокричал капитан: «Сколько вас?! А ну вышли все из экипажа! Откуда вы?! Китайский знаете?! Зачем пришли в поднебесную?!»

Ямщик, сидя на своей лавке, поднял голову, мирно помахал рукой и прокричал: «Привет».

«Что он сказал?», - спросил капитан у одного из воинов: «Какой это язык?»

«Не могу знать, капитан! Точно не монгольский, не похож по произношению», - ответил воин.

«Как на зло переводчик сегодня заболел, и что с ними делать?» - недовольно проворчал себе под нос капитан.

Дверь экипажа медленно распахнулась, и аккуратная женская нога в высоком красном бархатном сапоге ступила на ступеньку. В ажурном пышном красно-бордовом платье, белой рубашке, украшенной черным кулоном в форме сердца и пышной красно-бордовой шляпе с несколькими не менее пышными черными и красными перьями показалась молодая девушка среднего роста с пепельно-белыми волосами и голубыми как океан глазами. Ловко спрыгнув со второй ступеньки, она встала рядом с экипажем, и придерживая одной рукой платье, поклонилась в сторону стоящих на стене солдат и слегка улыбнулась, прикусив на мгновение нижнюю губу и немного расширив глаза. Бледное от пудры и украшенное черной мушкой на щеке, чуть ниже правого глаза, её лицо пылало большими красными губами.

С другой стороны экипажа открылась вторая дверь, и на ступеньку шагнула тонкая и длинная нога в голубой бархатной туфельке, края которой были инкрустированы большими переливающимися драгоценными камнями и хромированными металлическими короткими шипиками, нежно окружившими самый край высокого каблучка.

Из экипажа показалась вторая дама, чуть более взросло выглядящая, но еще не потерявшая всю привлекательность молодости. Темно-фиолетовое платье с белыми кружевными вставками, украшенными инкрустацией драгоценных камней, и нежно-молочно-голубая рубашка, подчёркивающая тонкую и длинную шею, обьятую ожерельем из россыпи бриллиантов, в центре которого блистал огромный голубой бриллиант в форме капли, маленькая темно-фиолетовая шляпка с небольшой голубой вуалью, скрывающая аккуратно убранные в длинную косу чёрные волосы и большие опьяняющие своей глубиной оттенка сапфировые глаза. Аккуратно спускаясь и придерживаясь за ручку, она также медленно подняла голову к охранникам пропускного пункта и сделала легкий реверанс.

Из кабины экипажа раздался тихий кашель, и вслед за второй дамой из экипажа выпрыгнул, не наступая ни на одну из ступеней, темный мужской силуэт. В черном сюртуке, расшитом золотыми шнурами и закрытом на все золотые пуговицы, слегка проглядывала светло-красная рубашка. Молодой мужчина сдержанно поклонился в сторону охранников.

«Да, точно не монголы, видел, как вырядились», - сказал капитан, рядом стоящему, воину.

«У него что золотые пуговицы?», - ответил воин.

«Ага а бабы с ним какие? Ты только глянь!», - тихо сказал капитан.

«Я немного говорю на вашем языке, уважаемые господа!», - громким и дружелюбным голосом сказала дама в красном платье: «Мы приехали к вам из далекой страны и хотели бы посмотреть, действительно ли так красива ваша страна, как о ней говорят все, посетившие её. Вы позволите нам войти? С нами более никого нет».

В этот момент один из жеребцов громко и быстро проржал.

«Откуда вы, конкретно?», - в ответ прокричал капитан: «Если есть оружие с собой, то оставьте его в экипаже и подойдите к воротам!»

«Трансильвания! Мы безоружны», - ответила дама, потом тихо передала спутникам слова капитана, и все медленно пошли в сторону ворот.

«Ну ты чего?!», - нервным шёпотом обратился ямщик к даме в красном.

«Ой... прости меня еще не отпустило. Сейчас», - ответила тихо дама.

Подняв голову в сторону солдат, дама громко сказала: «Капитан простите, у ямщика есть небольшой топор, он его сейчас оставит на своей лавке».

Сняв висящий на поясе небольшой топор, ямщик снова запахнул свисающую до стоп шубу из волчьих шкур и пошел к воротам.

Через несколько минут небольшая дверь, находящаяся внутри одной из больших створок ворот, зашумела открывающимися затворами. Мужчина в сюртуке переглянулся с ямщиком и еле заметно самодовольно улыбнулся, на мгновение в его глазах промелькнула маленькая искра.

Открывшаяся дверь, начала выпускать одного за другим воинов, аккуратно выходящих с направленными на путников остриями мечей. Выходя друг за другом, воины постепенно окружили каждого из путников, в отношении пять к одному. Когда из двери вышел двадцатый воин с мечом и нацелился мечом на ямщика, глядя строгим взглядом ему в глаза, то стоящий ближе к двери воин крикнул: «Выходи!».

Из двери медленно и осторожно ступая, появился воин в форме капитана, держа в руках лук, он отошел на несколько метров от дамы в фиолетовом, и прицелившись ей в голову натянул тетиву. В воздухе зависла тишина и только завывание неостанавливающегося снежного бурана нарушало её. Дама на мгновение взглянула в глаза воину с луком и быстро стыдливо отвела глаза. Воин, стоящий у двери, снова крикнул: «Выходим!» - и из неё быстро высыпали еще одиннадцать лучников, одетых как капитан заставы, распределившись между путниками, прицелились по трое на каждого.

Воин у двери крикнул: «Пошли!». Из двери выбежали в сторону экипажа еще десять воинов с мечами и десять воинов с луками, наконечники стрел которых были объаты пламенем. Окружив экипаж со всех сторон, лучники прицелились в его сторону, а мечники стояли рядом и не спешили подходить к нему. На стене появились еще около двадцати лучников с горящими наконечниками стрел и нацелились на экипаж. Показавшийся из-за спины одного из лучников капитан громко скомандовал: «К повозке!»

Окружавшие мечники, начали медленно и осторожно подходить к покрытому черными металлическими листами большому экипажу.

Один из жеребцов громко и быстро проревел и топнул копытом по снегу, но мечники, не обратив на это внимание, продолжили медленно подбираться к экипажу. Аккуратно открыв сначала одну дверцу, воин мечом отодвинул бархатную бордовую занавеску.

Внезапно раздался звонкий и громкий чих со стороны дамы в бордово-красном платье. Тетива окружавших путников и карету лучников практически синхронно проскрипела от усилившегося натяжения.

«Простите», - сказала тихо дама в бордово-красном платье.

«Чщц!», - сказала ей дама в голубом.

Воин, отодвинувший мечом бархатную занавеску, продолжил медленно осматривать расшитую красным бархатом кабину экипажа с глубокими и большими бордовыми кожаными сиденьями.

Лампа хорошо освещала кабину томным красным цветом. Откинув сиденья и заглянув в ящики в кабине, воин прокричал: «Тут чисто!».

Второй стражник за это время успел схватить с лавки ямщика небольшой топор, и начал разглядывать его. Искусно сделанный метательный топор, казалось, ничего не весил. Лезвие его напоминало голову какого-то коротконосого быка с небольшими тупыми рожками, торчащими из полотна зубцами, из подбородка росла борода, загибающая лезвие вовнутрь со стороны ручки. На противоположной стороне находилась небольшая чаша, толщиной с большой палец, внутри которой был тоннель, словно у курительной трубки. К чаше были привязаны два длинных коричневых пера и маленькая костяная бусина.

Выйдя из кабины экипажа, воин аккуратно заглянул под дно экипажа, а потом лег на спину и медленно пополз под экипаж, тщательно осмотрев и простукав всё днище экипажа, он снова прокричал: «Тут тоже чисто!»

«Надоели осторожничать узкоглазые», - раздался уставший мужской голос в голове ямщика, отвернувшегося лицом к створкам врат.

Молодой мужчина в это время медленно, но нервно озирался по сторонам, его губы уже начали бледнеть от холода.

Выбравшись из-под экипажа воин позвал на помощь еще двоих солдат и все вместе они начали осторожно спускать сундуки с багажной полки экипажа. Большие сундуки были аккуратно прикреплены и обвязаны веревками, что заставило потратить немало времени на их осмотр. Проведя тщательный досмотр содержимого, воины закрыли сундуки и быстро убежали обратно в дверь, из которой появились, сначала лучники, а за ними мечники.

После того как последний мечник забежал в дверь, из-за двери послышался крик: «Заходим!», и окружавшие путников лучники быстро побежали в сторону двери, скрывшись за ней, снова раздался крик: «Заходим!», и в дверь забежали уже окружавшие путников мечники.

«Вещи собирайте!», - раздался голос капитана, стоящего на своем посту.

Дамы поспешили запрыгнуть в экипаж, за ними медленно поднялся мужчина, а ямщик начал медленно собирать сундуки и снова аккуратно расставлять по багажной полку в прежней последовательности, перевязывая их грубыми веревками. Через пятнадцать минут всё было

готово, ямщик запрыгнул на свою лавку, жеребцы вострепились от знакомого свиста, а ворота поднебесной начали медленно и с тяжестью распахиваться перед гостями.

«Маску на него надевайте!» - строго сказала женщина с красным драконом на спине.

Один из амбалов взял черную металлическую маску на всё лицо, изображающую зубастую морду с суженными глазами, у подбежавшего с ней в руках мужчины среднего роста.

«Въеби ему сначала разок» - сказал он второму верзиле. И через мгновение в лицо Террору прилетел мощный удар толстой дубинкой с металлическими пластинами на конце. Глаза Террора от силы удара на несколько секунд закрылись, и открыв их, он уже смотрел на всех сквозь узкие щели металлической маски. «Сучата, ёбанные! Не пройдет и пяти минут как я вас всех тут порежу на клочки, одного за другим... одного за другим!» - прокричал разъяренный Террор.

«Захлопнись, шакал», - тихо сказал надевший на него маску амбал: «Нам твой скулёж слушать уже надоело».

«Ну, говори, что ты придумал, Лу?», - спокойным голосом спросила женщина у стоявшего в стороне мужчины.

«Может быть...», - начал он робко и прислонил ладонь к её уху, пытаясь прошептать ей на ухо.

«Что ты там, сученок шепчешь, я всё слышу, запомни, я приду к тебе на день рождения, и вырежу тебе это на...», - тут речь Террора перебил увесистый удар дубинкой по железной маске.

«Ебать! Ебать, с вами весело, ребята!», - сказал Террор и получил удар дубинкой поддых с другой стороны и закашлялся.

«Механизм уже готов?!» - спокойно спросила женщина. Мужчина, шептавший ей до этого на ухо, несколько раз нервно кивнул головой.

«Хорошо! Ин! Гу! Тащите демона на улицу вместе со стулом!» - приказала женщина.

Взявшись спереди и сзади, верзилы подняли Террора вместе со стулом и вынесли в небольшой дворик, огороженный высоким забором.

«Куда едем, сукины дети?! Ааа... свежий зимний воздух, наконец-то...ухх...устал уже дышать вашим ссаным потом, переростки, а это что за поебень?!» - произнес Террор и через узкие прорезы в маске начал всматриваться в стоящую перед ним установку: «Качельки что ли собрали, долбоёбы?».

Напротив Террора стояла высокая пятнадцатиметровая установка, по строению схожая с катапультной, только вместо ковша на ней крепилось огромное заостренное жало, словно огромный коготь или лезвие косы.

«Если разрезать его не получается, то давайте попробуем проткнуть», - снова прошептал мужчина на ухо женщине с сигаретой в руках.

«Слышал...запомнил...отомщу...жди», - официально-деловым тоном произнес Террор в сторону шептавшего и учтиво сделал поклон головой в железной маске из-под которой в разные стороны торчали длинные белые волосы.

«Вали шакала на лопатки!» - приказала женщина.

Ин одним ударом дубинки по лицу, повалил Террора на землю, перевернув стул.

«Ты всё рассчитал, Лу?» - спросила женщина. Мужчина кивнул несколько раз головой, поклонился и побежал к запускающему рычагу установки.

«По моей команде», - сказала женщина. Потом медленно подошла к лежащему Террору, наклонилась над его лицом, и, стряхнув пепел на металлическую маску, сказала: «Шакал, император не привык ждать, в твоих же интересах раскрыть нам свой секрет».

«Что вы?! Что вы, бабуль?! Я ничего не знаю, разве только, что нам с вами суждено быть вместе до самой вашей кончины», - и Террор закатился смехом: «Кончины, бабуль, ну ты поняла, да?! Если что, то я сейчас тебе подмигиваю, за маской не очень видно, но знай, подмигиваю что есть сил...я, это, тот еще жеребец, никто не жаловался».

«Мразь», - злобно сказала женщина и плюнула на маску, отойдя на пару метров она крикнула: «Запускай!». С резким скрипом и грохотом сработал огромный механизм, но в последний момент Террор успел уклониться в сторону вместе со стулом и жало воткнулось немного левее его головы.

«Идиоты!» - крикнула женщина.

«Полностью с вами согласен!» - добавил Террор, укатываясь со смеху.

«Заряжайте снова и в следующий раз держите его!» - крикнула женщина паре амбалов.

Ин и Гу пошли к механизму накрутки каната, чтобы снова закрутить рычаг катапульти.

«Давай, это, поговорим как там тебя, главная сучка, не запомнил имени, ты уж прости. Давай так, ты значит даешь мне затянуться своей сижкой, а я тебе сделаю комплимент, который подчеркнет все твои сильные стороны как лидера и как личности, хорошо? За плевков в лицо, не переживай, будем считать, что это уже давно позади наших пылких отношений, а бабуль? Уфф...Угораздило же выпереться погулять в эти ебенья, сука и что меня только потянуло махнуть через эту сраную стену. Бабуль, ну что скажешь, покурим? Можем, кстати еще бухнуть, я так-то не против, а то заскучал я тут немного», - без умолку болтал Террор.

«Шакал, у тебя пасть вообще не закрывается?!» - сказала женщина. Громилы уже зарядив механизм, подбежали к месту, куда показывал Лу и, подвинув Террора, крепко схватились за края стула.

«Отпускай», - крикнула женщина. Механизм снова шумно прогремел и огромное лезвие вошло по самый корень в грудь Террора.

«Ох, блять!» - на выдохе сказал Террор.

«Поднимайте жало! Лу, бери кувшин и залезай под демона» - крикнула женщина.

Громили побежали с довольным видом к колесу механизма и начали накручивать лебедку.

Террор, проткнутый огромным жалом, начал медленно подниматься вместе с металлическим стулом, к которому был прикован и спинку которого тоже пробило жало.

Среднего роста мужчина, взяв кувшин, забрался под стул Террора, но ни следов крови на снегу, ни следов крови на жале или спинке стула он найти не смог. Отрицательно покачав головой в сторону курящей женщины, Лу грустно вздохнул.

«Стоп!», - крикнула женщина, и пара амбалов прекратила вращать колесо, а Террор замер на высоте полутора метров от земли.

«Ин, загни дубиной жало, чтобы этот шакал не смог вылететь, когда мы снова запустим механизм», - строгим и слегка надменным тоном произнесла женщина, затянувшись сигаретой, она медленно подошла к Террору, который уже повернул голову к ней и произнесла томным голосом: «Сейчас, шакал, мы с тобой погрузимся в удовольствие с головой и посмотрим на твою кончину».

Амбал несколькими ударами загнул конец жала на спинке стула и кивнул женщине.

«Возьмите цепи и кандалы и свяжите демона еще раз хорошенько, чтобы он не вылетел из механизма, жду вас на озере».

«Пфф... наконец-то», - услышал в голове голос ямщик.

«Пошли! Пошли!», - прокричал ямщик.

Карета тронулась, медленно набирая скорость.

«Давай-ка не спеши, посмотрим, что тут творится», - услышал уставший голос в голове ямщик.

Снег шел всё медленнее и медленнее, тучи постепенно расчищали ночное небо и полная луна освещала путь.

«Проехали!» - крикнул ямщик и пнул ногой запертое окошко кареты.

«Уфф... Устала от этих идиотов, сколько можно было возиться с одной каретой и четырьмя сундуками? Наконец-то... Что там обстановка?», - слышался женский голос из открывшегося окошка.

«Еще пять минут, мы еще в зоне видимости», - ответил кучер: «Ухх... Ну и мороз! Руки замерзли держать поводья! Сейчас хода прибавлю».

Спустя пять минут быстрой езды, кучер снова пнул ногой по закрытому окошку. Боковые окошки кареты открылись нараспашку и бордовые занавески затрепетали на ветру. Через мгновение из каждого окошка вылетело по одной большой летучей мыши, из левого окошка вылетела белая летучая мышь, а из правого черно-дымчатая с небольшим бордовым меховым воротничком.

«Уууу... заряжай там, скоро вернёмся», - услышала голос в голове девушка оставшаяся в карете.

«Ааа... отличная прохлада, я уже запарился в этой кибитке, хоть крылья можно расправить», - проговорила мужским голосом черно-дымчатая летучая мышь, летящая рядом с головой кучера, продолжив: «Детка, лети пока, посмотри, есть кто по дороге загулявший впереди». Поравнявшаяся на несколько минут, белая летучая мышь взмыла ввысь и, со всей силы маша крыльями, устремилась вперед.

«Знаешь, мне нравится как пахнет здесь воздух», - сказала черно-дымчатая летучая мышь и глубоко вдохнула морозный воздух, потом сделала еще один глубокий вдох и начала сферообразно крутиться в воздухе: «Ааа... класс... что люблю, то люблю, свободу не ощутить не научившись летать, да, быстрый ветер?»

Кучер посмотрел на летучую мышь упрекающим взглядом и, размахнувшись хлыстом, высыпал мерену в первом ряду, и холодно ответил: «Каждому своё! Сколько он еще будет филонить?!»

«Я бы тебе помог, но ты знаешь, я не пью кровь лошадей, а они не становятся от этого вампирами. Представляешь вообще себе лошадь вампир... Ппфф... Глупость да и только... Ааа... Великолепная ночь... побольше бы таких, сейчас вернусь», - сказав это, черно-дымчатая летучая мышь влетела обратно в окно кареты, и вылетев из другого через две минуты, выдохнула в сторону кучера большое облако сизого дыма.

«Ааа... просто улет», - сказала улыбаясь летучая черно-дымчатая мышь.

«Тебя шатает, осторожно не влечься в ветку, останавливаться и искать тебя нет никакого желания», - ответил кучер и немного улыбнулся.

«Уфф... а когда это было хоть раз?» - самодовольно ответила черно-дымчатая летучая мышь.

«Не удивлен, что ты не помнишь, перебрал ты тогда знатно, искали тебя втроем полночи, а нашли в...», - ответил кучер.

«Можешь не продолжать, я этого не помню, а значит этого не было, выдумки ваши меня не сильно интересуют, это не первая чушь, которую вы придумали про меня... хахаха», - летучая мышь немного посмеявшись снова вдохнула полной грудью холодный воздух и опять начала крутиться в воздухе вокруг своей оси.

Кучер ласково и с улыбкой посмотрел на черно-дымчатую летучую мышь и снова ударил хлыстом мерена в первом ряду.

«Спой-ка нам, малышка», - услышала в голове голос черно-дымчатой летучей мыши девушка, сидящая в карете.

«Сейчас минуту, дай немного соберусь», - услышали голос девушки кучер и летучая мышь в своих головах.

«Ааа... опять это...уфф...ладно не надо», - раздался раздраженный голос летучей мыши в голове кучера и девушки.

«Уже третьи сутки прошли, боль совсем усилилась?!» - спросил черно-дымчатую летучую мышь кучер.

«Как иглами тыкают, просто не могу», - грустно ответила черно-дымчатая летучая мышь.

«Через пятнадцать минут какой-то пьянь...идет из маленькой деревни», - сказала белая летучая мышь, вновь поравнявшись с кучером: «Что-то бормочет про потерянное доверие, и спрашивает как жить дальше, видимо девочка ушла к другому».

«Фууу... ладно, главное подкрепиться, иначе это не закончится», - ответила черно-дымчатая летучая мышь: «Уфф...надо подготовиться, полетели».

Обе летучие мыши залетели в распахнутые окна кареты и через мгновение, колышущиеся на ветру занавески задернули обратно в карету и окна закрылись.

Сбавляя скорость карета, медленно подъезжала к идущему вдоль дороги мужчине.

«Чего какой грустный, может подбросить?», - прокричал кучер путнику.

Махнув рукой в сторону кареты, грустный мужчина продолжил идти по дороге, опустив взгляд и бормоча себе под нос: «Все они одинаковые, любовь это не про них, какой же я дурак».

«Даже не смотрит в нашу сторону», - прозвучал мужской голос в голове кучера.

«Сложный случай, на женщин сейчас обиделся, так что прелестями моими его не затащить», - раздался женский голос в голове кучера.

Неподалеку от идущего путника зашевелился сугроб, будто под слоем снега кто-то прополз. Не обратив на это внимания, мужчина продолжал идти. Поравнявшись с ним, карета продолжала медленно ехать.

Высунувшись из открывшегося окошка, девушка в красно-бордовой шляпке улыбнувшись и помахав ручкой в красной перчатке, обратилась к путнику: «Простите, мужчина, вы не подскажете как нам добраться до ближайшей деревни, право слово, мы здесь впервые и дорог местных не знаем, в пути уже не первый день, но к сожалению по дороге не встретили ни одной

деревушки, и наш запас еды уже иссяк...вчера. Вы выглядите как человек очень сильно опечаленный чем-то...высокоценимым...рискну предположить, что вас обидели...незаслуженно...»

В этот момент мужчина повернул лицо в сторону дамы в шляпке и посмотрел в её глаза взглядом, наполненным грустью.

Дама в красной шляпке ответила ему взглядом, полным понимания и сочувствия: «Пожалуйста, я очень вас прошу помочь мне добраться до ближайшей деревушки, я могу с вами расплатиться серебром или золотом, сами понимаете, что они ни к чему, когда на них нельзя купить хотя бы ломоть хлеба.»

Мужчина потер руками замерзшие бока, несколько раз бегло поглядел на девушку, потом на кучера и сказал: «Ладно, но я не буду сидеть с кучером, если пустите в карету, то я вам покажу как проехать, но скажу сразу три золотых, ни больше ни меньше»

Дама в красном платье кивнула головой и медленно скрылась за занавеской, маня указательным пальцем войти в карету.

Раздался щелчок открывшейся двери и мужчина поспешил запрыгнуть на ступеньку кареты, бодрым движением руки он распахнул занавеску.

Раздался звонкий свист кучера и карета резко тронулась с места. Мужчину сразу же затаскивали в карету и дверь с шумом быстро захлопнулась. Ржание меренов, перемешалось с хлесткими щелчками кнута, свистами кучера и криками раздираемого на части мужчины.

«Ааа... я уже думал не пройдет...пфф», - зазвучал довольный мужской голос в голове кучера.

«Может кусочек будешь, а? Оставить?» - спросил мужской голос в голове кучера.

Вытерев нос, кучер громко просвистел и ударил хлыстом мерена из первого ряда.

«На горизонте деревушка, заканчивайте», - крикнул кучер и пнул в захлопнутое окошко.

Дно кареты распахнулось и из него посыпались обглоданные кости путника, через минуту люк захлопнулся, а из открывшегося окна вылетела черно-дымчатая летучая мышь.

«Класс!...Снова живой...и полон сил!...Ааа...какой прекрасный зимний воздух», - и летучая мышь снова глубоко и с удовольствием вдохнула: «Девчонки заводи песенку!»

В головах кучера и летучей мыши начала раздаваться динамичная песня, исполняемая парой сладких девичьих голосов. Летучая мышь продолжала, летя наравне с кучером, крутиться вокруг своей оси. Голова кучера легко покачивалась в такт песне.

Летучая мышь сделала в воздухе петлю и, долетев до крыши кареты, превратилась в абсолютно голого мужчину, томно движущегося под такт песни.

«Ууууху!», - прокричал голый мужчина на крыше кареты.

«Тихо!», - громко сказал ему ямщик: «Смотри вправо! Прячься!»

По правую сторону от мчащейся кареты наконец-то прекратился густой лес и вдалеке появилось озеро, замерзшей гладью блеснувшее холодным светом полной луны.

Голый мужчина сразу же превратился в черно-дымчатую летучую мышь.

Взгляд кучера на мгновение остановился на фигуре молодой девушки. Стоящая на расстоянии двухсот метров, она не сводила взгляда с мчащейся в ночи кареты. Казалось, это мгновение застыло и начало медленно тянуться, хотя не прошло и доли секунды, как кучер громко засвистел и отвернувшись к четверке лошадей размахнулся кнутом и ударил мерена из переднего ряда.

«Что они там делают ты видел?», - спросила летучая мышь: «Тихо девчонки!»

«Они там либо кого-то катают на качелях, либо пытаются насильно утопить, и соорудили для этого какое-то устройство».

«Этого только не хватало!», - сказала черно-дымчатая летучая мышь, повернув на секунду голову назад.

Стая волков вырвалась из левой стороны густого леса и погналась за каретой.

«Учуяли кровь, не иначе», - спокойно сказал кучер: «Чего плетемся, пошли, пошли!», - прокричал и начал хлыстать лошадей.

Карета продолжила мчаться в сторону ближайшей деревни вместе с пытающейся их догнать стайей волков, а на горизонте уже начала мелькать тонкая полоска солнечного зарева.

«Куда Вы меня тащите, выпердыши узкоглазой суки! Ты вот ты, да, да ты, ты иди на хуй первым! А ты вот, ты жирный ублюдок будешь жрать пудинг из мозгов своей мамы, стоит только мне вырваться, жрать будешь на завтрак, обед и ебанный ужин...ааа... ладно...сука Лу, ты сука, запомни это...завтрак, обед и ужин, понял, сученок, а ты Лу, а ты хитрый косоглазый уёбок, жрать будешь тоже самое блюдо, но еще и на полдник, услышал и запомнил, залупа на ножках!» - кричал разъяренный Террор, закованный цепями по всему телу, к металлическому стулу, с пробитой огромным металлическим жалом грудной клеткой. Механизм медленно двигался по зимнему снегу, со скрипом катились грузные колёса и два крупных жеребца тащили примотанного Террора к замерзшему озеру.

«Угомонишься или нет, шакал?! Мы даже не начали, а ты уже забрызгал своими соплями свой отвратный кожаный сюртук», - холодно и надменно проговорила, курящая и идущая позади механизма, женщина, по бокам от которой шли двое громил.

Внезапно женщина оступилась и чуть было не упала лицом в снег, но не успев даже раскрыть глаза от внезапности, её под руку подхватила молодая девушка, с тонкой фарфоровой бело-красной маской на лице. Женщина медленно повернула лицо к спутнице и с теплотой

в глазах одобрительно кивнула ей головой не произнося ни слова, сделала быструю затяжку сигаретным дымом, и продолжала идти.

Глаза Террора медленно повернулись в сторону скрипа снега, под поскользнувшимися ногами, курящей женщины и скрипуче-насмешливым голосом он произнес: «А я всё слышал, и не думай, что тебе получится остаться неизвестной, девочка, даже не проронив ни слова, ты уже источаешь запах собственного тела, а я ой как запоминаю такие детали, так что жди в гости, только сначала мы настругаем с моим дружкой пару карапузиков из бабуси, а потом сразу к тебе, проверим насколько ловко и быстро ты умеешь готовить, только знай, когда ты не будешь успевать засовывать мне в рот готовую еду, я буду откусывать от тебя по кусочку, не прибегая к кулинарной обработке, сладкая моя»

Один из громил ударил дубинкой по цепям обмотанным вокруг спинки металлического стула, на котором сидел Террор: «Ебальник прикрой, Яогуй, пока его на бок не повернули».

Механизм уже подъезжал к озеру, пара громил взяли наточенные металлические ломы и начали продавливать верхний слой льда.

«Готов к купаниям, шакал?» - строго спросила курящая женщина с ненавистью глядя в лицо Террору, стоя в метре от него и выдохнула едкий сигаретный дым ему в лицо, от которого у него под маской заслезились глаза: «Напоминаю, нам всего лишь нужна твоя кровь, хватит упираться».

Террор вздёрнул обиженно подбородок вверх и показательно покачал головой из стороны в сторону: «М...м...м», - промычав в ответ.

«Я знала, что ты откажешься, шакал», - сухо проговорила женщина.

Террор повернул лицо к женщине и ответил: «А я знал, что ты не скажешь пожалуйста!».

В этот момент стоящий сбоку от Террора, громила со всего маху ударил его деревянной дубиной с металлическим наконечником по маске и добавил низким басом: «Пожалуйста!»

Откинувшийся назад от удара Террор на несколько секунд закрыл глаза и услышал голос второго громилы: «Разворачивай, ванна готова». Колеса механизма тихо заскрипели и Террора начало медленно разворачивать.

Оказавшись над пробитой дырой в ледяном озере, он увидел, что напротив него стояли пятеро человек. Двое громил свирепого вида с дубинами в руках стояли по краям, между ними стоял мужчина среднего телосложения и курящая женщина, за спиной которой словно тень стояла одетая в зимнюю меховую рыжую шубу девушка в фарфоровой маске и длинными густыми черными волосами, в передние две пряди которых были вплетены красные шелковые ленты.

Девушка в фарфоровой маске медленно выглянула из-за плеча курящей женщины и аккуратным движением руки в беспалой кожаной белой перчатке сняла фарфоровую маску, раскрыв перед Террором молодое и симпатичное лицо, с потрясающе черными словно ночь широкими восточного разреза глазами, подведенными тонкими красными линиями сверху и снизу.

Тонкая красная полоса шириной в большой палец, украшала центр её пухлых губ, на бледной как снег коже.

«Шакал, не воображай себе, что кого-то тут ты сможешь напугать, воздуха вдыхай побольше, поднимать тебя будем не скоро», - с неприязнью и горделиво произнесла курящая женщина.

В этот момент один из громил подошел к рычагу и внимательно посмотрел на женщину.

Женщина глубоко вдохнула сигаретный дым и убрав сигарету изо рта, аккуратным движением руки стряхнула с её кончика пепел. В ту же секунду громил дернул рычаг, и Террор моментально оказался погруженным в ледяную воду озера, шум от погружения ударил в уши. Железная маска мешала раздуть щеки, чтобы набрать как можно больше воздуха в легкие. Крепко сжав глаза, он изо всех сил старался представить себе, что находится в другом месте, не менее влажном и мокром, а избыток неприятных ощущений от холодной воды был внезапным и временным, от тех комфортных ощущений, которые он только что себе навывдумывал, думая в этот момент: «Блять, блять, блять, лишь бы прокатило, лишь бы прокатило». Не пытаясь вырваться из окутывающих его цепей, он изо всех сил старался представить себе, что все трудности с ним, происходящие сейчас, временны, и буквально через мгновение они закончатся. Проведя некоторое время в таком состоянии, он почувствовал, что его вытягивают вверх. Медленно поднимающийся механизм, от намотки веревок, сначала позволил подняться ногам и телу из воды и в самом конце, из-под поверхности холодной воды показалась голова Террора, он открыл глаза и сделал несколько коротких выдохов и вдохов».

Над ним возвышалась курящая женщина, и стоило ему попытаться поднять взгляд вверх, чтобы рассмотреть её, как он ощутил, что на его лоб наступила женская нога в сапоге с высокой платформой. От силы нажатия, подбородок Террора поднялся выше лба, и он сразу увидел, лицо женщины с сигаретой в зубах и надменно улыбающейся, её глаза с нескрываемой насмешкой высокомерно смотрели в его голубые глаза, наполненные кровью от лопнувших капилляров.

В этот момент где-то вдалеке раздался человеческий крик. Женщина перевела взгляд в сторону крика, пытаясь сосредоточенно вслушаться в прервавший ночную тишину шум.

Крик быстро прекратился, и женщина убрала ногу со лба Террора, звонко щелкнула пальцами. Тут же по железной маске Террора один за другим начали прилетать увесистые удары деревянных дубин с железными наконечниками, от стоящих по сторонам вне видимости маски громил. Сильные и размашистые, они, как удары кузнецов молотами по наковальне прилетали в лицо один за другим.

Сквозь шум ударов уже ближе раздался громкий и довольный крик, чем-то похожий на вой: «ууу... еее». Всё ближе и ближе начали слышаться хлесткие удары кнута и ответные ржание лошадей.

«Ууууу...да!», - раздалось еще где-то ближе.

Темп ударов начал медленно снижаться, и после того как они прекратились, и болтающаяся как болванчик голова Террора остановилась в одном положении, то на её лоб снова наступила женская нога в сапоге с высокой платформой, вернув взгляд Террора к глазам курящей

женщины: «Шакал, кровь», - сухо сказала женщина и выдохнула сигаретный дым в сторону, стряхнув сигаретный пепел ему на лицо.

Террор закатил глаза и закрыл их веками, представив, что находится где-то в осеннем лесу, и холодный ветер на несколько секунд заставил замерзнуть его тело и наполнил легкие холодным воздухом, на мгновение, он даже начал видеть, как вокруг него начали опадать желтые листья, также ощутившие дыхание охладившего его ветра.

«М...м», - промычал в ответ Террор и насколько мог вдохнул воздух.

Колесо заматывающее веревку начало медленно её опускать, погружая Террора обратно в ледяную воду спиной вниз, постепенно опуская голову всё ниже ног. Вода снова начала затекать в уши, но уже без шума, а спокойно, но всё также неприятно, как и в первый раз. «Думай, думай, думай, думай», - повторял про себя Террор: «Что дальше, эти мрази придумают, думай, думай, думай, думай блять Террор, думай! Как от них съебаться?! Как же съебаться?! Суки! Ебут без перерыва, ничего, ничего, облажаются, все рано или поздно лажают, они не исключение! Думай, думай, что будет дальше». На этот раз Террора держали в воде в два раза дольше, педантичный и аккуратный в этом отношении Лу заботливо считал в слух, после начала каждого из погружений, досчитав в первый раз до трёхсот, второй раз, он начал отсчитывать от шести ста к единице. Закончив отсчет, он поднял палец вверх, и один из громил начал медленно накручивать на колесо веревку, поднимая замерзшего Террора из проруби. Стоявший рядом с Террором громила сделал несколько больших глотков из кожаной фляги, которую носил прикреплённой к поясу, потом глубоко и довольно выдохнул. Посмотрел перед собой на несколько секунд, потом кивнул головой и вылил немного из фляги в прорези для глаз Террору. В эту же секунду Террор почувствовал как во все ссадины на лице и глаза попал очень крепкий алкоголь, пытаясь в это мгновение совершить серию вдохов и выдохов, чтобы набрать воздуха, он нахлебался алкоголя и тот попал ему в нос. Громила встал на грудь, обмотанную цепями, и Террор начал чувствовать, что снова погружается под воду, стоило лишь начать погружаться глубже, как громила прыгнул с его груди, вызвав у Террора глубокий выдох остатков, перемешанного с парами алкоголя воздуха в воду. Медленно теряя самообладание, Террор начал всё быстрее и быстрее трястись, сила его тряски начала возрастать и держащая металлическое жало, пронзающее его грудь, деревянная балка тоже начала дрожать, всё сильнее и сильнее. Вода, окружающая Террора, начала нагреваться, и в проруби начали показываться пузырьки и подниматься сильный пар, словно вода начала вскипать. Пузыри становились всё больше и больше, тряска балки увеличивалась, как и испарение горячего воздуха из проруби.

«Поднимай этого шакала, срочно!» - крикнула женщина с сигаретой.

Громилы быстро кинулись наматывать веревку на колесо, и Террор начал всплывать из проруби. Тряска была настолько сильной, что больше походила на высокочастотную вибрацию.

«Срочно, щипцы!», - крикнула женщина. Громилы поспешили взять примотанные к боку механизма, железные палки, с округлыми наконечниками, которыми с двух сторон схватили за шею Террора, и после резко щелчка, с двух сторон закрывшихся замков, они уже держали его пойманным, на высоте нескольких метров. Террор продолжал трястись с закрытыми глазами, деревянная балка громко скрипела.

«Экзотично», - тихо сказала на ухо женщине с сигаретой девушка с фарфоровой маске в руке.

Женщина кивнула ей в ответ, не поворачивая головы: «Не было раньше такого, что-то новое на наши земли прискакало, или приползло».

«Или прилетело», - добавила девушка: «Думаю бабушка бы придумала, как с этим совладать или предположила, что это такое...»

«Сомневаюсь на счет второго, хотя её находчивости в первом стоит отдать должное», - тихо проговорила женщина и, затянувшись сигаретой, продолжила: «Оно хорошо себя контролирует, и старательно скрывает сущность своей природы... сколько энергии потратили, чтобы его спровоцировать, не говоря уже про откусанные пальцы Гу... пора уже сворачиваться, сигареты кончаются и скоро рассвет».

«Гу, Ин, держите его крепко, Лу подведи лошадей, пора уходить»

Тут же раздалось громкое ржание лошадей и на зимней дороге в двухстах метров от них, из лесной полосы вырвался черный экипаж, запряженный четверкой вороненных жеребцов, стоящий на помостке кучер, замахнувшись хлыстом, на мгновение застыл взглядом во взгляде девушки с фарфоровой маской в руке. От внезапного появления кареты глаза девушки широко раскрылись и слегка приоткрылся рот. На крыше кареты в танце двигался молодой бледнокожий мужчина, не повернув лица в сторону стоящих у озера, он растворился в ночи, а на его месте появилась большая черно-дымчатая летучая мышь, в ту же секунду упорхнувшая в чащу.

Женщина с сигаретой во рту, увидев вылетевшую из леса карету, начала шуриться, чтобы разглядеть детали.

«Он что голый плясал на крыше экипажа зимой?!», - произнесла женщина с сигаретой.

«Видимо показалось, я увидела только огромную летучую мышь, давно не спали... видимо», - ответила девушка.

«Сам черт тащит на рогах всю мерзость мира к нам в дом», - холодно произнесла женщина и затянулась сигаретой: «И никакие стены от этого не спасают»

Через несколько секунд раздалось волчье рычание и вой, из леса вырвалась стая волков и увязалась за мчащимся экипажем.

Часть 2

«Идём со мной», - женщина рукой поманила за собой молодую девушку.

«Куда?» - ответила девушка.

«Пошли уже!» - грозно крикнула женщина и схватила девушку за руку, потянув за собой.

Женщина, не поворачиваясь лицом, вела девушку по узкому и длинному коридору без окон и дверей, с частыми поворотами. С каждым поворотом освещение коридора изменялось, становясь всё более и более тусклым, цвет стен тоже изменялся, меняясь от светло-солнечного к насыщенному рыжему, перетекая от рыжего к красному, и от красного к бордовому, от бордового к коричневому. Постепенно угол пола коридора начал изменяться, и девушка

начала чувствовать, что коридор куда-то спускается. Тем временем женщина, ведущая её, всё крепче и крепче сжимала её ладонь, ускоряя шаг. Рука женщины постепенно удлинялась, а сама женщина отдалялась, и спустя несколько поворотов по коридору, девушка уже перестала видеть женщину, а только длинная зависшая в воздухе рука, тянущаяся из очередного поворота коридора, намертво вцепившаяся в её ладонь, тащила её всё глубже и глубже в блекнувшее пространство коридора. После очередного резкого поворота девушка остановилась, и на месте открывающегося коридора стояла женщина, её рука вновь стала обычного размера, а коридор закончился большой потрескавшейся от старости дверью, свет горящей свечки, прикреплённой к настенному подсвечнику, освещал конец коридора.

«Давай, Вишну ждет, будь повежливее, Хао Мэй» - строго взглянув, сказала женщина и со скрипом повернула ручку двери, распахнув дверь. За дверью, сразу с порога, начинала спускаться узкая деревянная тухлая лестница, спирально закручивающаяся и уводящая в темное неосвещенное пространство.

Девушка начала медленно спускаться по лестнице, аккуратно разглядывая всё что её окружает. Старые деревянные поручни шелушились, изредка под поручень от треска ступени прятались пауки и большие черные жуки, пока девушка продолжала спускаться.

Спустившись до конца лестницы, она увидела большой подвал с высокими потолками, освещаемый свечами, подобными той, что была прикреплена перед дверью. По всей длине подвала стояли большие лавки, на которых молча сидели разные люди. Дети, подростки, старики и молодые женщины. Никто из них не обернулся в сторону девушки, все сосредоточено смотрели перед собой и слушали тихий старческий голос, повторяющий: «Расслабьтесь...отдыхайте...слушайте меня...отдохните».

Впереди всех рядов на полу сидел худощавый, лысый старик с впавшими щеками и черными глазами. На его лице от каждого вдоха трепыхались белые от седины усы. Закутанный в белую набедренную повязку, и перекинутый через плечо лоскут белой ткани, он сидел покачиваясь. Увидев девушку, он остановился в своем повторении и поднялся из медитативной позы. Подперев правой рукой поясницу, старик, опираясь на палочку, как на трость, медленно начал подходить к девушке. Встав перед ней, он начал принахиваться к ней, потом посмотрел, пронзающими черными глазами, в глаза девушке и начал медленно говорить, скрипящим голосом: «Хао Мэй, ты же хорошая девочка, да? Ты же не обидишь старика, да? Тебе же можно доверять, Хао Мэй? Я давно слежу за тобой, девочка, и ты мне нравишься». Старик потянул руку к голове девушки и начал гладить её по черным прямым волосам, собранным в строгий хвостик. Глаза старика постепенно расширялись, и в черных яблочках начала появляться искра, от горящего пламени, подобно свече, освещающей этот подвал. «Ты же достаточно умная девочка, да? Ты же будешь меня слушать, да?», - окончание вопроса старик произнес крайне раздраженно с постепенным громким переходом в крик, и продолжая кричать всё громче и громче, он уже не мог остановиться: «Я же правильно тебя понял, да?! Я же знаю тебя лучше, чем кто-нибудь другой, да? Даже мать тебя так не любит, как я люблю тебя, да?!!». Рука всё сильнее и сильнее касалась её головы, глядя волосы, а глаза всё глубже и глубже заглядывали в глаза девушки. «Знай это, Хао Мэй и не забывай, и помни о моей любви и люби меня в ответ, Хао Мэй! А если ты не будешь этого делать!», - кричал старик. В этот момент раздался хруст со стороны глядящей руки. «А если ты меня не будешь любить, Хао Мэй, так как ты любишь свою мать, так как ты любишь своих близких, Хао Мэй!», - как тут же ладонь с половиной предплечья старика оторвались от остальной части руки оголив заострившиеся от сколов кости предплечья, торчащие из остатка руки старика, без каких-то брызг крови, продолжая висеть на лоскуте кожи.

«Я, Хао Мэй! Я...я!» - кричал разъярённый старик.

Девушка к этому моменту уже лежала на полу подвала, обомлев от страха, а старик водил костями предплечья по коже её лица, проводя от подбородка к глазу, потом к другому глазу и снова к подбородку.

«Я Хао Мэй, хочу, чтобы ты!...отдохнула», - последнее слово старик проговорил плавно и мягко затихающим и спокойным голосом.

«Хао Мэй, отдыхай, расслабься, слушай меня», - повторил старик и увел кости предплечья в сторону от лица девушки, а через мгновение рука снова была целая и продолжала нежно гладить девушку по волосам. Старик повторял глядя уже спокойными черными бездонными глазами в её глаза: «Отдыхай, малышка Хао Мэй, успокойся, слушай мой голос и расслабляйся...Хорошо, Хао Мэй?»

Глубоко вдохнув, девушка распахнула глаза от сна и сделала ещё один глубокий и тревожный вдох.

«Приснится же», - прошептала девушка: «Уфф».

Теплый и шершавый, слюнявый собачий язык облизнул щеку девушки.

«Доброе утро, Бао-Бао, ну хватит, хватит, прекращай, Бао!», - отбиваясь от ласк собаки, сонным голосом повторяла только проснувшаяся молодая девушка. Немного поглядев на деревянный потолок, окрашенный красной краской с несколькими золотыми иероглифами, девушка, лежа на спине, зевнула, раскинув руки, и снова перевернулась на живот, повернувшись к собаке. В это время мимо входной двери в комнату кто-то прошел нервным шагом.

«Бао, правда я красивая?» - спросила она у собаки и улыбнулась, так мило, как могла, и начала строить собаке глазки. Довольный и радостный пес сразу бросился на неё, пытаясь облизнуть лицо, но девушка ловко уклонилась от его ласки.

«Что там?! Кто еще?», - послышался недовольный женский голос за дверью комнаты. Пёс сразу встрепенулся, пошевелив ушами и поднял голову в полном сосредоточении. Несколько раз прорывав, он бросился в сторону слегка распахнутой двери и пропал в коридоре.

«Вот что ты вечно ругаешься по утрам?» - еле слышно произнесла девушка и задумчиво посмотрела в окно, за которым грузными хлопьями падал снег на покрытый белым полотном, замерзший залив узкого озера в саду с высокими наклонившимися к нему ветвями плакучих ив, покрытых свежим инеем.

Мимо двери снова промелькнула быстрая тень, громко чеканя шаг.

«Хао Мэй, вставай уже!» - раздался женский крик из дальнего угла дома, слышимый сквозь деревянные стены.

«Уфф...откуда в тебе столько энергии по утрам, женщина?» - недовольно прошептала девушка на кровати. Подняв в воздух ноги с голыми ступнями, она слегка улыбнулась, глядя на

них и немножко сощутив глаза. Потом раскачивающимся движением села на кровать и снова потянулась, зевнув в кулачок. Из другой комнаты раздался звук разбившейся посуды.

«Маам?!» - крикнула девушка.

«Что?!» - крикнул женский голос в ответ.

«Всё в порядке?!» - опять крикнула девушка.

«Нет!» - прокричал в ответ женский голос

«Вот и отлично» - с детско-злой усмешкой шепотом произнесла девушка и потеряла ладони друг о друга.

«Я всё слышала!» - раздался женский голос из другой комнаты.

Глаза девушки округлились в легком удивлении.

На кухне, стоя у стола, взрослая женщина с сигаретой в зубах накрывала на стол завтрак, протирая тряпкой тарелки перед тем как поставить их на стол. Перед ней на полу лежала разбитая тарелка, которую женщина не спешила убирать, еще раз нервно взглянув на осколки, женщина вытащила сигарету изо рта и стряхнула на осколки пепел. «На счастье», - тихо произнесла женщина и услышала несколько громких ударов в дверь. Спокойно наблюдавший за женщиной всё это время, тибетский мастиф встрепенулся и, громко гавкнув, побежал к входной двери.

«Подожди Бао-Бао, сейчас открою», - сказала женщина.

Подойдя к двери, она распахнула её полностью, и холодный ветер вместе со снегом влетел в комнату.

На неё смотрел высокий мужчина в праздничном костюме из пестрых лент, на нем был комбинезон, что надевают участники шествия дракона в празднование Нового года, на голове большим капюшоном, закинутым за плечи, на ветру болталась голова чучельного дракона, землистый цвет кожи лица и рук имел немного зеленоватый оттенок. Побледневшими глазами, словно затянутыми мёртвенной пеленой, он смотрел на женщину и слегка улыбался.

На её лице возникло удивление, смешанное с ужасом, тихим голосом она сказала: «Чен?»

Мужчина молча кивнул головой несколько раз, поманил к себе пальцем, и зловещими тихим голосом ответил: «Идем... идем со мной, нам пора встретиться снова».

Заглянув за спину женщине, мужчина посмотрел на спокойную морду мастифа и продолжил: «Ты тоже пошли, время пришло». Мастиф зарычал и громко гавкнул на мужчину.

Женщина с ненавистью сузила глаза и ответила: «Туда, куда ты ушел, у меня идти нет никакого желания, убирайся, Ёкай!».

Мужчина начал размахивать пальцем из стороны в сторону.

«Не говори так с мужем, женщина, а то мать твою сейчас позову, и она тебе напомнит, как подобает себя вести», - ответил мужчина: «Готовься к встрече, дорогая, готовься... И ты тоже».

Сказав последнюю фразу в сторону мастифа мужчина сжал ладони, и из них появились две большие золотые монеты с прямоугольным вырезом по центру, он прислонил их к глазам и, зажав их бровями заулыбался. Затем медленно достал две большие, круглые, толстые серьги и надел их на мочки ушей, проткнув кожу, из которой брызнули маленькие струйки зеленой крови. Накинув на себя капюшон из головы дракона, он начал пританцовывать из стороны в сторону. Тут же поднялся сильный ветер, закружив вокруг него небольшой снежный ураган, и мужчина растворился в нем. Ветер утих и перед глазами женщины открылся знакомый дворик, усыпанный снегом до самых входных ворот. Женщина затаилась глубоко сигаретным дымом, потом взяла её в руки, подперев локоть второй рукой и медленно выдохнула дым перед собой.

«Дураком жил, дураком умер, дураком воскрес», - недовольно пробормотала женщина.

Закрыв дверь, она повернула голову в сторону коридора и прокричала: «Хао Мэй, завтрак готов!»

- Что это?! Ужас, какой холод ухх...ухх... какой холодный воздух, как мерзнут клыки и язык. Но небо красивое чистое такое, голубое и солнышко светит так ярко...классно...уфф...ффф... ого какой белый воздух выходит изо рта...что тут у нас...о...снега сколько...классно...фф...ффф...ффффф... да блин...ффф...ффф...ффф...совсем нос не дышит.

Тигрица отчаянно пыталась выдохнуть через нос ледяной воздух или хотя бы вдохнуть.

- Да что такое?! Блин! Вот бы мне тонкие пальчики, но нет у меня только эти неудобные лапищи!!!

В этот момент тигрица оглядела свою правую лапу, потом немного натужила мышцы и показали длинные, черные, острые, как лезвие, когти.

- Может?...Не... не получится. Блин!

Тигрица медленно начала приближать торчащие из лапы когти к морде, но затем резко отдернула её.

- Нет!

Где-то в монашеской келье сидели два даоса.

«Я тебе говорю - это не вариант, сколько тут сидеть фиг поймешь, видимо переродиться и возвращаться придется еще долго, хорошо хоть ничего делать не надо», - сказал монах с красным кусочком ткани, обмотанным вокруг левого запястья.

«Может чему-нибудь научиться, пока время тут убивать будем?», - ответил второй, гладко выбритый налысо монах.

«Да чему тут научиться-то можно, сиди себе да сиди, а ты на башке чашку с лапшой носил?», - спросил первый.

«Смеешься, что ли, кто не носил, лучше скажи!», - ответил второй.

«Я! Как-то сразу понял, что в этом смысла нет вообще, ну...», - начал отвечать монах с красной повязкой, как внезапно холодный зимний ветер распахнул створки монашеской кельи и освежающие потоки снега ворвались в согретый уголок полуразвалившегося храма.

- Ну и холод! Ладно, чем бы заняться? Так погуляем, как всегда, куда глаза глядят... Ууух как много деревьев белых... красиво то как... Дааа... погода просто для гулянья... Ой... что-то живот урчит, ну да и ладно... Блин вот везет этой Кумихо, может превратиться в человека и поковыряться спокойно в носу человеческим пальцем, не то что... пффф... ффф... фффффф...

Тигрица несколько раз попыталась выдохнуть забитый соплями нос, и не достигнув желаемого результата, продолжила бродить по заваленному снегом лесу.

- Может... Да может... может получится, только надо найти подходящий кусток с торчащей палочкой... так пока вокруг только деревья... Угу, вот! Вот он точно подойдет. Тааак...

Тигрица, аккуратно приподняв голову, начала медленно приближать морду к маленькой торчащей веточке низкого кустарника, скосив глаза в сторону носа. Веточка медленно приближалась.

- Осторожно, осторожно, вот так, воооот, иииии...

И веточка попала ровно в кончик носа тигрицы, не зайдя ни в одну из забитых соплями ноздрей, и с треском переломилась до основания роста предыдущей.

Тигрица опустила голову вслед за упавшей веточкой и грустно выдохнула.

- Да уж... а идея была хороша... Эх вот бы найти человека, который бы мне помог, не пожалев чистоты своих пальчиков.

«Что скажешь, как тебе?» - спросил лысый монах.

«Нуу прямо скажу, отстой полный, без аранжировки вообще слушать невозможно, и бубен тебя вообще не спасает, херь такую лучше вообще в голове держать, если ты это смыслом считаешь, если несказанные мысли это твои рабы, а сказанные хозяева, то и рабы и хозяева у тебя хуёвенькие», - ответил монах с красной повязкой.

«Вот смотри, что осталось от пайка. Да, да... Именно спрессованный воздушный булгур круглый, как твоя башка, ты, я вижу, уже сожрал свой... ладно держи половинку, для брата

зажимать не буду ни еды, ни дерьма», - продолжил монах с повязкой и подергал правой бровью в конце сказанного.

Отломив половинку воздушного хлебца, он передал её лысому монаху, который с жадностью схватив, закинул её в рот и быстро прожевал. В келье раздалась еле слышная вибрация.

«О... смотри-ка... а это в общем чате... здорово хоть зарядка на нем не кончится» - проговорил, бегло посмотрев на экран черного металлического смартфона, старик в белой монашеской робе с красной повязкой на запястье руки, в которой был зажат воздушный булгуровый хлебец.

Лысый монах с вытатуированными символами великого предела под глазами, быстрым движением старческой руки выхватил оставшийся кусочек хлебца у первого и запихнул в рот. Потом открыл рот с прожеванным хлебцом и повернул голову, уставившись в глаза первому.

«Нет, спасибо. Понимаю, конечно, силу привычки, но делить такое удовольствие с тобой у меня нет желания», - ответил монах с красной повязкой на запястье.

- А может получится найти тряпочку, как из одежды у людей, классная она была... жаль только потерялась в снегу... ээээа может перышко какое-нибудь, только надо побольше какое-нибудь, может тут есть фазан или тетерев?

Тигрица попыталась несколько раз вдохнуть носом, чтобы почуять запах окружения

- Да блин! Ладно... Будем ориентироваться так!

Тигрица потерла морду о плечо и продолжила брести по зимнему лесу. Спустя двадцать минут блуждания, она услышала тихий хруст снега неподалеку и притаившись за большим деревом, осторожно начала вглядываться в сторону хруста. Вдоль небольшой лесной дорожки показался маленький темный силуэт, постепенно приближавшийся в сторону тигрицы. Тигрица тихонечко выглядывала из-за широкого ствола, чтобы не спугнуть. Через пару минут силуэт приблизился настолько, что тигрица смогла увидеть, что это человек, в руках которого зажат деревянный лук со стрелой и туго натянута тетива.

- Понятно, сейчас будет стрелять, лучше притаюсь.

Охотник продолжал медленно брести по лесу в сторону услышанного хруста снега под лапами тигрицы.

- Лишь бы не заметил, лишь бы не заметил, лишь бы не заметил, гад, не хочу убегать от этих дурацких стрел, лишь бы не заметил, лишь бы, лишь бы, лишь бы...

Охотник уже подошел к дереву за которым пряталась тигрица, и натянув тетиву прицелился перед собой, осторожно обходя ствол, в надежде увидеть за ним добычу, но увидев огромного тигра, вжавшегося боком в распластавшийся по земле изогнутый ствол, обомлел и от удивления раскрыл широко узкие глаза и ослабил натянутую тетиву. Медленно протянув руку в сторону тигра охотник попытался пойти с животным на контакт, но тигрица зарычала и бросилась в сторону, убегая от охотника что было сил.

-Аааа... как же страшно...ужас...повезло же дуре...кошмар

Сбавив скорость через метров пятьсот, тигрица немного успокоилась и отдышавшись, продолжила свою прогулку по зимнему лесу.

- Блин, он же хотел подружиться, протянул уже руку со своими маленькими пальчиками, вечно я так, пугаюсь при первой же возможности, даже тех, кто не желает мне зла...уфф...ффф...пффф...пффф...нет бесполезно...теперь хочется пить, ладно будем жевать снег, другого выхода нет.

Спустя пять минут тигрица, наевшись холодного снега, грустно посмотрела на дерево, росшее напротив, в животе у неё заурчало от голода. Её взгляд медленно поднимался по стволу, и на высоте восьми метров на одной из веток она увидела большого тетерева. Тигрица медленно, не сводя глаз с задумавшегося тетерева, опустилась и начала осторожно подползать ближе к дереву. Достигнув расстояния в метр, она подперлась задними лапами, немного углубив их в снег, и через мгновение, как разжавшаяся пружина устремилась по стволу дерева вверх. Успев подняться на высоту пяти метров, тигрица одной лапой застряла между стволом и торчащим суком, к этому моменту тетерев уже давно перелетел на ветку другого дерева, а дерево на которое тигрица попыталась забраться с треском начало крениться и ломаться под её весом. Через пару мгновений тигрица вместе с деревом медленно, но с шумом упала в большой сугроб. Вытащив лапу из злополучной ловушки, тигрица вздернула морду, вильнула хвостом и как ни в чем не бывало продолжила свою прогулку.

- Что за день сегодня такой, вот не прёт и всё тут... ни в чём, ладно а если...а...а...а

И тигрица громко чихнула

- А не помогло всё равно, ладно а если попытаться вытереть нос о шкуру другого тигра. Да, а что неплохая идея, только его сначала надо будет загрызть, наверное, чтобы не убежал, так, где тут у нас горы повыше, сейчас выслежу кого-нибудь, выберу местечко поудобнее, притаюсь, и наброшусь. А там он твердый, еще кости есть, точно получится тогда почистить нос и подышать.

«Нет, малышка, мне это, конечно, не слишком интересно, но куда деваться, давай поболтаем...Эхх... вечно болтать хотят те, с кем болтать не сильно хочется. Вот моя милашка, молчит уже третьи сутки, ну быть такого не может, походу гуляет или морозит», - сказал монах с красной повязкой на руке.

«Везет, что вообще ты кому-то интересен, зря ты жалуешься, что не ощущаешь желаемого внимания, может в том всё и дело, что она ощущает, что ты до сих пор не определился с выбором, или общается с твоей второй подружкой, или вообще пишут тебе на пару каждое сообщение с каждого аккаунта», - ответил лысый монах.

«Думаешь, они так развлекаются?» - спросил первый

«Вполне...а что им там еще делать, покурят, поиграют, да и давай развлекаться», - ответил второй.

«Вот поэтому ты и один всегда, просто не способен никому доверять, даже мелочь. О! Псылку отправили! Надо будет перехватить, около старого ручья заложили, во фотку скинули, постарайся запомнить. Смотри-ка вышла в сеть, так... читает... читает... прочла... и молчком, ну что тут сказать, конечно, это уже совсем не та девочка, которую получилось вытащить из цикла, как же быстро меняются люди...о...о...о...что-то печатает...ну класс...написала: понятно.пока.», - сказал монах с красной повязкой на запястье.

«Да не бывает любви, что ты с этим вечно запариваешься, ты просто хочешь что-то почувствовать сам, понимаешь, сам, и по сути тебе не важно с кем... просто ощутить чувства, да и в основном плотские, внетелесное слияние намерений, это то, что ты сам себе придумал, не больше, не всё, что возможно представить - осуществимо, брось ты эту идею и живи не запариваясь... Ага запомнил, большой камень в форме полуэллипса», - сказал лысый монах: «Погнали уже, скучно сидеть тут...и не запаривайся с закрытием храма, сильно надо будет придут позже, не нужен нам тут вахтер, сам факт того, что мы тут находимся уже достаточен, ты очень много энергии тратишь на всё... базара нет, что это дает тебе более обточенный результат, но всегда ли он нужен в такой форме, подчас достаточно и самого его наличия в неизменной форме, понимаешь?»

«Ты просто ленивый кусок дерьма, морочиться надо и надо морочиться всегда и везде, забив на время и себя, только усилиями и методичностью можно добиться результата, как быстрее, так и качественнее и так во всём, ты можешь раздавать картошку, но стоит тебе нарезать её палками, обжарив, как сразу все поймут, что это есть, выращивать и хранить куда интереснее, если в итоге можно словить такой результат... понимаю, что ты очень хочешь попробовать картошку фри, но тут до фритюрницы еще жить и жить...ладно, погнали» - ответил монах с красной повязкой на запястье и спрятал металлический смартфон под выдвижной плиткой стены монашеской кельи.

-Так...отлично, вот отсюда, вот так вот прыгну, и сразу в спину, а потом укушу в шею, следы вроде свежие и только в одну сторону, значит еще вернется обратно.

Тигрица притаилась на небольшом холме, который остро обрывался в неглубокое ущелью, на метров шесть вниз. Прислонившись к снегу, она приготовилась к прыжку, едва услышав тихий хруст снега, раздававшийся из-за густорастущих деревьев и кустов под холмом. Через несколько минут кусты вздрогнули, и снег большими комками упал с них, между кустами появилось большое рыжее тело другого тигра, аккуратно идущего в сторону холма с куском плоти убитого животного в пасти. Тигр быстрым взглядом осмотрел свой путь через холмы и сразу же встретился взглядом с тигрицей, уши которой чуть заметно торчали из-за холма.

- Да блин! Да как так?! Сразу же увидел, нууу всё...дохлый номер... он еще такой крупный, пора уходить... Не больно то и хотелось, тьфу на тебя слышишь, тьфу два раза, вонючка полосатая.

Тигрица поднялась и не сводя глаз со, стоящего на месте тигра, повернулась и, будто ничего и не было, пошла в противоположную сторону.

- Говорила мне мама, Лютик, не уходи далеко от дома...эх...где ты теперь мама...Так, ладно, блин уже вечереет, поесть так ничего и не удалось. Ой, только не это, блин!

Тигрица начала бегло осматриваться вокруг, ища укромный уголок.

- Может обратно вернуться?! Нет, чувствую, что не успею, блиииин, так, может вырыть ямку где-то?!... Даже более-менее большого дерева-то нигде рядом нет.

Тигрица прибавила хода и помчалась в сторону большей густоты леса. Спустя пятнадцать минут бега, она забрела в заросли кустарника и смогла уединиться, и через некоторое время она вышла и продолжила прогулку.

- Так-то гораздо лучше, но всё равно, что-то надо с этим делать, постоянно блуждать неудобно, надо уже найти место, которое станет домом. О, что это?! Белый воздух поднимается так высоко.

Пройдя еще несколько метров тигрица увидела, что добралась до края леса, и вдалеке начали появляться дома людей, отопливаемые печами, дым из труб которых так напоминал ей выдыхаемый воздух.

- Так, стоит держаться подальше, хотя может и найдется человек, который тоже захочет со мной подружиться и поможет мне уже дышать нормально, ладно аккуратно пройду вдоль края деревьев, вдруг появится какой-нибудь добрый монах, тогда точно не буду от него убегать, главное не бояться, да главное не бояться...В этот раз точно должно получиться.

Тигрица медленно и осторожно брела между деревьями вблизи начинающейся деревушки, но не встретив никого по пути, продолжила идти вглубь леса.

- Прямо, всё время, сегодня гуляем только прямо и не сворачиваем никуда, ни шагу назад тоже.

Пройдя еще несколько часов, тигрица повстречала на своем пути огромную стену и начала идти вдоль неё.

- Вот это высокий холм, да уж его не перепрыгнуть, какой же он отвесный, когтям в него тоже не впиться, ну и ладно видимо придется повернуть, но ничего, как обойду её, то вернусь обратно на место поворота и продолжу идти прямо.

Спустя три часа безостановочной ходьбы, тигрица нашла недостроенный участок и через эту брешь проникла за стену. Пройдя зимний лес по ту сторону стены, тигрица добрела до широкой дороги вдоль которой двигался караван, перевозящий разнообразные вещи.

-Ничего себе!...а...аа...ааа...апчихи!...Ну ничего себе, сколько тут людей, что они везут в этих коробках. Блин, интересно! Ого, сколько вас тут, да уж...пфф...пфф...

Тигрица попыталась почесать носик о плечо, но это снова ей не помогло, воздух по-прежнему не попадал, и приходилось дышать через открытую пасть. Подняв голову, тигрица увидела, как из маленького окошка большой обитой металлическими листами повозки показалась морда большого бурого медведя, тоскливо смотрящего в сторону окружающего дорогу леса, он ухватился за металлические прутья окошка лапами и несколько раз попытался сдвинуть их,

но тщетно, проревев в открытое окно, он продолжил свои попытки выбраться, а повозка не останавливаясь ехала по дороге, унося его всё дальше и дальше от взора тигрицы.

- Какой ужас! Жуууууть... надо держаться от этой дороги подальше, так вернусь-ка я лучше обратно.

В этот момент тигрица услышала, как захрустел неподалеку от неё снег, и тут же бросилась бежать куда глаза глядят. Её сердце трепетало от ужаса, а в голове лишь крутились мысли о том, как не попасться в такую коробку. Убегая что было сил, тигрица мчалась сначала в сторону расщелины в стене, но увидев вдаль, что путь назад преграждают несколько охотников с луками, она пустилась в противоположную сторону и мчалась уже без оглядки. Несясь сквозь острые кусты и ломая их ветви, тигрица буквально летела, не замечая уже ничего, страх настолько наполнил её сердце, что оставшиеся давно позади охотники продолжали ей мерещиться за каждым деревом. Окончательно обессилив, она упала в снег. Прележав несколько минут и переведя дыхание, она поднялась и огляделась. На улице уже вечерело, набрав в пасть снега, она утолила жажду и медленно побрела по лесу, который уже изрядно начал редеть, и вдалеке всё чаще и чаще проглядывались столбики дыма от домов деревни, находившейся неподалеку. Уставшая и напуганная тигрица, опустив голову грустно брела по лесу, одинокая и напуганная, она не знала где ей скрыться от всего этого мира, который навалился на неё, так и желая загнать в клетку и не давая вдохнуть полной грудью. Выйдя на небольшое замерзшее озеро уже глубокой ночью, она посмотрела осторожно по сторонам, в поисках более-менее густого участка леса. Потерев лапой замершую воду, она взглянула на следы, оставшиеся от её когтей на льду, глубоко вздохнула и медленно пошла через озеро.

Внезапно небольшой лучик, стремительно озаривший ночную тьму, быстро пролетел над озером и воткнулся рядом с головой тигрицы. Приглядевшись к огоньку, тигрица увидела, что в лёд вонзилась стрела, кончик которой ярко горел огнем. Тревожно оглядевшись вокруг, тигрица увидела вдаль два темных силуэта. В руках одного из силуэтов четко проглядывался лук, на кончике которого огнем горела еще одна стрела, а у головы второго силуэта еле заметно тлел маленький огонек.

- Люди! Попалась! Бежать! Бежать! Бежать!

Тигрица вцепилась когтями в лёд и, прогнув спину, помчалась в сторону ближайших деревьев. Пробежав несколько метров, она заскользила и развернулась, к собственному удивлению, в противоположную сторону. Продолжая изо всех сил цепляться за лёд, она снова развернулась и опять попыталась побежать в выбранном направлении.

Глаза женщины с сигаретой загорелись алым пламенем в цвет тлеющему кончику сигареты, она глубоко затянулась сигаретным дымом и начала выдыхать, медленно раскачивая голову из стороны в сторону. В этот же момент над тигрицей поднялся небольшой вихрь и вновь перекрутил её в противоположную сторону.

«Попалась, киска», - с самодовольной улыбкой произнесла женщина и снова глубоко затянулась сигаретным дымом. Медленно выдыхая в той же манере, она буквально начала управлять возникшим вихрем, всё усиливая и усиливая его, поднимая тигрицу над землей.

«Говорили же тебе, не гуляй ночью одна, киска», - тихо сказала женщина, а потом громко крикнула: «Окружай тигра!»

Со всех сторон озера из-за деревьев показались мужчины, держащие перед собой большие деревянные щиты. Они быстро окружили кружащуюся в воздухе тигрицу со всех сторон, оставив небольшой круглый пятачок, куда тигрица с грохотом упала, когда вихрь ослаб и рассеялся. Тигрица громко рычала и царапала высокие деревянные щиты, обитые металлическими листами, но не могла перепрыгнуть их. Мужчины специально наклоняли их, сужая пространство над головой тигрицы. Через пятнадцать минут борьбы со щитами тигрица начала уставать, и броски с ударами уже не так сильно отталкивали мужчин.

«Она сдулась!» - крикнул женщине один из держащих щиты.

«Ин, Гу кидайте сети», - скомандовала женщина с сигаретой.

Два амбала тут же подбежали к кругу из щитов. Один кинул сетку в жерло образовавшейся ловушки. Тяжелая металлическая сетка с шумом упала на тигрицу, ударив одним из грузил по голове, но тигрица вывернулась и громко взревела.

«На меня её выпускайте!», - крикнул второй громила и приготовился накинуть вторую сетку. Двое мужчин со щитами ушли в сторону и освободили небольшой проход для тигрицы, из которого она тотчас вылетела пулей навстречу летящей в неё раскрывшейся металлической сети.

«Попалась, киска!» - довольно проревел громила.

Сеть окружила тигрицу и повалила её на холодный лёд, но её веса оказалось недостаточно, чтобы обездвижить такое животное и, немного поборовшись, она выпуталась, тут же попытавшись вновь побежать, пока суетливые мужчины с щитами опять пытались создать вокруг неё неприступное кольцо.

«Разошлись!», - крикнула женщина с сигаретой, и начала быстро выдыхать сигаретный дым, вихрь вновь подхватил тигрицу и поднял над землей, кружа с огромной скоростью, перед глазами тигрицы всё поплыло, отчаянно пытаясь ухватиться хотя бы за что-то, она совсем позабыла весь день, что беззаботно прогуливалась по лесу.

Вихрь продолжал крутить тигрицу.

«Готовьте хваталки и сети!» - сказала женщина.

Мужчины опустили щиты на землю и выхватили длинные металлические палки, на концах которых были округлые металлические оковы с небольшими замками, закрывающимися при смыкании двух концов разных палок.

Прокрутившись еще десять минут, вихрь снова исчез и тигрица рухнула с двухметровой высоты на лёд. Закружившаяся и потерявшая ориентацию, она попыталась встать на лапы, и тут же её повело в сторону, лапы начали подкашиваться, а перед глазами всё продолжало кружиться. С двух сторон на неё упали тяжёлые металлические сетки, с которыми уже не было сил бороться, а на шее сомкнулись замки двух хваталок, которые сначала держали двое мужчин, а позже к ним присоединились еще по двое с каждой стороны.

«Попалась...какой ужас», - подумала тигрица и из её глаз потекли слёзы.

Опустившую голову тигрицу медленно подвели к громилам, которые нацепили ей намордник. Звонким щелчком он захлопнулся за её ушами, глаза тигрицы в этот момент резко сузились, и вновь тоскливо опустились к земле.

Мужчины повели её, держа за хваталки, в сторону домов. Дикое животное с опущенной мордой медленно ступало по замерзшему озеру, а с неба крупными хлопьями начал идти снег.

Добравшись до заднего двора дома женщины в черном платье с красным вышитым драконом на спине, тигрицу завели в большой закрытый загон с глиняными стенами и крышей, посадили на цепь и, распахнув замки хваталок, вышли, закрыв за собой дверь на большой засов, оставив тигрицу в полной темноте, и лишь шебуршание и тихие шаги, едва доносящиеся из-под пола, не давали обессилившей хищнице уснуть до самого утра.

Проснувшись, тигрица увидела небольшой лучик солнца на противоположной от маленького окошка с решеткой стене. Потянувшись, она села и начала оглядывать снова и снова пустую комнату. Немного сена в углу не хватило даже для того, чтобы на него положить лапу, не то что поспать. Забитый нос по-прежнему не позволял вздохнуть. Застывшим взглядом тигрица смотрела на узор на стене от солнечного лучика, ловко прошедшего сквозь решётку. Внезапно солнечный лучик задвигался, задрожал и изменил форму, тигрица задумчиво приглядываясь к нему, и вдруг за спиной услышала тихий женский голос.

- Пш...пш...

Тигрица оглянулась в сторону решетки и увидела, что с другой стороны на неё смотрит пара игриво-улыбающихся девичьих глаз.

«Привет, как ты? Как спалось? Вчера сильно было страшно? Не бойся меня. Я Хао Мэй, а как тебя зовут?» - звучал нежный голос из-за решетки.

«Хао Мэй! У тигров не бывает имен! Хватит приставать к нему! Идем уже завтракать, куда выскочила в одной пижаме, тигров не видела, что ли?!» - раздался громкий голос взрослой женщины.

Девушка отвернулась от решетки и прокричала в ответ: «Так близко – никогда! Мам, давай оставим его себе, ты же мне обещала подарить кота!»

«Не носи чепухи! Я уже договорилась с аптекарем и продала его от усов до хвоста на лекарства, половина, кстати, должна отправиться во дворец императора, так что советую тебе не привыкать к нему и идти уже завтракать, простудишься!» - прокричал недовольный женский голос в ответ.

«Но мам! Он такой красивый, может у меня получится приручить его?! Он совсем не рычит и не бросается как вчера», - продолжала Хао Мэй.

«Потому что он взаперти и понимает, что уже не выбраться! Не тереби его, его дни сочтены, яичница остывает, я в последний раз говорю тебе - быстро взяла ноги в руки и пошла

завтракать, иначе твою порцию съест Бао-Бао, он уже почти на стол залез от запаха!» - отвечал женский голос.

«Ну иду!» - прокричала девушка в ответ, потом бегло взглянула на тигрицу, которая не поняла ни слова из того, что они говорили, и как только Хао Мэй на мгновение мелькнула у окошка, попыталась потянуться к ней мордой с наполненными грустью глазами в немой просьбе выпустить её в лес.

Через несколько часов, раздался шум отпирающегося затвора, где-то под полом тоже начал слышаться тихий шум, похожий на невнятное перетаптывание. Заскрипели промерзшие на морозе петли тяжелой двери, и в сарай залетел морозный ветер с небольшими снежинками, вслед за ними вошла Хао Мэй с большим деревянным тазом в руке, деревянным ведром воды в другой и с мешком за спиной. Тигрица, повернувшись на шум, стояла, не двигаясь, и следила за ней.

Девушка улыбнулась тигрице, потом аккуратно поставила таз на пол и налила свежей прохладной воды из натопленного снега, аккуратно пододвинула его поближе так, чтобы тигрица могла дотянуться.

Тигрица настороженно отнеслась к воде и, не проводив её взглядом, пить не стала.

Тяжелая металлическая цепь не позволяла тигрице свободно перемещаться по всему сараю, пуская её только до середины, словно кто-то уже давно рассчитал это и она не первая узница этой маленькой камеры. Хао Мэй снова улыбнулась тигрице и достала из заплечного мешка небольшую безголовую и ощипанную тушку курицы, потом бросила её поближе к тигрице, слегка поклонилась, улыбнувшись, и ушла, чуть прикрыв дверь. Тигрица бегло посмотрела на тушку, потом настороженно на дверь и вновь застыла в ожидании. Ничего не происходило и тигрица, успокоившись, села на задние лапы и перевела взгляд на тушку курицы. Она смирно сидела, не думая притрагиваться к курице около десяти минут, потом посмотрела в окошко и увидела в нём любопытный взгляд Хао Мэй, который тут же исчез из поля зрения от смущения.

Тигрица продолжила смотреть в окошко на огромное количество маленьких снежинок, падающих плотной стеной на улице, как вдруг на весь сарай раздался громкий звук урчания её пустого желудка. Глаза на мгновение расширились, она снова перевела взгляд на дверь, потом аккуратно встала, подошла чуть ближе, пытаясь заглянуть, не стоит ли кто за дверью, но короткая цепь не дала этого сделать. Аккуратно подойдя к тазу, она понюхала воду в нём и быстро лизнула, потом, тяжело и долго выдохнув, начала лакать воду. Напившись вдоволь воды, тигрица снова взглянула в сторону двери, потом на окно и, не увидев никого, с жадностью набросилась на тушку курицы. Съев её буквально в пару укусов, она недолго понюхала то место, где лежала тушка и снова села спиной к окну и продолжила смотреть на солнечный свет, падающий из окна. Через пару минут он снова замелькал, но не успела тигрица повернуться к окну, как дверь снова распахнулась, и на пороге уже стояла улыбающаяся девушка с огромной охапкой соломы. Она аккуратно подошла к центру комнаты и бросила её. Быстро и осторожно разгладив, тут же выбежала из сарая и через пару минут принесла еще одну такую же охапку, снова бросив к центру комнаты. Так за двадцать минут Хао Мэй, натаскав соломы, сделала большую лежанку для своей гостьи. Закончив, она вновь тихонько поклонилась, улыбнувшись, и ушла, на этот раз, закрыв дверь на засов и затворив окошко ставней, чтобы хоть немного накопить тепла в сарайчике.

Спустя несколько часов спокойного сна на куче соломы, тигрицу разбудил тонкий аромат сигаретного дыма. Несколько раз втянув его одно ноздрей, она проснулась, и попыталась раздышать забитый нос, но ей не удалось. На улице уже дул, подвывая морозный вечерний ветер, постепенно разворачивалась метель. Открылся с шумом засов, а за ним распахнулась дверь, на пороге стояла женщина с дымящейся сигаретой во рту, укутанная в шубу из медвежьего меха с тонко-сплетенными красными узлами вместо пуговиц, одетой поверх черного шёлкового ханьфу, она медленно оглядела сарай, цепь, потом тигрицу и остановила взгляд на её глазах. Они смотрели друг другу в глаза, застыв как две статуи, лишь дрожащее пламя скрытой в фонарике свечки трепыхалось и давало понять, что время в этот момент не остановилось. Вдохнув сигаретного дыма, женщина еще мгновение стояла и смотрела в глаза тигрице, после чего оставила фонарик подвешенным к маленькому гвоздику под крышей сарая, развернулась и также стремительно вышла, как и вошла. Тигрица же в недоумении перевела взгляд на фонарик и с удивлением маленького котенка уставилась на этот мерцающий кусочек солнца, что принесла женщина и повесила под потолком, осветив темноту её камеры.

«Хао Мэй, хватит уже!», - раздался женский голос на улице.

«Ну мам, всё в порядке, я сегодня сытая, ладно тебе, не каждый же день у нас такие гости!» - в ответ прокричала девушка и, забежав в сарай, принесла в руках запеченную куриную ножку, бросив поближе к тигрице. Потом немного наклонилась, ожидая увидеть, как тигрица съест её ужин, но, не дождавшись никакой реакции, улыбнулась, сказала: «Спокойной ночи. Ты поешь, хорошо?» - и быстро выбежала из сарая, закрыв за собой засов.

Проснувшись ранним утром, тигрица по привычке потянулась, немного умыла морду, почесала за ухом и начала бродить из стороны в сторону по сараю, то и дело нервно поглядывая в сторону двери. Где-то под полом начал раздаваться тихий шум с медленным еле слышным постаныванием.

Часть 3

«Я тебе говорю, ты должна уже нам отдать тигра! Когда, говори, когда?! Императорский двор ждет свою порцию! Как и большинство дворян и знати! Сколько еще ждать?! Чего ты тянешь с этим?!» - нервно потрясывая головой, кричала жена старого аптекаря, подперев руками бока, на спокойно смотрящую с абсолютно невозмутимым лицом женщину с сигаретой во рту.

«Ты закончила?» - ответила женщина. Жена старого аптекаря надула щеки и со злобой посмотрела в ответ, добавив: «Я и на тебя найду управу, не цени себя дороже своей стоимости, слышишь?!»

«Ты закончила?» - второй раз таким же спокойным тоном ответила женщина и выдохнула сигаретный дым ей в лицо, так что собеседница невольно закашляла.

«Я тебе повторяю, пока мы не узнаем пол тигра, смысла обещать его императору – нет! Сегодня мы посмотрим с Гу и Ином, что у него между лап, и если окажется, что это девка, то ты, старая ящерица, сама пойдёшь в лес искать обещанные тигриные яйца или заменишь их яйцами своего мужа, и не смей мне тут размахивать пальцем перед носом и угрожать управой!»

По лицу женщины с сигаретой было видно, что она еле сдержалась, чтобы не наговорить еще больше в ответ.

Один из громил потёр щеку ладонью с четырьмя пальцами, ухмыльнулся и откусил кусок мяса от зажаренной в масле куриной лапы, что держал в другой руке.

Женщина вскинула головой вверх и развернувшись пошла прочь от входа в лавку старого врачевателя.

«Уфф... сколько можно действительно с ним возиться, еще Хао Мэй не отлипает от него, очередной сложный выбор ложится на мои плечи», - подумала женщина и затянулась сигаретным дымом. По оживленной центральной улице городка текла река из огромного числа людей. Шумно и накатисто раздавался смех, разноцветные головные уборы и самодельные шубы пестрили маленькими яркими детальками отличающими каждого и каждую. Говор, торг, веселые истории, плач, смех и крики маленьких детей, то и дело шнырявших в толпе, добавлял пёстрости в оживлённую толпу.

Маленькая девочка, бегущая в сторону женщины с сигаретой и парой громил быстро, юрко обжевав их, спешила быстрее добраться к детскому уголку. Маленькая, укутанная в толстую шубку и замотанная шарфиком, она еле видела перед собой дорогу, постоянно поправляя варежкой падающий на глаза теплый платочек, защищавший её от мороза этим утром. В её руке было яблоко, измазанное застывшим сахаром, и, держа его на палочке, она бежала, тайно желая поделиться им с подружкой, которая уже должна была ждать её в уголке. Весело и с криком обжевав последнего громилу, идущего впереди, она, не оглядываясь и улыбаясь, бежала, только шарфик в очередной раз задрался ей на глаза, и пытаясь поправить его второй рукой, она оступилась на месте, скользком от вылитой ранним утром воды, и плюхнулась вперед, немного проехавшись на животе. Яблоко вылетело, и также стремительно и резко покатилося вперед, пока девочка, поправив шарфик, смотрела как оно убегает от неё всё дальше и дальше, под ноги проходящим мимо людям. Провожая взглядом яблоко, она дождалась пока оно остановится, потом быстро встала и побежала к нему. Дойдя до него, она наклонилась, чтобы поднять, но вдруг её взгляд остановился на ярко-фиолетовом женском кожаном-замшевом сапоге с высоким, обитым отполированным серебром каблуком, края серебряной обивки которого украшало кольцо из острых маленьких шипиков, чередующихся с искусно инкрустированными сапфирами в форме сердец. Сапоги плотно облегли изящную женскую ногу, кожаные элементы переплетались с замшевыми и бархатными вставками, заканчивающимися на уровне начала бедра. Из-под сапога выглядывали белые, ажурные и тонкие, как паучья нить, высокие гольфы. Медленно скользя взглядом по женской ноге, девочка поднялась вместе с яблоком и, продолжая вести свои маленькие глазки всё выше и выше она наконец увидела, как дама, одетая в недлинную шубу из белого меха, наклонилась к ней и медленно протянула зажатую в кулак руку.

«Держи, детка», - нежным голосом сказала дама и медленно распахнула кулак. На ладони её ждала большая шоколадная конфета в бумажной обёртке. Яркая, манящая разноцветная обертка и источаемый неизвестный, но так манящий своей аппетитностью запах шоколада, лежащего словно маленькая частичка самоцвета на покрашенной в голубой цвет кожаной перчатке, обитой белым мехом по краю, словно загипнотизировали девочку, так что рот её невольно открылся, а яблоко вновь выпало из рук. Позабыв о яблоке, маленькими ручками она потянулась за шоколадкой, которую к тому моменту дама уже держала тремя тонкими пальчиками.

«Любiiiiишка, пошли уже, кончай с ней играть», - ласково произнес мужчина в длинной шубе из медвежьей шкуры, выдыхая теплый воздух из ноздрей, разлетающийся паром в стороны.

Девушка выпрямилась, отвернулась от девочки в сторону, куда смотрел мужчина, и с улыбкой выдохнув, произнесла коротко: «Пффф...погнали».

Неспешным шагом они пошли вперед, сквозь толпу, держась рука об руку, пока медленно падали хлопья снега.

«А мне тут нравится, люди тут такие забавные, что-то бегают, такие активные, весёленькие, жизнь прямо так и бьёт ключом, охота, знаешь, нууу...не знаю, остаться тут подольше, конечно, ему тут не сильно понравится, слишком просто тут для него, но я прямо ощущаю себя как в...», - девушка на мгновение задумчиво и немного грустно опустила глаза вниз: «Как в детстве, как будто я снова в своей деревне».

«Да, хорош тебе всё время скатываться в это, честное слово, я вот скажу тебе, что тут я себя ощущаю, свободным от этой кучи возни по хозяйству, вроде иногда думаешь, классно так жить в замке, но как только поживешь там в качестве прислуги, то понимаешь, что так-то... так! Ты меня куда тут заболтала?! Тоже начинаю плакаться по всякой ерунде! Утро, свежесть и ты, больше мне ничего не надо. Знаешь, я скучал по таким прогулкам», - быстрым и сбивчивым голосом проговорил заросший бородой и усами мужчина.

«Да, ты прав, ты только глянь на них всех - такая смешная одежда на них, как будто каждую её себе шьет сам...пхах... ну ты видел эту бабёнку...ааа!!!...я сейчас просто покачусь со смеху, честное слово, цветастая как петушок...ооо», - девушка улыбаясь, поглядывала из стороны в сторону, из-под глубокого белого мехового капюшона, окаймленного по краям голубой ажурной вышивкой с прошитыми золотыми нитками.

«Пфф... а на шапочки их погляди, это как вообще?!...как?! Вон мужичок утром проснулся в своей халупке, одел что-то среднее между одеялом и ковриком для собаки, посмотрел на жену с детьми, и такой с серьёзным видом: «Дорогая, ну я пошел, покорять этот мир», а она ему, такая: «Дорогой, стой, ты забыл одеть на голову зелёный чулок с висючками - на держи!»»

И парочка тихонько начала хихикать, поглядывая на шедшего мимо них охотника в зелёной меховой шапочке.

«Да ладно тебе, ты лучше глянь на бабёнок, кому за двадцать... Просто, ну что это у неё на голове? Что я тебе спрашиваю? Она решила помочь птичкам зимой и просто состряпала у себя на голове гнездышко из волос?» - отвечала девушка.

«А ты заметила, как они тут ходят? Что они тут делают со своими ногами? Почему они такие маленькие?» - продолжая улыбаться, спросил мужчина.

«Ну это, конечно, жуть, они ломают своим девочкам в детстве стопы, потом заматывают их тряпками, чтобы те росли маленькими, и девочки вырастают и семяют на сросшихся стопках размером с ладошку. Называют это лотосом, им чем лотос меньше, тем женщина желанней

для мужчины, понятное дело, что те, у кого самые маленькие лотосы, ходить вообще не могут и лежат дома в ожидании, когда их мужья придут, ну и начнут наслаждаться их лотосами», - с неприязнью произнесла девушка.

«Чего?! Вот до этого было смешно на них смотреть, а вот теперь не очень... Ты мне зачем это сказала? Я думал, что они просто придуряются, когда так бегают, потому что они вообще забавные, но это...уууу... и как они этими лотосами наслаждаются? Как им вообще можно насладиться, я что-то не догоняю...», - замешавшись и поменявшись в лице, проворчал мужчина.

«Нууу...», - девушка на несколько минут задумалась, потом повернула лицо в сторону спутника, посмотрела ему в глаза и, улыбнувшись, сказала: «Нюхают наверное».

«Пхах..» - тихо усмехнулся он и заулыбался.

Оживленная улица продолжала кишить кричащими людьми, зазывающими в свои небольшие забегаловки, или пытающимися что-то продать. Зеваки, покупатели, солдаты, охотники, рыбаки, женщины с детьми, самодовольные особы с супругами в окружении слуг и служанок прогуливались в этот солнечный денёк. По краям широкой улицы стояли в ряд крупные дома, в которых размещались торговые лавки, небольшие харчевни и ресторанчики для тех, кто побогаче. Тут же бегали дети, спокойно и умиротворенно расхаживали монахи всех мастей в разноцветных одеждах, шныряли бездомные собаки в поисках кусочка еды и только один пушистый кот, развалившись, лежал на прилавке рыбной лавки, наевшись свежей рыбы с самого утра и ленивым взглядом разглядывая движущихся людей. Какая-то парочка парней сидела и играла в кости у небольшой чайной лавки, что-то весело крича друг на дружку, то и дело похлопывая по плечу или по щеке после очередного броска. Продавцы тканей пестрили своими товарами, громко зазывая покупателей к себе, трясая в руках кусочками ткани или обработанных шкур. Какие-то продавцы нервно бегали по лавкам, пытаясь обслужить огромную очередь, выстроившуюся перед ними, а мимо проходящие люди, не видя товара за спинами стоявших в очереди, громко крича, спрашивали у впереди стоящих, что лежит на прилавке. Старички и старушки волокли за собой маленькие деревянные саночки, заполненные разными мешочками, без умолку разговаривая друг с дружкой, махая руками знакомым, что встречались по пути. Шумная улица находилась под чутким надзором местных солдат, парными патрулями, блуждающими вдоль толпы, и такими же парочками, стоящими у императорских лавочек.

Пробивая себе дорогу уверенным и грозным шагом в этой толпе упрямо как бык, тащащий за собой непомерно тяжелый плуг, так же, как его острие рассекая толпу, шел Гу. Протерев большим четырехпалым кулаком сначала брови, а потом нос, он резко высморкался в сторону и немного прокашлялся. Видевшие его издали люди старались отойти в сторону, но всё же попадались простаки, которые, зазевавшись или отвернувшись, впечатывались в него, и через мгновения разлетались по сторонам. Уверенным и спокойным шагом вслед за Гу шла женщина, пуская облака сигаретного дыма перед собой. За её спиной, сжимая крепкую деревянную дубину с металлическим наконечником, шел Ин, нервно озираясь по сторонам, взглядом, наполненным жадой прямого конфликта.

«Это что на нас такое надвигается, ты видишь?» - спросила Любишка, приметив в нескольких десятках метров перед собой Гу.

«Ага, это как он такой вырос-то тут, они же здесь все ростом с подростков?» - ответил мужчина.

«Ты только глянь, как озирается по сторонам...кажется кого-то отлупить хочет или просто лицо такое недоброе. Прямо на нас ещё идет. Всё...», - сказала Любишка и наклонила голову, стараясь смешаться с толпой, но несмотря на свой невысокий для европейки рост, смешаться с толпой среди азиатов ей не удалось.

«Ага, прёт прямо на нас, медленно и уверенно, а что там за ним дымит такое?» - спросил мужчина.

«Не знаю, и знать-то особо не хочется, давай-ка в сторонку уйдем, я вот сейчас вообще не хочу тут с ним конфликт урегулировать...да уж, даже отпустить сразу начало, от его рожи», - тихо проговорила девушка.

«Поздно, он уже смотрит мне в глаза, и что-то по его роже видно, что я ему нравлюсь больше чем ты», - также тихо и осторожно сказал мужчина, затем отпустил руку девушки, и заложил обе руки в боковые разрезы медвежьей шкуры, располагавшиеся на уровне живота, тихо сжимая руками пару боевых топоров, подвешенных на ремнях под шубой.

Гу бегло повернул голову в сторону женщины с сигаретой.

«Да, я тоже их вижу, пошли перекинемся с ними парочкой слов, сказывается мне, что это их мы видели той ночью!» - сосредоточенно сказала женщина.

Любишка со своим спутником встали на месте в немом ожидании, повернувшись и смотря друг другу в глаза. На молодом и симпатичном личике девушки с длинными волнистыми золотисто-желтыми волосами появилась небольшая ухмылка, в бирюзово-голубых глазах промелькнула искра. На лице же мужчины, с длинными усами и бородой, покрытых лёгким инеем, мешающим понять его возраст, тоже промелькнула улыбка, а в глазах появилось легкое злорадное предвкушение хорошей заварушки.

«Ослабь немножко, хорошо? Не срывайся прямо вот так вот сразу, мы отдыхаем помнишь? Сейчас уболтаю их», - игриво произнесла Любишка.

Мужчина наклонил голову в правую сторону, при этом раздался звонкий хруст, потянувшейся межпозвоночной связки. Из левого разреза надетой на нем медвежьей шкуры показалась одна рука, вторая же по-прежнему крепко держала спрятанный топор. Медленно и глубоко вдохнув холодный и чистый воздух, он снова улыбнулся и сказал: «О чем ты? У меня просто замерзли руки».

К этому моменту Гу оставалась уже пара шагов до иноземцев. Подойдя к ним, он встал напротив мужчины, приставил кулаки к поясу, немного размяв плечи движением назад, на мгновение повёл назад и головой, надменным взглядом одарив обоих. Из-за широкой спины Гу показался не менее рослый и широкий Ин. Встав напротив Любишки, он быстро посмотрел на мужчину, после чего остановил взгляд на бледной коже шеи и неглубоком декольте белой меховой накидки, которое украшал кулон из голубого драгоценного камня в форме сердца.

Из-за его спины появилось белое облако сигаретного дыма, в котором через мгновение появилась женщина в шубе из почернённого меха медведя с красными витиевато плетёнными завязками, напоминающими по форме хитросплетенные ромбические узлы. Аккуратно шагнув навстречу к незнакомцам, женщина пристально посмотрела сначала каждому в глаза, не выпуская длинный черный мундштук с дымящейся сигаретой из рук, но и не поднося его ко рту. Потом оглядела каждого с ног до головы, затем снова бегло посмотрела каждому в глаза.

Любишка нервно быстро улыбнулась ей, не получив в ответ никакой реакции, высунула из белой перчатки руку в голубовато-синей перчатке и, приветливо помахав рукой, сказала: «Доброе утро», - и после короткой паузы добавил: «Сегодня отличная погода».

Женщина, до этого смотрящая на спрятанную руку мужчины, перевела взгляд на Любишку и сквозь зубы сказала: «Умеешь говорить на нашем языке? Этот тоже?» - и бегло перевела на секунду взгляд на мужчину.

Громкий крик в этот момент прогремел в говорливой толпе недалеко от соседней лавки, заставив обернуться к себе всех, услышавших в радиусе нескольких метров. Один из монахов громким голосом начал нараспев читать даосские притчи, пока второй монах, сидящий рядом с ним на небольшом стульчике, о чём-то говорил с пожилой женщиной, слёзно твердящей ему что-то терзающее её сердце.

Все обернулись на громкое начало распева притчи, кроме женщины с сигаретой, продолжавшей смотреть пристально на Любишку, и Ина, который продолжал смотреть на мужчину, поигрывая дубинкой в руках и побивая ударным краем по свободной ладони, с ненавистью смотря на чужестранца.

Повернувшись обратно Гу сжал ладони в кулаки, заскрипев кожаными перчатками, на краях кентосов которых были пришиты металлические накладки, искривив в недовольное выражение физиономию.

Любишка, вернув взгляд на женщину, сначала нервно и испуганно закивала головой, а потом резко остановилась и начала быстро качать её из стороны в сторону: «Нет, нет, он не говорит и не понимает, мы просто гуляем, слышали много...».

Внезапно звонкий звук удара металлических тарелок друг о друга, раздавшийся со стороны выступающего монаха, заставил всех слушающих засмеяться во весь голос и опять отвлек внимание Любишки и её спутника.

«Я таких, как вы, видела... в могиле глубокой... гуляют они тут! Это наша земля, гуляйте там, где ваш дом, а не рядом с моим. От таких, как вы, даже стены не спасают!» - с холодом в голосе сказала женщина и затянулась сигаретным дымом, выдохнув в лицо Любишке.

«Стоит таким, как вы, появиться, и пропадать начинают дети и женщины! Что вы тут потеряли, демоны лупоглазые?!» - раздраженно сказала женщина и перевела взгляд с лица испуганной Любишки, на её сопровождающего. На что он, исступлённо посмотрев в глаза курящей женщине, снова перевёл взгляд на громилу, стоявшего напротив и мнявшего кулаки, практически у самого его носа.

«П...пп...», - начала было Любишка, но женщина тут же её перебила: «Что ты мне тут заикаешься, я таких как вы наизусть знаю, прикидываетесь слабыми и добрыми, а сами только и норовите, что-то украсть или кого-нибудь убить ради забавы».

Тут из-за спины женщины показалась огромная строгая голова тибетского мастифа, внимательно всматривающаяся в Любишку и её спутников. Пышной крупной лапой мастиф погладил ногу женщине, отвлекши её от пылких ругательств, которыми она только собиралась одарить собеседников. Не ожидая этого, она с удивлением обернулась назад и замолчала. Любишка, воспользовавшись моментом, произнесла дрожащим голосом: «Путешественники мы. Я и мой...», - тут она не секунду снова запнулась и через мгновение закончила: «я и мой будущий супруг. Да, мы собираемся скоро пожениться и решили провести путешествие, чтобы наши чувства немного испытать, у нас так принято... Да! Да! На родине у нас так принято, и чем дальше мы сможем пропутешествовать, тем крепче у нас будет семья, главное не поссориться по дороге, а то это плохой знак».

Погладив мастифа по шее рукой в черной кожаной перчатке с красной вышивкой по краю, женщина невольно улыбнулась серьезному и насупившемуся выражению морды собаки, потом снова повернулась к путешественникам, посмотрела еще раз на обоих и сквозь зубы сказала: «Чем раньше вы покинете наш город, тем лучше будет всем. За всё то, что сейчас произойдёт плохого на нашей земле, будете отвечать вы, до тех пор, пока вы здесь путешествуете... для укрепления вашей семьи. Если мы ниже вас ростом или у нас не такой оттенок кожи и не выпученные зырки, это еще не повод думать, что вы нас умнее или...хитрее... а теперь пошли с глаз моих долой оба, и не думай, что мы тут щадим женщин, ответишь за свои грязные делишки сильнее, чем твой обросший шерстью хорёк».

Любишка взяла под руку своего спутника и закутав тонкую и стройную шею поглубже в белый мех шубы, быстрым шагом обойдя громилу, отправилась дальше прогуливаться по рынку.

«Что ты хотел, Бао-Бао? Всё хорошо у тебя? Вышел прогуляться мой сладкий мальчик?» - заулыбавшись, начала разговаривать с собакой женщина и гладить пса у правого уха. Потом наклонилась и поцеловала пса в лоб: «Что ты хочешь, солнце моё? Пошли, куплю тебе мяса или кость большую, хочешь? Выбирай»

«Не, ну ты видел, она просто...ааа!!! Это было просто что-то! Я там чуть не умерла!» - с лёгкой улыбкой бегло говорила Любишка, прижавшись поближе к своему спутнику.

«Ага, согласен, я думал, что...ох, даже слов не нахожу, пока она там мямлила, меня, видимо, еще крепче накрыло, ухх...или алкоголь сильнее опьянил...короче, да, её прическа, это просто что-то убийственно смешное», - давась от смеха отвечал мужчина.

«Ааа... я такое безобразие не встречала даже в книжках, просто жуть, тут никакой оккультизм и магия не нужна», - смеясь, говорила Любишка.

«Не говоря уже про оружие», - добавил мужчина: «Слушай, а ты заметила этот запах, какой-то странный, такой и резкий, я много разного дерьмеца перенюхал, но столь мерзотный запах не пробовал никогда?»

«Ты про что сейчас? От неё еще и пахло что ли?» - удивилась Любишка.

«Нееет, у неё в руке был зажат какой-то мешочек, и несмотря на то, что она этой рукой держала мундштук и курила, запах просто бил в нос, я еще думал, как ты его терпишь и даже не чихаешь с твоим-то чувствительным носиком. Я стоял от неё в паре метров, но у меня чуть кровавые слезы не потекли, как она его вообще может так близко таскать, не понимаю. Неужто ты ничего не почувствовала?» - расширив глаза от удивления и посмотрев на Любишку, сказал мужчина: «Поверить не могу, что ты не почувствовала эту вонь, я сначала думал, ну это типа, какой-то очередной деликатес на палочке она с собой таскает, или прах мертвого родственника, или...»

«Промаринованную в собственном соку жопу скунса? Ты же это хотел сказать?» - слегка улыбнувшись и приподняв одну бровь, сказала Любишка: «Главное эта ста... главное эта агрессивная дамочка от нас отвязалась, куда пойдем дальше? Предлагай! Сегодня я плачу. Хочешь, куплю тебе кусочек мяса или косточку, мой хорёчек», - игриво произнесла Любишка.

Мужчина в непонимании перекосил лицо и, задумчиво, с улыбкой произнес: «Хорёчек?»

«Именно. Пошли, они скоро проснутся, договорились встретиться у ресторанчика на втором перекрестке, давай помогай мне найти хотя бы один, я тут уже совсем запуталась», - произнесла она игриво и поцеловала мужчину в холодный, покрасневший от мороза нос.

Жар солнечного дня, отражающийся и ослепляющий желтизной от покрытых чистым золотом крыш небольших домов, осушает воздух во всем городе, устремлённом к центральной башне, словно золотые кружева вокруг центрального драгоценного камня на идеально круглой праздничной тарелке, края которой, как закрученные борта не дают выливаться этому удушливому воздуху.

На одной из крыш, абсолютно бесшерстная белая кошка с массивным золотым кольцом на шее, тихо поедает с огромным аппетитом что-то бесформенно коричневое, чавкая и причмокивая. Морда кошки с застывшим омерзительным выражением и несообразно большим для морды носом, выпученными навывкате глазами, смотрящими в разные стороны, украшенными вытатуированной черной подводкой. Большие стоящие торчком уши по обеим сторонам, пирсингованные толстыми золотыми кольцами, плотно и без зазоров висящими. Доев, кошка подняла голову и приняв голову, посмотрела перед собой, потом подошла к краю крыши, взглянув на улицу, дорога, которая покрыта не менее ярко-горящим солнечным светом, небольшими золотыми плитами, украшенными редкими, но размером с куриные яйца рубинами и изумрудами. По этим дорогам быстро ездят двухколёсные колесницы, запряженные безмеховыми, обтянутыми тонкой бледной кожей животными, не имеющими половых признаков, внешне напоминающими лошадей с обезображенными огромными носами. Стоящее у переднего края колесницы, полностью покрытое золотыми пластинами человекоподобное существо крепко держит вожжи, угловатые движения его рук дают понять, что до плавности человека ему еще далеко. Под закрытой небольшой крышей, загнутой словно раковина морского моллюска на золотом кресле важно восседает еще одно существо, полностью покрытое золотыми пластинами, инкрустированными драгоценными камнями и изящно местами переливающимися перламутровым цветом вставленными и отполированными кусками раковин, ярко контрастирующее с кажущимся уже более бедным и обыденным золотым нарядом существа с вожжами.

Длинный вытянутый палец в латной золотой перчатке, обильно украшенной россыпью белых бриллиантов, сидящего на сиденье, тянется к рельефно- и тонко-пародийно отображающему анатомию человеческих ягодиц, участку тела держащего вожжи существа. Звонкие удары от постукивания пальца заставили держащее вожжи существо медленно развернуть голову, не разворачивая тело и плечи, практически полностью повернув лицо, скрытое за золотой маской, с красными рубинами вместо глаз. Голова, полностью развернувшаяся в противоположную сторону от естественного положения, слегка наклонилась к сидящему, застыв во внимании.

Мчавшаяся на серьезной скорости колесницы тряслась, пока ехала по золотым плитам, искусно пародирующим формой каменную брусчатку.

Маска на лице сидящего, с широкой тиарой, окаймленной бриллиантами, больше напоминающей подобие рельефно-прорезанного высокого кокошника, лучи которого расходились в сторону от лицевой части подобно лучам солнца, с прикрепленными к концам короткими золотыми цепочками, оканчивающимися бриллиантами размером с горошину, трясущимися и раскачивающимися от езды, повернулась в сторону маски, держащего вожжи, и из места прорези для губ, выполненного подобно пышным губам молодой девушки, прозвучал мерзко-скрипящий голос человека, интонация которого не давала понять пол того, кто скрывался под ней: «Едь быстрее и бей сильнее, даже если не будет бежать быстрее бей сильнее, чтобы было слышно ржание от каждого удара. Хочу еще сладкое есть в это время, нет острое, нет сладкое, давай и сладкое, и острое».

Голова существа с вожжами, продолжила вращаться в ту же сторону, с которой и начала поворачиваться, совершив полный поворот вокруг своей оси, она встала на прежнее место. Одна из рук опустила вожжи и вывернула на перелом кисть тыльной стороной вниз, пока медленно опускалась и выворачивалась за спину. Остановившись перед сидящим, рука на мгновение застыла и тут же на раскрытой ладони материализовался большой кусок молочного шоколада, на котором красовался длинный жгучий красный стручковый перец. Сидящий, быстрым движением взял в одну руку шоколад, а во вторую перец. Как только рука держащего вожжи опустела, тотчас на ней материализовался длинный черный кожаный хлыст, с металлическими грузиками на расстроённом кончике. Маска сидящего поднялась, открыв доступ для шоколада и перца, а рука с хлыстом, не успели шоколад и перец дотронуться до языка, уже со свистом нанесла первый удар по спине лошадеподобному существу, вызвав громкий крик, подобный ржанию умирающего животного. Тварь тут же встрепенулась и понеслась на максимальной скорости вперёд, в попытке убежать от постоянно настигающих её ударов хлыста, пока на горизонте продолжала расти гигантская голубая, как небо, башня. Свет, падающий на неё от золотых крыш окружающих её домов, отражался в огромных незамутненных сапфирах, которыми она была в большинстве своём покрыта. По мере приближения к башне пролетавшие мимо колесницы дома, всё более и более становились покрыты золотом. Отполированные до непревзойдённой гладкости мраморные плиты с инкрустированно-вжато-переплетенными золотыми нитями, покрывавшие стены дома, на крыше которого стояла кошка, уже были далеко позади.

Яркость и обилие отраженного света в этом городе не могли ничего затмить, однако зной солнечного дня был всего лишь видимостью, иллюзией, создаваемой обилием золота и направленного света, небосвод же города был тёмным и непроглядным. Тьма окружающего небосвода время от времени нарушалась яркими лучами искусственного света, и в эти моменты над городом, словно над миниатюрной игрушкой, появлялись огромные лица, пытающиеся взглянуть в город, то при помощи огромной лупы, то при помощи направленной накладки на глаз ювелира, то при помощи накладки микроскопа. О чем-то говоря друг другу, великаны с ненави-

стью на лицах продолжали всматриваться сквозь купол неба в золотой город. Периодически обругивая, судя по выражениям лиц, они пытались разбить окружающую город сферу небосвода, различными инструментами, столь же огромными, как и они сами. В очередной раз по небосводу начал ударять огромный молоток, удар за ударом, выбивая искры из-под бойка, но небосвод оставался на месте, и вибрация от каждого удара всё так же не звучала в городе, как и ругань великанов, то и дело курящих и тушащих окурки о небосвод. Зажатый в губы гигантских тисков город, оканчивающийся у четырёх гигантских золотых храмов местного божества, намертво замер в мастерской ежечасно меняющихся великанов, пытающихся пробиться сквозь небесный купол, защищающий город как хрустальное клоше, праздничную золотую тарелку, инкрустированную драгоценными камнями.

«Вот падла, мчится куда-то, походу в центр, мразота!» - проругался громко один из великанов в чёрной балаклаве на голове и затянулся жирно скрученным косяком, оторвав глаза от объектива микроскопа, нацеленного на одну из золотых улиц микрогорода, зажатого в огромные тиски.

«Ну так... как выбивать будет? Опять какие-то замуты тухлые в центре у них», - басом ответил ему второй великан с обросшей щетиной на лице: «Блять! Да как вытрясти то их оттуда, сука, хуже блох на теле человечества, давай попробуем растрясти на аппарате, и сверху перфоратором долбить».

«Не поможет ни хера! Только деваться некуда, ничего под рукой всё равно нет, ладно, пошли, на», - ответил великан в балаклаве и передал косяк собеседнику.

Великан в балаклаве убрал микроскоп, и начал медленно и осторожно раскручивать тиски, пока великан с щетиной на лице аккуратно держал золотую тарелку под дно.

«Кира, давай подключай там перфоратор, черти опять что-то мутят, есть около пяти минут, пока блоха мчит в голубой центр», - крикнул великан с щетиной на лице в соседнюю комнату с тусклым светом. В ответ из соседней комнаты раздался приглушенный кашель, еле слышная возня, и пробное жужжание включенного в сеть перфоратора.

«Давай, давай, аккуратно, не переверни», - нервно проговорил великан в черной балаклаве с белым вышитым черепом на правой скуле. Великан с щетиной на лице напрягся от веса опустившейся ему на руки золотой тарелки, покрытой хрустальным клоше.

«Так идём, идём, осторожно и быстро», - произнес басом великан, и тут же ему на помощь с другой стороны тарелки присоединился великан в балаклаве. Вместе они, семеня ногами, понесли тарелку в соседнюю комнату, где уже их ждал вибрационный стол с форменным углублением, подходящим для этой тарелки, над которым был закреплен уже работающий на полных оборотах перфоратор.

«Кира, начинай быстрее! Координат - сорок четвертого, сорок шестого канала», - произнес великан в черной балаклаве.

Перфоратор, прикрепленный к небольшому манипулятору на потолке, изменил положение, согласно указанным координатам, и начал сближение.

Великаны закрепили черными кожаными ремнями тарелку на вибрационном столе, и в один голос прокричав: «Врубай!» и отошли. Поверхность стола начала вибрировать вместе с закрепленной тарелкой, а перфоратор уже прикоснулся к хрустальному куполу небосвода, придавая дополнительной вибрации. Конец насадки перфоратора от большого количества оборотов начал быстро греться и через несколько секунд уже начал раскаляться и краснеть.

«Долбим! Долбим, суку!» - кричал сквозь шум великан в балаклаве, тщетно пытаясь взглянуть в дрожащую поверхность тарелки.

Великан у панели управления перфоратора, несколько раз громко прокашлял, на что великан в черной балаклаве прокричал: «Да вижу, вижу я! Один хер лучше сейчас не достать, через сколько перегреется?». Великан у панели управления показал жестом три пальца.

Великан с щетиной, крепко затянулся догорающим косяком, потом с печальным лицом выдохнул дым, опустил голову, пару раз качнув её из стороны в сторону, и приложил к лицу раскрытую ладонь и тихо произнес: «Сука, опять». Спустя три минуты жало перфоратора остановилось от перегрева, а тарелка продолжила трястись на вибрирующем столе.

Золотая колесница уже доехала до инкрустированных сапфирами врат главной башни города. Двери врат сразу же захлопнулись за въехавшей колесницей. Животное, отдаленно напоминающее лошадь рухнуло на золотую брусчатку от усталости, спина его истекала зеленой кровью, сочившейся от ран, нанесенных кнутом.

Золотая колесница с перламутровыми вставками распахнулась, и покрытая золотыми пластинами ногами на небольшом каблучке, целиком состоящем из огромного бриллианта, ступила на вымощенный золотом пол. Рука в золотой латной перчатке, запачканная небольшими кусочками коричневой массы, ухватила за отполированный перламутровый поручень колесницы. Выйдя, покрытый облегающими золотыми пластинами, инкрустированными разного размера бриллиантами и перламутровыми вставками, человек в полностью покрывавшей голову золотом шлеме с маской, быстро и деловито двинулся в сторону главного холла башни. Каждый шаг его сопровождался тихим звоном, сыплющихся из небольших щелей между латными пластинами крошечных бриллиантов. Прикрепленный к шее, покрытой золотыми пластинами, на бархатных завязках, переплетенных с золотыми нитями, шелковый красный плащ до пола, окаймленный белым мехом бенгальского тигра, быстро развеивался, задевая золотые плиты пола, разделенные по краям друг от друга сапфирами. Широкий, круглый холл с высокими потолками целиком был покрыт массивными золотыми плитами, в центре каждой из которых красовался огромный рубин, размером с небольшой кокос. Блеск и свет распространялись по всему холлу, без какого-либо видимого источника света, только под самым потолком, как небольшое солнце, светил, зависший в воздухе горящий огнём шар. Человек быстро подошел к одной из двух дверей в конце холла и таким же быстрым шагом начал спускаться по лестнице вниз.

После первого темного винтового поворота лестницы, на покрытых золотыми плитами стенах начали поблескивать, то мерцая, то вновь появляясь яркие разноцветные тонкие лучи с разной частотой мерцания, и чем ниже человек в золоте спускался по лестнице, тем интенсивнее и ярче поблескивали эти отблески. Крошечные бриллианты, размером не больше горошины, продолжали выпадать из-под сочленённых золотых лепестков костюма, быстро спускающегося по лестнице, человека. Сквозь маску начал доноситься тихий и довольный возглас восторга. «Успею, успею, обязана успеть!», - тихо начал бормотать себе под нос, всё быстрее и

быстрее спускающийся по лестнице человек в золотых доспехах с перламутровыми вставками. С каждым шагом вниз по лестнице всё громче и громче раздавалась динамичная танцевальная электронная музыка, переплетающаяся с насыщенным аллитерациями и ассонансами быстрым чтением в такт большому количеству однострочных и перекрестных рифм. Глубокий и динамичный бас придавал вибрации золотому поручню, инкрустированному сапфирами. Расстояние от лестницы до стены постепенно увеличивалось, и всё больше и больше становилось количество ярких разноцветных лучей, переливающихся и отражающихся от золотых плит на стенах. Всё ближе начали раздаваться людские крики, огромного количества веселящихся. Кто-то кричал от восторга, кто-то пытался подпевать громким мелодично-поющим голосам. Песня, раздающаяся до этого момента, начала гаснуть и стихнуть, и через несколько секунд совсем закончилась. На несколько мгновений застыла тишина, начали раздаваться недовольные крики и громкие свисты, как сразу же начал звучать новый мелодичный мотив. «Да!.. Да! Успеваю!» - продолжал уже почти кричать бегло спускающийся по лестнице человек... он наступал на ступеньки, бриллианты продолжали сыпаться, но шум от падения прекратил быть столь звонким, ступени становились все грязнее и грязнее, черно-коричневые и кроваво-бордовые пятна покрывали всё сильнее и сильнее ступень за ступенью. Внезапно лестница закончилась на высоте трех метров от пола, полностью покрытая отвратительно-смердящей черно-бордовой субстанцией, она выводила своей последней ступенью в огромный по размерам танцпол. Окутанный непроглядной тьмой, наполненный до краёв двигающимися людьми, освещаемый появляющимися словно из ниоткуда разноцветными лазерными лучами и световыми вспышками. Танцпол окружал, как жерло вулкана, то поднимающуюся выше пола, то опускающуюся ниже, круглую, золотую сцену для выступления, покрытую хрустальными крышей и стенами, инкрустированную огромными голубыми сапфирами. На ней выступали двое полностью обнаженных исполнителей, и только золотые маски на всё лицо украшали их. Над их головами постепенно материализовывались небольшие бриллианты и как дождь падали к их голым ступням, медленно заполняя сцену. Заостренные грани драгоценных камней впивались и резали кровоточащие ступни женщины, зажавшей в руке искусно изготовленное золотое орало и поющей в него, стараясь как можно мелодичнее попадать в ноты, не обращая внимания на боль. Мужчина крепко держал в руках инкрустированный сапфирами золотой микрофон и меняя тональность голоса, то быстро, то медленно читал рифмы, управляя ими с таким мастерством, что получалось ощущать рифму, буквально в каждом такте. Продолжая петь по очереди, каждый на своём языке, они соревновались друг с другом, у кого больше мелодичных песен, кто сможет выступать дольше, время от времени подпевая оппоненту, женщина совершала изящные танцевальные движения, а мужчина в моменты мелодичного проигрыша и текстовой паузы у женщины, громко выкрикивал экспромтом придуманные рифмы.

Сбросив с ног золотые сапоги, человек оголил сине-зеленоватые морщинистые ступни с заросшими грязно-желтыми ногтями и прыгнул с последней ступени лестницы, раскинув руки в стороны, лицом в пол. Приземлившись в выстилающий весь пол танцпола, кроме сцены, защищенной хрустальным футляром, слой мерзко-пахнущей черной густой консистенции, человек в золотом костюме забрызгал её медленно танцующих рядом голых людей. Вскочив на ноги, он отряхнулся, словно животное, резко и быстро покачивая всё тело из стороны в сторону. Мерзкая субстанция разбрызгалась в сторону, опять перепачкав танцующих поблизости людей, однако бриллианты уже прекратили разлетаться из-под золотых пластин костюма. Люди, заполнившие танцпол, радовались, улыбались, пели и танцевали, как бы не замечая отвратительный запах от полового слоя. Кто-то обнимался найдя себе пару и целовался, некоторые без какого-либо стеснения совокуплялись парами и группами, другие же, не выдержав, справляли нужду там же где до этого танцевали, кое-кто с безумно-довольным выражением лица лежал на спине в выстилающем танцпол слое черной субстанции, размахивая

руками и ногами, изображая попытку плавания, либо обнимая самих себя, захватывая ртом немного мерзостной субстанции, они выплёвывали её над своим лицом фонтанчиком, продолжая радостно смеяться измазанные ей полностью. Не останавливаясь, он пробирался сквозь обитателей танцпола, расталкивая всех перед собой, буквально расшвыривая. Выше остальных людей на две головы, и мощнее телосложением он кричал: «Громче! Громче! Успела! Да!». Пробираясь сквозь толпу, человек в золотых доспехах не заметил, как наступил на парочку обнимающуюся, лёжа в нечистотах, погрузив их туда с головой. Чем ближе он подходил к сцене, тем ярче светили огни, громче звучала музыка и раздавались песни. Люди же танцевали вокруг сцены со всех сторон, динамично и агрессивно, они толкались и кричали, некоторые сталкивались друг с другом, формировали небольшие двигающиеся хороводы, в центре которых танцующие сталкивались друг с другом, будучи полностью голые и вымазанные нечистотами. В прерывающейся яркими лучами тьме, единственное, что было светлого на этом танцполе, это лишь белки глаз и зубы у некоторых. На высоком потолке над сценой раскрылось округлое отверстие, и со всех сторон на него начали направляться цветные лучи. Исполнители на сцене к этому моменту закончили петь, и начала звучать электронная музыка, красиво и связанно переплетенная из обрывков тех песен, что до этого исполняли со сцены. На больших золотых качелях, висящих на толстых золотых цепях, инкрустированных огромным количеством небольших сапфиров, буквально покрывающих всю поверхность каждого из звеньев золотых цепей, мелкой мозаикой, из отверстия в потолке начала появляться невероятно высокая и крупная, в сравнении с обычным человеком, но при этом очень гармонично сложенная, стройная демонесса с закрученными рогами овна на голове. Бордово-красное длинное платье с черными ажурными краями подчеркивало её телосложение и пышные формы. Из специального разреза на платье виднелся вздернутый черный кожаный хвост, копьевидно оканчивающийся и двигающийся медленно из стороны в сторону. Когда качели приблизились к поравнявшейся с уровнем танцпола хрустальной крыше сцены, демонесса отпустила руку с черными длинными острыми ногтями и большим перстнем на среднем пальце, с крупной и круглой туманной-белой инкрустированной сферой на нём, то и дело изменяющей собственную насыщенность, как заоблачное зимнее небо в конце дня. Схватив руками подол длинного платья, окаймленного черным кружевом, она подняла его и из-под подола показалось крупное, чёрное, мохнатое копыто, костяные части которого были покрыты золотом, с инкрустацией сапфиров. Сразу за копытом из-под подола появилась обнаженная стопа телесного цвета, как и кожа лица, шеи и рук, что не были закрыты платьем. Сойдя на крышу сцены, между танцполом и которой образовалось круговое отверстие, куда медленно стекали нечистоты, постепенно оголяя вымощенные золотыми плитами полы и людей, что лежали на полу, она громко проревела львиным рёвом на весь танцпол, до самого дальнего закутка. «Подходим!» - нечеловечески громким низкотембральным голосом сказала она. Люди начали выстраиваться к ней в очереди, стараясь покинуть пространство за её спиной, и встать перед её лицом. Выше обычного человека на три головы, властная и сильная, она стояла с абсолютно безэмоциональным лицом, подперев бока руками, один из людей перепрыгнул на крышу сцены к ней, придерживая с испуганным лицом, свои гениталии и грудь. Старый, толстый и лысый, измазанный нечистотами, он смотрел на неё наполненными страхом глазами. К этому моменту ярко-желтые лучи на крыше сцены, освещали полностью всё, что на ней происходило, а прочие огни и лазерные лучи померкли, музыка также стихла, и всё что раздавалось - это испуганный шёпот людей.

«Имя!» - потусторонним голосом произнесла демонесса.

Мужчина, бегло взглянув ей в глаза, дрожащим голосом произнес: «Леопольд, дрожайш...», и не успел он закончить эту фразу, как демонесса одним размашистым движением руки разделила его тело от головы до таза на две части, разбрызгав во все стороны кровь. Каж-

дая из частей Леопольда рухнула в разные стороны, оставшись на крыше сцены, сочась кровью и вываливая внутренности, забитые нечистотами.

Демонесса посмотрела перед собой и встретившись взглядом с женщиной напротив, поманила её к себе движением пальца с длинным острым черным ногтем. Через секунду женщина уже перепрыгнула на сцену, но поскользнувшись на крови Леопольда, она упала на ягодицы, успев выставить руки в стороны и удержаться, чтобы не упасть на спину. Поднявшись, она также прикрывала наготу руками и смотрела, не отрывая глаз, в глаза демонессе.

«Выброси его... Убери останки быстрее», - зашептали за спиной женщины люди.

Женщина растерянно быстро кивнула и тихо прошептала: «Да, да, сейчас», - схватила останки тела Леопольда и поспешила выбросить их в отверстие между крышей сцены и танцполом.

«Имя!» - повторила демонесса.

«Маргарита», - выкрикнула испуганным голосом женщина

Демонесса улыбнулась краем рта, потом распахнула широко пасть, показав длинные, сочащиеся белой бурлящей пеной, выпирающие относительно остальных зубов клыки и тут же впилась ими в шею женщины. Тихо вскрикнув от вонзившихся в шею и плечо клыков, женщина затряслась, но уже через пару секунд демонесса разомкнула челюсти и убрала руку с плеча женщины.

«Вот повезло...», - прошептал кто-то из первых рядов очереди, вызвав на мгновение пристальный взгляд демонессы.

На танцполе начала звучать мажорная мелодия, демонесса отошла в сторону от золотых качелей, что всё это время находились за её спиной и жестом указала женщине пройти к ним. Женщина схватилась за сиденье, находящееся на уровне её головы, из ран сочилась розовая пена, от перемешавшейся пены и крови. Качели начали медленно подниматься к отверстию в потолке. Маргарита изо всех сил держалась за гладкую и отполированную золотую трубу сиденья качелей, а демонесса всё это время провожала её взглядом, как и все находящиеся на танцполе. Поднявшись до верхней четверти высоты танцпола, одна из рук женщины соскользнула и, не имея возможности крепко держаться рукой, из плеча которой сочилась пена, женщина отпустила сиденье и полетела обратно в сторону танцпола, но не успела она приземлиться на хрустальный пол, как демонесса уже выставив над своей головой руки, пронзила ими упавшую с золотых качелей Маргариту, и вновь быстрым движением разорвала её тело на две части. Качели опять медленно опустились. И так, один за одним к ней запрыгивали обитатели танцпола, кого-то она разрывала сразу же, в кого-то впрыскивала белую пену и отправляла на золотые качели, успешно достигая отверстия в потолке танцпола, люди срывали аплодисменты зала, и скрывались в пространстве под потолком, позже золотые качели возвращались уже пустыми. Человек в золотых доспехах стоял на танцполе позади всех и следил, чтобы никто не смог спрятаться от фееричного окончания концерта тех, кто не хотел подниматься с пола и надеялся отлежаться, он просто поднимал на руки и перекидывал на хрустальную крышу сцены, где с ним уже разбиралась демонесса. И вот под самое окончание действия, когда оставались считанные единицы обитателей танцпола, мужчина средних лет самостоятельно перепрыгнул

на хрустальную крышу, быстро и суетливо убрал то, что осталось от предыдущего претендента прокатиться на золотых качелях.

«Имя!» - всё с тем же голосом, как и в первый раз произнесла демонесса

«Влад», - смиренно ответил ей мужчина, и потупил глаза.

«Ааа... Влад... На тебя у меня особые планы!» - произнесла демонесса, затем раскрыла пасть, оголив клыки, и в этот момент из её клыков впервые за всё время забрезжила черная пенящаяся жидкость, она тут же укусила мужчину.

«Влад! Влад! Проснись! Влад, ты опять танцевал во сне!», - прозвучал звенящий голос полуголой Вайорики, отчаянно теребившей за плечо давящегося слюной спящего Влада.

Всё тем же привычным ему холодным тоном он произнёс: «А что? Я заснул? Походу опять тринадцатое декабря».

Часть 4

«Где их носит? Надоело...», - после небольшой паузы юноша в дорогом зимнем сюртуке, вышитом тонкими золотыми нитями по краям, недовольным тоном добавил, глядя на блестящий от солнца снег и выплеснув на него тонкую струйку красного вина из щели между языком и передними зубами: «Ждать».

«Вон, вон гляди, Люба уже бежит на встречу!» - бодрым голосом ответила его темноволосая спутница, одетая в тон сюртука Влада.

«Ааа! Кто моя любовь?! Кто?!» - весело смеясь запрыгала навстречу подходящей Любишке, молодая темноволосая девушка с голубыми, как лёд, глазами.

«Где так сладко звенит голосок моего колокольчика?» - радуясь и, на бегу раскрыв руки в объятья, заверещала Любишка и побежала обниматься к бегущей к ней Вайорике. Слегка поскользнувшись за несколько шагов до встречи, она смогла удержать равновесие. Пока она балансировала на высоких каблуках своих зимних сапог, голубоглазая девушка успела добежать и поддержать её, сберегая от падения. Девушки крепко обнялись, и на мгновение прилипли к губам друг друга, легким и сладким поцелуем, согревающим в зимний морозный день. Оторвав губы, Любишка с лаской взглянула в глаза спутнице и тут же быстро заглянула за её плечо, крикнув стоящему в нескольких метрах и опершемуся спиной о столб летней веранды маленького ресторанчика юноше: «Уже проснулся!».

«Как будто я спал», - подумал юноша, и сразу же получил мысленный ответ от девушки: «А что тогда это было?». «Не твоё дело и в голову мне лезть не надо, без разрешения», - мысленно ответил юноша девушке.

«Что вы опять подзависли, народ? Хочу гулять и веселиться, пошлите уже куда-нибудь, шляться тут по улице холодно и скучно, к тому же некоторые особо наглые узкоглазые могут доебаться», - сказал, подходя, заросший мужчина.

«Хватит ругаться... ты прав, любимый, пошли поедим, я жуть как хочу покушать хого! Съела бы сейчас целую корову», - мило улыбаясь, сказала Любишка.

«Вайорика», - крикнул Влад и протянул ладонь в красной, расшитой бархатом перчатке с кожаными вставками. Темноволосая девушка тут же подбежала к Владу и взяла его за руку, они вошли в ресторанчик, о столб которого опирался юноша. «Этот солнечный свет ужасно режет глаза, как я мог оставить очки дома...?» - добавил Влад и все четверо зашли в широкие, чёрные, раздвигающиеся вразлёт деревянные двери, с покрытыми красным орнаментом краями, над которыми красовалась надпись с элементами золотого вкрапления: «Дракон и Феникс».

«Хого, тройную, нет! С четверной порцией мяса, и можно поменьше овощей», - сказала встречающему работнику ресторана Любишка, не дав тому возможности поприветствовать дорогих гостей.

«Мы сами найдём себе место», - холодным и высокомерным тоном добавил Влад, на что работник только смиренно поклонился и протянул руку, запуская посетителей в заведение. Проходя мимо склонившегося перед ними в поклоне работника, Любишка положила ему в раскрытую ладонь тонкую золотую монетку, заставив его глаза расшириться от удивления перед невиданной до этого щедрости посетителей.

Все четверо прошли в самую глубину ресторанного полупустого зала и расположились недалеко от играющего на большом количестве колокольчиков различного размера музыканта.

Зайдя в огороженную гостевую зону с большим черным столом, украшенным таким же красным орнаментом, но уже с золотыми вкраплениями, Влад остановился и вытянул выпрямленные руки за спину. Стоящая позади Вайорика тут же сняла с него зимний сюртук и повесила на столбовую деревянную вешалку, стоящую в зоне входа в гостевое ложе. Не оборачиваясь, она также вытянула распрямлённые руки и уже её зимнюю тёмную шубу снял сам Влад, оставив её в шляпке с короткой тёмной вуалью на лице, которую она уже сняла самостоятельно и повесила на изголовье вешалки. Заросший мужчина кивнул Любишке с доброй улыбкой в их сторону, потом приподнял подбородок и тут же опустил, на что в ответ получил быстрый поцелуй в, раскрасневшийся от мороза, нос и такую же добрую улыбку с глубоким и тёплым взглядом в глаза.

«Наворковались, цыплята?» - спросил Влад, и еле слышно вдохнул воздух через щель между языком и правым верхним клыком. Отвлекаясь друг от друга, мужчина снял с Любишки белую меховую шубу и, подав руку, помог аккуратно сесть на обтянутый кожей диванчик. На противоположном диванчике уже обнявшись сидели Влад и Вайорика.

«Хочу сегодня чего-нибудь необычного, знаешь, такого, чтобы голова улетела на всю ночь... ты что об этом думаешь?» - холодным и безэмоциональным голосом произнёс Влад на ухо Вайорике, заставив её немного улыбнуться и закивать в ответ. «Хочу... да, тоже» - томным шепотом ответила она, повернув наполовину голову в его сторону и еще сильнее сжав обнимающие её руки Влада.

«Ну что там? Ты долго там свои железяки прятать будешь?» - тут же громким голосом обратился Влад к мужчине, тихо и аккуратно снимающему свою шубу.

«Ты что опять не выспался, дружок?» - спокойно ответил, не оборачиваясь, мужчина: «Или завтрак пришёлся не по вкусу?» - тут же добавил.

«Вы чего сегодня какие?» - спросила Любишка: «Накрученные какие... давайте по-дружнее, мы же решили отдохнуть и хорошо провести время, и я...»

«Да, чувствую я какая ты голодная», - холодно произнёс Влад.

«Влад точно сегодня не с той ноги встал... Вайорика, что опять?» - спросила Любишка, на что получила утвердительный кивок с немного грустным взглядом.

Обойдя диванчик, на котором покоилась Любишка, мужчина уселся рядом, поправив свой тёмный, слегка измятый костюм.

«Ты только глянь, наш конюх сегодня надел свой папашин костюм, что за праздник-то, может в другой ресторан пойдём подороже, раз тут такие кафтаны надели», - сказал Влад и улыбнувшись перевёл взгляд с мужчины в глаза Вайорике, сидевшей у него на коленях и обнимающей его за шею.

«Влад...», - но не успел мужчина закончить фразу, как его глаза закатились назад и голова опустилась, так словно он внезапно уснул. Через несколько секунд глаза вернулись на прежнее место, и мужчина, не поднимая опущенной головы, как ни в чём не бывало продолжил: «Хорош...а? Что ты тут пытаешься высмеять». В то мгновение, когда глаза у мужчины закатились, сидящая рядом Любишка успела схватить его за руку и крепко сжала ладонь. «Ты мне лучше скажи, что ты будешь из овощей, я сегодня угощаю», - добавил мужчина, медленно поднимая голову с лёгкой улыбкой.

«Когда это нищим начали раздавать столько денег, чтобы они могли угощать кого-то в ресторанах?», - ответил Влад и улыбаясь, положил локоть правой руки на стол опершись головой о кулак, с выпрямленным указательным пальцем и мизинцем, так что край мизинца немного приподнял его пухлую верхнюю губу, оголив верхний белый клык, пока указательный пару раз постукал его по виску.

Любишка с недовольным лицом и немного уставшим взглядом посмотрела в глаза Вайорике, на что та только пару раз моргнула глазами, не меняя выражения лица.

«Влад, я предлагаю закончить этот милый сеанс общения, тем более то, что я сейчас увидел может показаться всем нам очень интересным», - сказал мужчина, ощущая, что ладонь Любишки всё крепче и крепче сжимает его ладонь.

Влад приподнял обе брови и немного подвинул голову в сторону руки, на которую продолжал облакачиваться.

Медленно и спокойно мужчина начал говорить: «Над огромной, высохшей от солнца пустыней пролетает огромная лысоголовая птица с чёрно-белым оперением. У неё очень большой размах крыльев, но она ими не машет, широко расправив их, она парит в горячем знойном летнем небе, но летит слишком высоко, так высоко, что до земли даже не опускается её тень».

«И?», - не выдержав медленного темп речи, перебила Вайорика.

«И она летит к огромной, высокой, горячей от солнца горе, но может это скала, не могу точно сказать сейчас. Подлетая к скале из её крыла, не запомнил какого, выпадает такое же

большое перо. Влад, как ты думаешь, какого цвета было это перо, чёрного или белого?» - произнёс спокойным тоном мужчина.

«Ни того, ни другого... оно было либо наполовину чёрное, наполовину белое, либо вообще другого цвета, названия которого ты не знаешь», - ответил Влад.

«А что там на скале? Куда она летит?» - спросила Любишка и заглянула мужчине в глаза.

«Череп», - мрачно ответил мужчина.

«И много?», - присоединилась к беседе Вайорика.

«Да... из них был собран невысокий холм», - ответил мужчина, и выдохнул носом, зажав нижней губой верхнюю, колыхнув потоком воздуха свесившуюся прядь длинных немытых волос.

«Сам что скажешь об этом?» - спросил Влад.

«Ничего не могу сказать, иногда понимание само приходит, а иногда нет», - ответил спокойно мужчина и посмотрел в сторону входа в гостевое ложе, в котором появились несколько работников ресторана, несущих подносы с большим количеством разного тонко нарезанного мяса, морепродуктов и овощей. Один из работников нёс большую и исходящую паром металлическую вазу, мирно располагающуюся на небольшой металлической печи, забитой разогретыми докрасна углями.

«Наконец-то», - с нетерпением сказала Любишка. «Сюда побольше мяса, пожалуйста», - добавила она и приложила указательный палец к столу перед собой: «И туда тоже», - сказала она и оторвала палец, указывая в сторону Влада и Вайорики. «Тут можно поставить овощи», - произнесла Любишка и указала большим пальцем в сторону заросшего мужчины в чёрном кафтане, поджав указательный палец в кулак. На лице у Вайорики проблеснула голодная улыбка, и в глазах загорелась искра. Влад же, со свойственным ему холодным пренебрежением, отвёл глаза в сторону от работников ресторана, суетливо располагающих тарелки с едой вокруг него.

«Ммм... Какой аромат», - сказала улыбающаяся Любишка, вдыхая аромат сырого мяса, не наклоняясь перед блюдом, так что казалось, что она ощущает запах горячего бульона внутри металлической вазы.

«Что тут написано?» - спросил мужчина, указывая на иероглифы, вытесненные на металлической вазе, располагавшиеся к нему лицевой стороной.

«Дракон и феникс, дурашка», - ответила Любишка: «А прости, малыш, ты же не умеешь читать на их языке».

«Да и вообще не умеешь читать» - добавил холодно Влад.

«И что? Слушай, Влад, ты кажется голоден, на съешь, может полегчает и не будешь таким злым сегодня», - сказал спокойно мужчина и протянул ему зажатый между чёрной и красной металлическими палочек для еды маленький гриб.

«Я не ем грибы!» - фыркнул в ответ Влад.

«А почему?!» - ехидно улыбаясь, спросил мужчина. Любишка и Вайорика сразу же набросились на сырое мясо, как только ушли работники ресторана, не став проваривать его в металлической вазе с горящим бульоном и не обращали внимание на своих спутников, громко причмокивая и наслаждаясь буквально каждым ломтиком свиного мяса.

«У меня на грибы аллергия», - ответил холодно Влад, и разом схватил рукой все тонкие ломтики мяса с одной из тарелок, крепко зажал и откусил половину от получившегося ломтя сырого мяса.

«Жаль, очень жаль, они очень полезны для пищеварения, знаешь, мой наставник одно время...», - и тут глаза мужчины вновь закатились, а веки тут же сомкнулись. Голова начала медленно опускаться, а рука, опустив металлические палочки, тут же упавшие вместе с зажатым грибом в тарелку с крупными, хорошо промаринованными в соевом соусе креветками. Не отвлекаясь от поглощения еды, Любишка протянула свободную левую руку и, удерживая её на груди мужчины, не дала ему упасть лицом в тарелку. «Что-то его сегодня особенно штормит, может, перемена места так на него влияет, или воздух тут какой-то другой?» - сказала, дожидаясь ломтика мяса, Любишка.

«Может, перебрал, или слишком много выкурил?» - спросила Вайорика: «Он же вроде всегда так, ты слишком много уделяешь этому внимания, не думаешь?»

Любишка приподняла плечи, потупив взгляд и взяла еще один ломтик мяса.

«Ты только глянь, его потряхивает», - сказал Влад, глядя на мужчину с бородой: «А что у него там звенит, он носит что-то с собой ещё, кроме топоров, Любишь?»

«Я не скажу, что, но да... Ты сам прекрасно понимаешь с кем имеешь дело, или шрам на шее уже исчез?» - спокойно и с ноткой надменности в конце произнесла Любишка: «Что-то действительно надолго подзавис в этот раз, как бы не пришлось тащить его домой, как в прошлый раз».

«Плевать... Он всё равно лёгкий, если честно», - холодно произнёс Влад, и откусил еще один кусок от собранных в руке ломтиков свежего мяса и немного почесал горло другой рукой.

«Как долго нам ещё тут проз...», - начала спрашивать Любишка, но отвлеклась на проходящего в сознание мужчину, который резко и быстро начал качать головой из стороны в сторону, с немного раскрытым ртом, издавая характерные звуки, потом замер и, окончательно открыв глаза, заговорил: «...говорил мне, что только питаюсь грибами, можно общаться с духами умерших, а они, поверь могут рассказать немало о живых».

«Сказки», - сухо ответил Влад и откусил еще кусок: «Люди просто умирают, и всё на этом, вот как этот кусок мяса, сейчас я его доем и он перестанет существовать».

«А ты уверен, что ты его успеешь доесть?» - злое улыбкуясь, спросил мужчина.

«Что такое? Что ты видел?!» - напряжённо спросила Любишка.

«Нас ищут», - ответил мужчина.

«Снова стая волков?!» - еще более напряжённо и с ноткой обречённости в голосе спросила Любишка.

«Да, и охотники уже почти подобрались. Я бежал как мог, но вы отстали. Я вернулся, но вас уже найти не смог», - грустно сказал мужчина.

«А ты уверен, что это были именно...» - спросила Вайорика, но не успев договорить, как получила несколько утвердительных кивков от мужчины, тихо говорящего: «Да, именно мы, все четверо».

«Глупости! Не пугай мою девочку», - строго произнёс Влад. «Тебе некого бояться пока ты со мной, поняла?!» - произнёс Влад и прислонился лбом ко лбу Вайорики, поцеловав её на мгновение в губы, и тут же отодвинул немного голову, заглянув ей в глаза строгим взглядом. Вайорика громко проглотила еду и улыбнулась ему в ответ, слегка ущипнув за плечо. Любишка в этот момент еще раз крепко сжала ладонь мужчины и посмотрела ему в глаза. «Ты же сможешь меня найти, да?» - послышался женский голос в голове у мужчины, на что тот быстро и едва заметно сощурил глаза, и пару раз тихо кивнул головой. «Кто бы тебя ни похитил, я уже один раз тебя нашёл, всё остальное - это временные расставания», - ответил тихим голосом мужчина и с нежностью посмотрел в глаза Любишке, на что она грустно улыбнулась и её глаза немного покраснели. «Тише, это не стоит твоих слёз, мы же приехали сюда развлекаться... Давай не будем жить в ожидании чего-то плохого, всё равно не угадать, когда это случится», - произнёс мужчина, слегка наклонив голову в сторону и улыбнувшись. «Да, ты прав, сейчас мы есть друг у друга, а что будет завтра, то будет завтра», - ответила Любишка. «Знаешь, как у нас в народе говорят... Если тебе добро, то не стоит искать, где бы тебе могло быть лучше», - добавила она и позвала работника ресторана.

Торопливо прибежав, маленький китаец в чёрном ханфу с красной окантовкой смиренно поклонился. Потом оглядел быстрым взглядом стол с пустыми тарелками из-под мяса и быстро спросил: «Господа желают ещё порцию мяса?». Любишка медленно и важно кивнула, добавив кратко: «Именно». «Сейчас будет исполнено», - ответил работник и быстро скрылся за деревянной изгородью гостевого ложа.

«Доел», - ухмыльнувшись сказал Влад и посмотрел в глаза мужчине, сидевшему напротив.

«Он кстати сильно удивился тому как быстро мы расправились с мясом», - добавил Влад: «Хоть и не подал виду».

«Ага, и ещё подумал, они что его сырым ели?», - сказала Любишка.

««Ничего, тут так можно, некоторые посетители из коренных так тоже поступают», - сказал ему повар, или его помощник, видимо он тут недавно работает, если это его так удивило, что побежал докладывать об этом на кухню», - произнёс Влад и добавил тихим и холодным тоном: «Одно хорошо, что они не знают валахийского, хоть где-то можно поболтать устно, не боясь, что кто-то услышит и поймёт».

«А повар сегодня всё тот же, Влад?», - спросила Любишка.

«Нет...прежний...тот повар, что нас с тобой видел, уже постарел и умер, хотя мы на него тогда произвели неизгладимое впечатление», - ответил Влад и мрачно улыбнулся, оголив правые клыки.

«Хах», - усмехнулась, Любишка и тут же почувствовала как её ладонь крепко сжимает рука мужчины. «Прости», - раздался женский голос в голове у обросшего мужчины.

«Хватит там шушукаться», - громко произнёс Влад и со всего размаху ударил по столу рукой, но за мгновение до касания кулаком поверхности стола, он разжал его в ладонь и плавно опустил её на поверхность чёрного деревянного стола. Под лежащей на столе ладонью, начал появляться иней, плавно и медленно расползающийся за её грани.

«Хватит... на поддержи», - вмешалась Вайорика и передала Владу в руки большую теплую тарелку с только что сваренной в горячем бульоне рисовой лапшой. Влад с неохотой принял тёплую тарелку и изморозь на его руке тут же растаяла. Поставив её на снежный след от ладони, который тотчас растаял, Влад положил голову на плечо Вайорики и безэмоционально сказал: «Только ты можешь согреть моё замёрзшее сердце в трудную минуту...», - и после небольшой паузы выдал из себя: «Солнышко», и глупо улыбнулся.

Вайорика, глядя в глаза Любишке, надменно улыбнулась, и приподняла одну бровь, на что получила добрую и немного грустную улыбку в ответ.

Бородатый мужчина тут же указал на Влада указательным пальцем, громко и радостно сказав: «А вот и твоя очередь пришла!» В этот же момент у Любишки и Вайорики от удивления широко раскрылись рты. Радуюсь и пританцовывая, Любишка начала двигать руками, словно погружаясь в танец, не вставая с дивана, и негромко довольно прикрикивать: «Да! Да! Да! Наконец-то! Он всё-таки расслабился и забылся! Два долгих года! Два года! Да! Да! Наконец-то! Всем выпивку за мой счет! Гуляяаяаем!» - в порыве эмоций она жарко припала к губам бородатого мужчины, подарив ему долгий и глубокий поцелуй. Вайорика со всего маха приложила ладонь правой руки к лицу так, что раздался громкий шлепок и тут же самодовольное лицо стёрлось, и недовольным голосом, чуть не плача, она, медленно повернувшись и глядя почти плачущими глазами на Влада, сказала: «Я запомню тебя таким, молодым, красивым и гладко выбритым, моё сердце чувствует, что в этот раз он тебя не пощадит», - и слеза сорвалась с её глаза, которую она быстро протёрла платком, и также торопливо убрала в маленький кармашек платья.

«Будь ты проклят! Да как ты это делаешь?! Ну как?!», - с негодованием обратился Влад к обросшему мужчине, и резко взвёл руки к потолку ресторанчика. По его лицу было видно, что он крайне опечален и почти в ярости от собственного бессилия.

«Говорили тебе - не спорь с ним, он неспроста так опасен, вечно ты хочешь выплыть на собственной уверенности в свою непревзойдённость», - с ехидной улыбкой произнесла Любишка и добавила: «Влад...ты всё время забываешь в какую комнату он тебя смог заманить...Не забывай про звоночек...»

Тут мужчина ещё раз крепко сжал ладонь Любишки и она остановилась.

«Наплевать!», - холодно произнёс Влад, и через недолгую паузу добавил: «Любишь играть - люби и проигрывать». Тут он протянул раскрытую ладонь мужчине, на что в ответ мужчина протянул ему свою, и крепко сжал, встряхнув, но как только он захотел разомкнуть рукопожатие, Влад крепко сжал свою руку и не дал её отпустить, потом игриво посмотрел в глаза мужчине быстро улыбнулся и дружеским и добрым голосом произнёс: «Давай закончим это... Я дам тебе много денег... Хватит на лет пять безбедной жизни, а если научишься их считать, то может и приумножишь свой капитал, а?»

Мужчина посмотрел в глаза Владу и улыбнулся, потом медленно повернул голову к Любишке и кивнул головой в сторону Влада, улыбаясь. Любишка со спокойным лицом, медленно начала расплываться в скромной улыбке, которая плавно перешла в широкий и довольный, полный искренней радости оскал, оголивший белоснежные как жемчуг зубы, столь чистые и сияющие, что только маленькие следы крови, от только что съеденного сырого мяса на острых, как бритва, клыках, демонстрировали крупницу их несовершенства. Мужчина в ответ еле слышно хихикнул, потом также медленно повернул голову к всё ещё держащему его руку Владу, с лица которого не сходило дружелюбие и доброжелательность, в какой-то момент, поймав взгляд мужчины он даже игриво захлопал ресницами. Мужчина покачал головой, и, к сожалению, Влада, он сделал это из стороны в сторону, после чего Влад вырвал свою руку и снова ударился в яростный крик, выкрикивая: «Чернь! Грязь! Да будь ты проклят, ублюдок бездомный! Нищий конюх с голой жопой в папашинем сюртуке!!!» Влад долгое время не унимался и продолжал выкрикивать в адрес бородатого мужчины грубости, пока припавшая к нему грустная Вайорика пыталась его утешить объятьями и поцелуями, но ничего не помогало, а довольная пара, сидящая напротив них не унималась от радости и практически танцевала сидя на диване. В этот момент на громкий и раздраженный крик Влада прибежал напуганный работник ресторана. Мимолётно взглянув на него, мужчина неглубоко выдохнул, и стыдливо отвёл глаза, аккуратно сложив руки перед собой на стол, улыбка, полная счастья, сошла на нет, а лицо стало спокойным и слегка грустным.

«Да ладно тебе», - тихим шёпотом произнесла Любишка ему на ухо. «Я же знаю, чего ты хочешь, давай выберем вместе, я тоже хочу насладиться этим моментом... с тобой». Тут Любишка оторвалась от уха мужчины и строгим взглядом быстро посмотрела на работника ресторана, который с вопросительным выражением лица стоял в их обеденной зоне. На чистом китайском Любишка сказала, что не стоит волноваться и у них всё в порядке, просто их спутники немного повздорили, но драки можно не ожидать, затем она спросила, что они могут им предложить на десерт, и работник ресторана, поклонившись, начал перечислять различные названия блюд, и входящих в них ингредиентов, когда Любишка просила его об этом. Все десертное меню женским голосом на чистом валахском раздавалось в голове у бородатого мужчины, и когда он не понимал какие-то слова, то женский голос переходил на благозвучный французский. После того как работник ресторана закончил перечислять, мужчина наклонил слегка голову в сторону Любишки, и ища зрительный контакт, с Владом, прикрывшем ладонью грустное лицо с закатанными от негодования глазами, улыбнулся и спросил: «Что изволит месье на десерт? мы с моей спутницей угощаем». «Ничего... ничего мне не надо от бедняков, ещё подцеплю какую-нибудь заразу», - вяло пробормотал Влад. Вайорика укоряюще взглянула на Влада, а он в ответ махнул на неё рукой и горько вздохнул. «Тогда закажем фруктовую тарелку», - ответил мужчина. Любишка попросила принести большую тарелку фруктов, если есть, несмотря на то что работник ресторана не называл данный десерт, и в ответ получила, что могут только подать заморский запечённый деликатес, назвав неизвестное для неё до этого китайское название. В ответ она утвердительно кивнула головой и через пять минут им принесли большое блюдо, и, открыв покоящееся на нём клоше, выпустили пар. На блюде лежала

большая порция на всех четверых запечённой репы. Глубоко вдохнув аромат, мужчина заулыбался и сказал: «Пожалуйста прошу отведать десерт этого дня!» Недовольный и негодующий Влад вновь закатил глаза и произнёс: «Ф-фи... репа... я не ем репу у меня на неё аллергия». «Да ладно тебе, Влад, какая ещё аллергия, не может быть аллергии на репу», - сказала Любишка. «Да, давай скушай кусочек, чисто символически», - добавил мужчина. «Нет!», - резко и властно произнёс Влад, и через небольшую паузу проговорил: «У меня аллергия на еду для бедняков», - и самодовольно улыбнулся, переводя взгляд в заледеневшее стекло рестораника.

«Ладно, вам вешать нос!» - улыбнувшись доброй улыбкой сквозь густые чёрные усы, произнёс мужчина. «Я и так нёс эту эстафетную бороду больше трёх лет!» - весело добавил он, и потом продолжил: «Вайорика, расскажи как вы познакомились с Владом, мне жуть как интересно узнать о том, как в эти цепкие холодные лапы попал такой цвето...», - в этот момент мужчина почувствовал, как его ладонь начинают медленно сжимать и тут же поправился: «такой цветок как ты?».

«Неа, и не мечтай... Ещё чего?! Не твоего ума дело, нахальный ты невежда, сначала расстроил моего любимого, а теперь суешь свой большой горбатый нос в наши отношения», - возмущенно ответила Вайорика, и, скусив недовольную физиономию, скрестила руки на груди и отвернулась в сторону.

«А давай так, я тебе расскажу кое-что о том, я абсолютно уверен, что скрывает твой золотой принц небесного престола власти Валахии, а ты мне расскажешь вашу историю?» - загадочно улыбаясь, произнёс мужчина, а потом быстро взглянул на Любишку и спросил: «Действительно горбатый?», на что получил милую улыбку и лёгкое покачивание головы из стороны в сторону.

Вайорика украдкой посмотрела в сторону отвернувшегося к окну Влада и утвердительно ответила: «У нас с Владом нет секретов, тебе мне нечего дать... Я знала его задолго до вашего знакомства, мой дорогой», - и в конце пожимала указательный и средний пальцы обеих рук, глядя в глаза бородатому мужчине. Любишка в этот момент ухмыльнулась и глубоко заглянула в глаза Вайорике. Поймав её взгляд Вайорика ненадолго задумалась, а потом протянула ему руку и сказала: «Только знай, если ты мне не расскажешь ничего нового, то твоя борода останется с тобой, как и история нашего знакомства».

«По рукам!», - громко крикнул мужчина, и аккуратно пожал тонкую женскую руку. Достав небольшой мешочек из кармана и пододвинув к себе поближе белую тарелку, мужчина высыпал на неё содержимое. Рассыпавшиеся по её неповторимой белизне зелёные и покрытые солевой коркой большие тыквенные семечки создали небольшой узор, в который вкрадчиво и внимательно всмотрелся мужчина, потом почесал обросшую щеку и таинственно медленно произнёс: «Вижу, что моя история тебя удивит, но любовь между вами не разрушит».

Вайорика громко усмехнулась, потом покрутила пальцем у виска и надменно произнесла: «Сам-то понял, что сказал, гадалка тыквенная... Ох... Владик, и где ты только таких находишь?». На что Влад не ответил ничего, и просто долго и недовольно выдохнул, продолжая рассматривать узоры на замерзшем стекле.

В момент раскидывания тыквенных семечек мимо гостевого ложа торопливо прошёл работник ресторана, и увидев гадания, не подавая вида, скрылся в стороне кухни.

«Что же...», - произнёс мужчина и, очистив одно семечко, положил себе в рот, прожевал и проглотил: «Как раз об этом я тебе и расскажу... уверен, что Влад рассказал тебе свою версию, где он всех обыграл и обставил, а теперь послушай мою версию. С Владом мы познакомились в театре...».

«Уже врешь! Таких как ты не пускают в театр, только в конюшню!» - насмешливо воскликнула Вайорика, на что Любишка приложила палец к губам и показала глазами на мужчину, немного наклонив голову.

«Да всё нормально... Спасибо... Она же просто не знает в каком, ведь он не взял её, когда ему оказали королевский приём, да Влад?!» - спросил, зловеще улыбаясь, мужчина. Влад просто махнул на него рукой, не поворачиваясь.

«Знаешь, путь мой был и есть не из самых простых, но вот чего я никогда не гнушался, так это грязной работы... Иногда думаю, что эта работа помогает миру стать чище... Так вот, встретились мы с этим нежным кровососом в театре анатомической красоты человеческого тела при дворе французского короля Людовика, да не суть какого по счёту, им отчего-то жуть как нравится это имя. Никогда не забуду эту чёрно-красную полосу моей жизни. Держу пари, что Влад тебе рассказал весёленькую и миленькую историю про паладина-неумёху и обделанные портки, спасшие его из цепких лап неминуемой смерти...», - сказал мужчина и расколол семечко зубами, потом выплюнул шелуху в сторону от стола.

«Ну так вот, теперь послушай то, как всё произошло на самом деле. Всё с самого начала с Владом пошло не так, как он планировал. Для нас всё происходило, как всегда, какая-то кучка местных князьков и толстосумов вперемешку с французской элитой припёрлись на королевский приём. Князьки по традиции притащили плату за свои троны на местных территориях. Только вот Влад думал, что такие встречи можно избегать, откатывая большие телеги с сундуками добра, золота и побрекушек, а лично навестить короля и засвидетельствовать собственное почтение можно купить этим. Придя в королевский зал приёма, Влад немного опоздал, слегка обдолбанный, вряд ли его потряхивало от страха, я теперь понимаю, хотя стоя за его спиной на караульном посту у северной входной двери, просто смотрел на его трясущийся зад и думал, вот паренёк струхнул. Раскланявшись не по последней моде этикета, он слегка оступился, когда зависла тишина после окончания второго поклона, хотя уже как десять лет принято было делать три, но...», - говорил мужчина, как вдруг Влад с раздраженным видом вскочил из-за стола и вышел на улицу. Вайорика хотела метнуться за ним, но мужчина удержал её за руку, лежащую на столе, и сказал: «Не спеши ты так, никуда он от тебя не убежит, просто не хочется ему видимо это слышать, да и мы с ним договорились не раскрывать наш маленький секретик... Только увы, видишь, иногда его надменность надо умирять...». Любишка посмотрела вслед уходящему Владу, а потом быстро взглянула в глаза мужчине и сказала: «Я пойду к нему, ладно, у него сегодня тяжёлый день, и ты что-то решил его не щадить... хорошо?». «Да иди, вытри ему сопельки, заодно поймём любит ли его Вайорика действительно или нет», - загадочно улыбнувшись произнёс мужчина. Любишка тотчас вскочила из-за стола и, быстро накинув шубу, отправилась за ним, взяв по дороге его сюртук.

«Ну так... В зале зависла зловещая тишина, и, видимо, как назло, никто из гостей не подумал, подсказав бы ему этим, что надо было совершить ещё один поклон. Король поднялся со своего трона и медленно подошел к Владу, смиренно опустившему голову. Дойдя до него, он сказал: «Имя». Услышав ответ дрожащим голосом, он великодушно взглянул на него, властно сказав поднять голову и посмотреть ему в глаза... Ах! Умел он это, знаешь, сами львы лежи-

лись перед его волей и властью в такие моменты. Потом король поклонился в его сторону, и сказал: «По этикету, мой юный друг, принято делать третий поклон». И Влад начал поспешно совершать поклон, на что король ему тут же сказал: «Медленнее и ниже». Влад опустил голову в поклоне, застыв лицом, обращенным в пол. «Вот так... И руки надо убирать за спину глубже, чтобы кисти соприкасались, мой юный друг». Влад аккуратно завел руки как сказал король, потом король произнёс своим глубоким и властным голосом: «А теперь надо застыть, вы, мой юный друг, редкий гость на наших пирушках, и наверное ещё ни разу не посещали мой анатомический театр?». Влад, не выходя из поклона, ответил: «Да». На что король ему тут же спокойно и с ноткой игривой лёгкости произнёс: «Не хотели бы вы мой юный друг посетить его со мной?». Недолго думая, Влад ответил: «Да», и в это же мгновение опередивший меня стражник защелкнул на руках Влада кандалы, и Влад уже не смог оторвать взгляд от начищенного до блеска мраморного пола зала королевского приёма. Потом мы его отвели в зал для пиршеств, и к приходу остальных посетителей их ждали горячие и холодные блюда, алкогольные напитки, дурманные вещества, обнаженные фрейлины, длинные столы, высокие и дорогие стулья, искусные музыканты, цирковые акробаты, пожиратели мечей и извергатели пламени. Всё это происходило в огромном зале, чьи крепкие отполированные каменные стены украшали барельефы с цветными страницами истории Франции. Гигантские, украшенные хрусталём свечные люстры, ты даже представить не можешь, как тяжело их зажигать, порой у слуг уходило по полдня на это, я уж не говорю, сколько из них разбивалось, падая с высоких деревянных лестниц и подмостьев. И как вишенка на торте, или мотылёк у их огней, под самым куполом зала для пиршеств болтался на золотой цепи, пристёгнутой к кандалам Влад, с кляпом во рту.

Влад, наверное подарил тебе уже не одно море цветов, судя по устаревшим манерам, которые ты иногда демонстрируешь и всё же один цветок он подарить тебе не в силах», - и мужчина поставил локоть руки на стол, плавно сомкнув пальцы в кулак. «Знаешь историю любви Марии и Руслана?» - он улыбнулся самодовольно и тут же продолжил: «Откуда тебе их знать, вся любовь, которая вам может быть известна, это плотская, да любовь к золоту. А они были брат с сестрой и безумно любили заниматься...», - в этот момент отведя тёмно-улыбающийся взгляд в сторону от Вайорики. «Заниматься истязанием и причинением боли всем, кто попадал в их цепкие железные лапки. Были ли они помешаны? Нет, конечно... Они и сейчас есть помешаны на боли. Любовь Марии к рисованию и изобретению подарила французскому двору не одно уникальное развлечение, и как режиссёр театра анатомической красоты, она думала обо всём наперёд, представляя будущее, касаясь своих врат Митры, сидя на первом ряду порой даже пустого театра. Многие с ней посетили их, дабы вдохновить её злой гений, и лишь ощущая боль в такие моменты, она могла творить. Руслан, её прирожденный брат, давным-давно потерявший себя в огне и дыме, оглохший на одно ухо детина, после неудачной шутки Марии, словно рождённый с молотками в руках и днём и ночью... Да чего там, он и во снах работал в своей кузнице, с любовью и заботой воплощал каждую её фантазию. Не могу сказать, что их что-то ограничивало, но если бы ты знала Марию, ты бы понимала, что это даже не дикое животное, а куда более впечатляющее по своему безумию, ненависти и распутству существо. Напиваясь до потери памяти она по утрам проклинала всех и бросалась на каждого, если просыпалась у себя одна», - тут мужчина улыбнулся и прикрыл слегка кулаком рот. «Поймав твоего любимого Владика, и поняв, что дело мы имеем не с человеком, а с кем-то живущим уже очень давно, если не вечно», - мужчина снова стыдливо отвёл глаза и продолжил: «Фантазия Марии разгулялась, поняв, что физическое истязание с ним бесполезно и он от этого не умрёт. И спустя месяц изрезания тела Влада и изучения особенностей строения его органов, из-под раскалённого молота Руслана родился шедевр большого рассудка Марии и холодной логики доминирования нашего командира. Железный лотос, распускающий

свои изрезающие лепестки один раз в двадцать восемь дней», - тут мужчина плавно распустил пальцы руки из кулака и тихо произнёс: «В полнолуние». Мужчина достал из-за пазухи небольшой посеребрённый топор с лепестком в форме крыла бабочки, на лезвии которого была выгравировано «ключ Руслана». «Это только часть механизма, позволяющего сомкнуть эти лепестки, в противном случае, любимое мясо нашего ночного нетопыря не сможет поступать дальше, насыщая его жалкое тельце чужими силами. Согласись блевать только, что съеденным не очень приятно, когда силы и так на исходе. Понимая, что первое чем займется наш пленённый ракшас, сбежав из тёплых объятий Марии - это вспорит себе живот и вырвет железный лотос, а потом поужинает мной, зайка оставила две цепочки с сюрпризом, одна идёт от лотоса вверх к шее, вторая вниз... Скажу тебе только то, что знаю сам, вырвав лотос он усугубит своё положение, избавиться от верхней цепи ему получится только потеряв голову, и это не просто какое-то отсечение... а глубокая красная мелкая кашка – вот что останется от его красивой головки. Что произойдет если не производить подкрутку железного лотоса с тем, что у нашего прекрасного юноши на этаж ниже мне не сказали, только знаю, что этот проект Мария вынашивала давно и наконец-то смогла воплотить его целиком. И поверь, даже не срабатывая или срабатывая как-то не так, её механизмы даровали столько боли, что глаза испытывающих её закрывались навсегда. Так что даже на того, кто может изменить свой облик и превратиться в летающую мышку, ест по ночам силачей и запивает их плоть свежей кровью можно надеть ошейник и скомандовать: «К ноге!». И кстати, знаешь, чьи имена украшают цветоложе железного лотоса, что цветёт в животе твоего любимого господина?», - тут мужчина приподнял одну бровь и слегка улыбаясь посмотрел в глаза погрузневшей Вайорике.

«Руслан и Мария», - тихо произнесла, опустив голову, Вайорика.

В это время на улице Влад не находил себе места, его так и терзали сомнения, сможет ли Вайорика также восхищаться им, как и раньше после этой истории рядом стоящая Любишка тихо гладила его по плечу, пока он с разбитым от истерики взглядом, рассматривал следы от недавно выплюнутого им вина на снегу. В голове Любишки раздавался голос: «Зачем?! Зачем он так со мной поступает?! Скажи мне зачем?! Да я всегда говорю такие слова о бедности, но я вытащил его оттуда! И какая благодарность?! Она же просто сбежит теперь! Аааа!!! И я останусь опять один, я же её так люблю! А что с ней станет без меня?! Она же присоединится к остальным и будет просто, наполовину разложившись, страдать от боли и одиночества вечность!!! Как и остальные! Зачем нам ещё одна такая жертва! Палач, он просто экзекутор! Каким был, таким и остаётся!». Любишка мысленно отвечала: «Не переживай ты так, не сходи с ума, да, он такой, необычный, ты сам его вечно дёргаешь за усы, забывая, что он хуже дикого зверя. Почему ты так к нему груб? Прекращай ты так его унижать, я же знаю его и чувствую его глубже, чем ты. Он ничего тебе не скажет в ответ, или, наоборот, улыбнётся, или предложит свести всё на нет, но ты всё время забываешь про комнату с колокольчиками, он принимает твои удары, как тебе кажется, но для него это не больше, чем шлепки, понимаешь. Он и мне не говорит, что ты причиняешь ему боль, но смотри в очередной раз он просто даёт тебе куда более жуткий ответ. Да ты мастер манипуляций и высокий интеллектual, но он очень много страдал понимаешь, он воспитан экзекуторами, ты до конца его не знаешь. Ты знаешь только то, что узнал о нём от других, да и то пара человек, думаешь тебе сказали всё? Прекращай верить в то, что он какой-то шаман с другого материка, всмотришься в него сильнее, он имеет куда более зловещее происхождение. Не хочу сказать, что он водит тебя за нос, но суди о нём здраво, ты ему интересен, может мучить людей вокруг него это что-то что он носит в собственном сердце, и в нём течёт ненависть вместо крови. Почему ты забываешь, всё время как он поступил с нами, когда мы, всё-таки, дорвались и укусили его в шею, почему ты всё время, забываешь вкус этой жидкости, что течёт по его венам, ты же тогда чуть не умер. Ну

хватит признай ты уже его равным себе, признай и прекрати ты с ним соревноваться и тем более унижать. Ну поносишь ты эту глупую бороду, ты управляешь им деньгами, он управляет тобой болью и страхом. Он же не зря затеял эту дурацкую эстафету с бородой, он хочет тебя сделать более дисциплинированным, более сосредоточенным, словно готовит тебя к чему-то или просто видит твои недостатки и пытается тебя обтесать как полено, или заточить как его проклятые ножи. Понимаешь? Посмотри на это по-другому, он хочет тебе помочь как умеет, если медведь решит тебя крепко обнять, подружившись, то ты же не будешь обижаться на то, что он сломает тебе несколько рёбер, а про бороду не переживай, рано или поздно он увидит в тебе то, что хочет увидеть и ваш спор закончится, прекращай его задирать прошу, ладно? Прекращай, я не хочу потерять тебя, потому что он тебя уже два раза практически отправил на тот свет. Ну хочешь его научить считать, попробуй как-то по-другому, попробуй ласково, понимаю, что звучит нелепо, но я чувствую, что он отзывается на доброту, не так хорошо, как на злобу, но сердце его не закрыто к ней. Пусть даже он дикий, как хищный зверь, и весь в крови, но ты ведь тоже не лучше!»

В ответ она услышала в голове голос: «Я другой...», и тут же ответила: «Да, но равный, понимаешь, он поэтому пошёл с тобой и бросил всё что у него было, но себя он бросить не может... За кем бы ни шёл. А про Вайорику не переживай, она тебя любит всем сердцем, и это только вас сблизит, я когда услышала эту историю, не перестала общаться с тобой, со всеми случается ощутить собственную слабость и беспомощность. Непобедимость и совершенство – это миф, это сказка бабушки на ночь... Тьфу ты! Заканчивай нервничать и идём обратно, он уже, наверное, всё рассказал ей. И пойми это только вас сблизит, а сегодня такой день, трудный день, и он хочет, чтобы ты всё отстрадал разом и не ходил с тяжестью на сердце в безмолвном ожидании, когда она узнает... А завтра будет новый день и он будет непременно солнечным или тёмным, таким, каким ты захочешь... Вместе с той, кого ты любишь, не переживай».

А сидя в ресторане мужчина тем временем продолжал свой рассказ:

«После множества утех и развлечений гостей с пленником, плевки в лицо опущенному до пола Владу - это была самая невинная шалость, которую с ним исполняли куртизанки и, знаешь мне даже в этот момент показалось, что он больше был опечален тем, что за массовой оргией гостей ему приходится наблюдать, а не участвовать, чем всем тем, что с ним вытворяли опьянённые и одурманенные мужчины. Унизив изо всех сил больной фантазии, гости его отпустили, и мы с капитаном повели его на представление в анатомический театр, где он должен был исполнить главную роль».

Стоя на улице, Влад в бешенстве и отчаянии сказал Любишке: «Я ведь всё слышу, что он ей говорит! Палач, и больше никто, вот кто он, и нет в нём никакой доброты, ты всего лишь видишь то, что хочешь увидеть!». На что Любишка, прижав его к своей груди, ласково сказала: «Потерпи, Влад, скоро всё закончится...»

Изумлённая Вайорика, не двигаясь, продолжала слушать. Очистив ещё одно семечко, мужчина продолжал: «Ведя его с руками задранными над опущенной в пол головой, я заметил, что несмотря на многочасовое висение под самым потолком его руки не посинели и даже не отекали. Раньше я слышал о таком, и мне говорили старейшины, что только ракшасы не чувствуют боли и не получают шрамы, как обычные люди. Намекнув об этом капитану без Влада, мне пришлось его убедить в том, чтобы проверить это. Он долго не соглашался, но подумав решил, что для французского короля ракшас, пьющий кровь и питающийся человеком может сыграть хорошую службу, но это он смог выдать из своего крепкого как камень разума, лишь

после того, как я ему сказал, что такие как Влад знают многие секреты, от того где зарыты или спрятаны огромные богатства, до секрета изготовления эликсира бессмертия. К счастью Влада, король грезил бессмертием, в принципе, как и все владыки и повелители, опьянённые властью. Получив разрешение подыграть Владу, я отправился на экзекуцию, а капитан пошел к кузнецу, прекрасно понимая, что такого демона как Влад просто так не подчинить своей воле и доминанция над ним требует особой хитрости, а подарок королю стоит того, да и от скучной службы он обожал изгаляться в наказаниях, оружии, боевой хитрости и силовой доминации. Встав над склонившим голову Владом, стоящим на коленях, я надел одежду азиатского воина и взял выкраденный дахай у мьянманского принца. Прислонив его к шее Влада, я заметил, как после легкого надреза из раны с кровью показалась лёгкая струйка дыма, и тут вопросов относительно Влада у меня не осталось, хотя и появился вопрос об этом мече, не зря королевский кузнец как ополоумевший раз за разом пытался повторить его сплав и форму, но всё безуспешно, к его сожалению. На одно из мгновений в моей голове промелькнула мысль – неужто я не один такой, кто обречён ходить вечность по этой земле, потом наклонился к Владу с истёкшим от крови кляпом во рту и сказал на ухо: «Я знаю кто ты такой, обитатель ночи, питающийся человеческой плотью и запивающий её человеческой кровью, я вытащу тебя отсюда и нанесу тебе удар, не полностью отсекающий голову, ты только держись и не умри». Влад не подал виду, но через мгновение я услышал его голос в своей голове, сказавший: «Отсеки её полностью, но не закапывай отдельно от тела». После чего король щёлкнул пальцами, и я одним ударом отрубил ему голову, забрызгав чёрной кровью всю сцену и гостей, сидевших на первых рядах театра. Убрав тело и голову, я отправился с ними в подвал, а в театре уже началось следующее выступление с очередным бедолагой, но меня уже заменили сослуживцы. В подвале уже ждал капитан с кузнецом, швырнув на стол отрубленную голову Влада, я бросил его обгаженное тело на пол, и мы начали изучать её. Практически сразу же мы нашли его отличия, огромные и острые двойные клыки на обеих челюстях истекали то белыми, то чёрными ядовитыми жидкостями, закатившиеся глаза невозможно было вернуть в обычное положение, и конвульсии языка в отрубленной голове не переставали происходить уже более часа после отсечения, как будто он дышал, как собака. Разрезать голову мы не стали и, выбросив её на пол, начали изучать его тело, раздев и отмыв его, мы закинули на стол для разделывания и тут уже не ограничились простым осмотром, изрезав его практически везде, где могли, мы в очередной раз убедились, что он не человек, кровь практически не текла. Кузнец молодец, сразу, если не раньше, понял как можно на него повесить ошейник, и вскрыв телу Влада брюхо, он подтвердил свои догадки, обнаружив абсолютно такой же, как и у людей, желудок, как сейчас помню его фразу: «Если у этого чёрта есть рот, есть желудок и есть жопа, то тогда он должен так же есть, как и все, и срать, только вот блюда у него особенные, так что я предлагаю просто поставить ему пробку на одном из этих уровней, чтобы он не мог есть, а голодный пёс, всегда подаёт лапу по команде». Через пару недель кузнец смог смастерить железный лотос, как он его назвал, и заложил в желудок Владу, голова которого продолжала дышать по-собачьи отдельно от тела всё это время», - сказал мужчина и зловеще улыбнулся. «Кузнец не был гением, но, определённо, был профессионалом в изготовлении инструментов для причинения боли. Не могу сказать, что Влад ощущает это, но железный лотос раскрывает свои лепестки каждый день всё шире и шире, полностью ограничивая проход мяса в желудок нашего кровопийцы, поэтому чтобы не сдохнуть от искусственного голода Владу приходится раз в семь дней приходить ко мне, потому что ключ, смыкающий лепестки, есть только у меня. Не думай, что там очень сложный механизм... Только я тоже не простой малый, чтобы у меня просто взять и отобрать его. Проверив ключ к лотосу, мы выбросили его тело и голову в комнату с колокольчиками, которую к этому моменту уже любезно и с немалой ноткой иезуитского наслаждения собрал мой капитан и его помощники. И через неделю... колокольчики начали звонить. Глядя на голого и разъярённого Влада, изрезанного везде, где только можно, капитан вошел в

комнату, одетый в бронзовые доспехи и, приложив дахай к горлу Влада, прижал его к стене, испещрённой острыми лезвиями. Вынужденный подчиниться Влад встал на колени и заплакал, моля о пощаде. После этого капитан намекнул ему, что теперь его тело усовершенствовали, и если он не хочет умереть от голода, то он... нам должен... открыть секрет эликсира вечной жизни. Исхудавший и истощенный Влад накинудся на брошенное ему ведро крови, и напился досыта. Мы были удивлены, как быстро он наполнился силами и энергией, но только его всё равно никто не отпустил. Поняв, что кровь насыщает его на короткое время, меня приставили к нему и отпустили со службы, так как Влад начал выдумывать различные небылицы о том, что надо найти редкие ингредиенты, которые он перепрыгал в разных частях света... Так что так я стал его спутником... а вся эта чушь о том, что мы с ним весело сбежали, оставив всех в дураках и обманув короля - это сказки для детей и доверчивых девочек. А это смотри», - и мужчина достал из-за пазухи небольшой острый бронзовый топорик и с характерным звуком положил на стол, на который сразу же прибежал работник ресторана и поклонившись встал перед гостями.

«Это вторая часть ключа к железному лотосу боли в чреве Влада, носящая имя Марии», - сказав это мистически спокойным голосом, мужчина повернулся к работнику ресторана и изобразив поцелуй, сказал на китайском: «Чая».

Вайорика напряженно проглотила слюну, потом медленно открыла свой широкий и красивый рот, сделав тягучий, еле слышный выдох. Спустя минуту молчания, пока мужчина уби-рал топорик за пазуху, она собралась с мыслями и сказала: «Да... Он мне об этом говорил!».

«Не брешы, милка!» - воскликнула на чистом валашском, внезапно появившаяся у входа в зону ресторанного столика Любишка. «Сколько раз нам Владушка рассказывал эту глупость, о паладине-неумёхе, столько раз ты и ржала во весь голос над Чинушкой», - добавила строго и комично, подпирая бока руками она же. «Да шо ты как бабуська со мной разговариваешь?!» - яростно выдохнув струю воздуха себе под чёлку тёмных волос, ответил Вайорика и сложила на груди руки в замок. «Ты мне в глаза смотри, когда врать собираешься, я-то тебя знаю, как девчонку малолетнюю с луга краденую», - на лёгкий распев ответила Любишка, с абсолютно серьёзным и спокойным лицом: «Знает тут каждый, что врать ты так и не научилась за эти годы». Внезапно подошедший работник хотел было поинтересоваться, всё ли хорошо у посетителей, но Любишка одной строгой отмашкой руки, не оборачиваясь к стоящему позади, дала понять, что ему лучше идти куда он шёл.

«Пфф...», - снова недовольно выдохнула себе под чёлку Вайорика и через несколько секунд застывшей в воздухе паузе оторвала глаза от тарелки с шелухой тыквенных семечек, переведя их на подошедшего Влада, одарив его грустью и раздражением. Сильно сжав от недовольства возникшей ситуаций и того, что перед ней открылось, губы, так что тонкая бледная кожа обтянула сильно выдающиеся вперёд длинные клыки, она что было сил набрала в грудь тёплого воздуха и так же глубоко выдохнула почти ледяной воздух, волна которого белым паром расстелилась по столу заведения «Дракон и Феникс», покрыв лёгким синеватым инеем тыквенные плевлa и шелуху семян. «Так и быть, чуж... естранец, расскажу я тебе нашу историю, историю ту глупости моей девичьей и любви, что пережила всех и всё, что было так дорого сердцу моему глупенькому». Самодовольно улыбнувшись, Любишка упала в объятия боро-датого мужчины и расслабившись, они устроились на большом кожаном диванчике, крепко обнявшись, и потеревшись разок щеками. Влад аккуратно прошёл на своё место и, украдкой взглянув виновато на Вайорику, вновь обратился к окну холодным и отсутствующим взглядом, плавно водя по замёрзшему стеклу голым указательным пальцем правой руки.

«Уффф...», - начала выдохнув Вайорика: «Поклялась я никому не рассказывать, но видимо и эту клятву мне придётся преступить, св...», - проглотив слово, что хотела сказать, она продолжила: «Жила девушка молодая в деревне захудалой, города на краю государства Валашского, жила она и бед не знала, женихов у неё сдевичья было столько, сколько парней бравых в деревне по лету сено косило, и из году в год, только росло число их, несмотря на года идущие... Да, нос она воротила от каждого, волосы свои расчёсывая, да в косу до пола сплетая с лентами красными. Не мил ей был ни панов сын, ни кузнеца брат, ни зажиточных крестьян дети, хотела она себя продать да подороже, а в любви она толку большого была, как смолоду знала от своей матери, а та от своей, как ворожить да привораживать мужика любого правильно. Знаниями она теми и жила, и жила...». В этот момент Влад хотел было её перебить, но лишь открыв рот, тут же передумал и снова с отсутствующим видом отвернулся к окну, а Вайорика вдохнув продолжила: «Мне самой та история не мила, так что быстро я расскажу её, Владушек», - и тихо протянув руку, сжала его ладонь крепко. «Жить жила себе, то кузнеца брат подарок принесёт, то крестьянина сын дров нарубит, то панов сын фазана выторгованного подарит. Одна она жила с возраста того девичьего, померли её родители, да не про них сказ идёт, хоть и больно много о них рассказывать тоже могу. И дня покойного ей видать было тяжело от внимания такого, а оно её и забавляло, как козлов их сталкивать да дразнить, чтоб бодались курам на смех. Да только где радости много носят, там и беды два ведра на баланьсоре припрут. Прознала одна девица глазастая, как волос её хлопца та девушка скрытно подобрала, а дальше и молву подняла, что ворожит та, как только её хлопец забыл о ней плакать по ночам, да встречи добиваться. Слово за слово, да на потеху князю Валашскому сказали, шо вещицу нашли на земле его и совета спросили, шо с ней делать в реке топить или на костре изгоре на клада за нея. Велел князь его дожидаться, чтобы самому такому диву придаться, но увидав ей к столбу привязанной, то ли влюбился, то ли смилостивился и отпустил её живея в самота, да глупец молодой, руку подал с костра погребального снимая, зная не зная, что вещице руку голую, тканью непокрытой подавать перво-наперво нельзя. И заболел он... тяжело заболел и хворь его никакими средствами да травами не излечивалась, так как захворал он всерьёз от любви к той молодке, хоть и сам был трупом живым, кровью да плотью питающимся, да от чар любовных даже сердце небьющееся спасти не в силах. Вернулся он за ней на отшиб деревушки той захудающей, и узнал, что вещицу ту Вайорикой звали и прокляла она всех своих соседей бывших, в лес уйдя соседний и там обитать стала, продолжая жить на подачки поклонников своих, тайком или явно заботившихся о ней. Запытал князь светлейший молодцев тех, да ни один из них места тайного ему не выдал, заворуженно лишь клялись они в любви своей вещице на одре смертном и князя разлучника проклиная. Затаившись в деревне той, послал он во все деревни, у леса хоронившиеся, слуг своих и ждать начал, когда выйдет любовь её от голода и нужды изнывая... так и дождался, пытарь мой ласковый да душегуб... а дальше не е на магарето работата, скъпи ми непознато...», - тихо с ноткой грусти и холода закончила Вайорика, заметно погрузнев после сказанного. «А я выпить предлагаю за это!» - воскликнула Любишка, и выпорхнув из крепких объятий, быстро и матёро разлила всем рисовой водки, встала и, улыбаясь, громко на весь ресторан произнесла: «Любовта е сляпа и глупава!». Мужчина с бородой нежно улыбнувшись поднял чашку и присоединился через секунду нехотя и после пары мягких толчков в плечо Вайорики, Влад присоединился к ним и быстро осушил свою чашку. Раз за разом они радостно выкрикивали ура, всё громче и громче.

Часть 5

Вернувшись домой после утреннего похода в сопровождении тибетского мастифа, женщина устало и небрежно бросила меховую шубу на плетёное кресло, прошла на кухню и села у

разведённого костра глиняной печи, на верхней части которой грелся металлический лист, на котором её уже ждала небольшая металлическая чашка с нагретой водой для полуденного чая.

«Хао Мэй!» - крикнула женщина с зажатой в углу рта сигаретой. Затем с недовольным и уставшим лицом схватила сигарету и, потушив, выбросила в урну, плюнув туда коричневой от постоянного блуждающих во рту никотина и смол слюной.

«Хао Мэй!!! Ты где?! Мать пришла!» - ещё громче прокричала женщина. Затем громко вдохнула поглубже замёрзшим носом потекшие от быстрого перехода с мороза в тепло сопли и кашлянула.

«Хааааааа! Мэээээийй!» - максимально громко прокричала женщина, повернув голову в сторону коридора к комнатам, который оканчивался дверью на задний двор дома.

«Да!», - послышался крик где-то за дверью, ведущей на задний двор.

Спустя пару минут дверь отворилась, и в коридор зашла покрытая снегом, девушка в небольшом коротеньком грубом полушубке, меховых штанах и таких же высоких сапогах. В руках она сжимала молоток и большой нож с зазубринами по одному краю. Звонким и радостным голосом она прокричала: «Да тут я! Чего ты так раскричалась?!»

«Мало ли, вдруг яогуй наведаются средь белого дня, ты же знаешь свою мать... Я всегда думаю только о тебе, ты самое дорогое и единственное, что у меня есть. Не устану повторять, что я люблю только тебя в этом мире. Что ты там делала? Давай, пошли чай пить. Уфф... так замоталась с самого утра, где бы сил найти на оставшийся день?» - усталым голосом сказала женщина, добавив: «Сходи двери закрой, пожалуйста, я сегодня немного возбуждена и рассеяна, забыла калитку прикрыть. Совсем замёрзла что-то, кости всё хуже жар держат».

«Хорошо, сейчас. Какой чай будешь: красный, черный, может, красный халат заварить, чтобы скорее отогрелась?» - быстрым голосом сказала девушка, потом бросила молоток с ножом на тумбочку у двери в задний двор. Подняла облокоченную о стену увесистую металлическую балку и поставила её на крепления в качестве засова к тяжелой деревянной двери, обитой металлическими пластинами. Аккуратно сняв заснеженные сапоги, девушка взяла их в руки и быстрым шагом пошла на кухню. Снова обувшись, она открыла входную дверь и на несколько секунд выбежала во внешний двор. Закрыв увесистую металлическую дверь калитки на ключ, оглядела беглым взглядом высокие глиняные стены, ограждавшие внешний двор дома, и побежала домой. Зайдя в дом, взяла металлический засов и закрыла входную дверь дома, точь-в-точь повторявшую собой дверь на задний двор.

«Ладно, давай заваривай халат, будь он неладен, уже настолько припилась к нему, что от одного запаха воротит, но что-то я слишком замерзла, мороз в этом году особенно кусачий», - продолжила женщина, пока девушка, сняв всю верхнюю одежду и бросив на то же кресло, где лежала шуба, суетливо ходила по кухне и искала коробочки с чаем и прочую чайную утварь.

«Ты представляешь, мне эта старая лягушка угрожала сегодня, из-за этого тигра, трясёт и трясёт меня, отдавай и отдавай, как полоумная, и дня не прошло, ей уже надо быстрее его продать. Я ей говорю, мы даже не поняли тигр это или тигрица, а она меня трясёт и говорит потопрапливаться, жаба старая, а рядом с ней, как камыш старый, кланяется, поддакивая, её бесхребетный муженёк. Угрожает мне, что натравит стражу, если ко времени не отдам, как будто

меня колышет, что, эта кошка дранная, уже всем наобещала сегодня раздать его по частям. Представляешь, прилюдно орала на меня выпучив свои глазёнки... тьфу... я ей хотела сказать, что ты так не кричи громко, а то зыркалки повылетают из черепушки, и очки не помогут их удержать. А потом представляешь, встретила двух укуренных и пьянящих чужестранцев, стоят такие переглядываются, строят из себя зайчат на выгуле, девчонка, ещё такая мне зубы заговаривает, мол, мы пара, это муж мой будущий, мы путешествуем, знаю я, как они путешествуют, только и подавай им дурман, разврат и насилие. Дома у себя им такого не позволяют, а здесь – на, пожалуйста, нас же много, может, и не заметят. Стоит её барсук ободранный, под шубой нож рукой держит, и на Гу уставился, прямо вот видно, сейчас набросится, только момента ждёт», - жаловалась замерзшая женщина, продолжая слегка подрагивать.

«Как его палец? Ну, в смысле, как он без пальца, бедняжка? Так больно, наверное, ему было», - с трепетом спросила девушка, не отвлекаясь от заваривания чая.

«Да как? Бодрится, говорит, всё нормально - ну так видно, глаза расстроенные, теперь в основном дубинку в руках держит, видимо, силу удара от кулака потерял. Ладно, ничего, он мужик крепкий, справится как-нибудь. И вот я, значит, им говорю, что найду их, если что произойдет, а тут, тык, получаю по ноге удар слабенький. У меня прямо сердце в пятки, в голове мысли: цзянши подкрался... уфф... поворачиваюсь, а там Бао-Бао меня нашел и лапкой гладит по ноге», - продолжала рассказывать женщина, уже повернувшись к столу и взяв в руки чашку горячего чая.

«Ну, ты их прямо не можешь забыть, вечно они тебе мерещатся», - спокойно отвечала девушка, наливая себе чашку чая.

«Да ты не представляешь, что это было! Я этого шакала То Тсё Хэ на всю жизнь запомнила. В голове не укладывается до сих пор, как можно было такое сотворить со всей своей семьей, просто до сих пор мурашки по спине бегут, как вспомню, как мы с мамой пробирались ночью в его дом, вдвоём, даже мужика-то рядом крепкого не было, один её якобы бесстрашный сопляк и тот сказал, что побежит за подмогой», - возбужденно продолжала женщина.

«Ладно, мам, не продолжай, я эту историю слышала уже сто десять раз», - попыталась остановить беседу девушка.

«Слышать слышала, да не полностью. Я тебе вот до сих пор не рассказывала одной детали, всё ждала когда ты начнешь проявлять сообразительность и спрашивать, а ты мать вполуха слушаешь, да в своих девичьих грезах пребываешь», - отвечала с упреком женщина.

Огромный мастиф, всё это время сидевший у печи и смотрящий на огонь, плавно ступая пушистыми лапами по деревянному полу, подошел и сел рядом со стулом девушки, опустив большую морду ей на колени и долго и грустно выдохнул ей теплый воздух в живот.

«Какую еще такую деталь?» - сделав глоток горячего чая, спросила девушка и посмотрела с улыбкой в глаза женщине.

«А вот и не скажу, гадай теперь сиди, всё равно не угадаешь. Мать слушать надо, интересоваться ей, а не говорить, что она повторяет одно и то же!» - возмущенно тихим голосом ответила женщина.

«Ну мааам, Расскажи, я буду как самая послушная зайка себя вести. Нууу... маам!» - начала, улюлюкивая, щебетать девушка.

«Неа! Ты уже слышала эту историю сто десять раз! Выучить должна была, наверное, наизусть!» - недовольным тоном ответила женщина, и демонстративно отвернула голову в сторону от девушки, сидящей за столом напротив.

«А если я дам тебе твоих любимых сладостей?.. у меня как раз припасено на такой случай», - проговорила девушка и заулыбалась что было сил, выгибая шею что было сил, чтобы попытаться заглянуть в глаза женщине.

«Мать решила купить?.. За сладости?.. Дожили. А продавать тоже за сладости будешь, или так отдашь?.. в добрые руки?» - ответила женщина и недовольное выражение лица начало медленно сменяться легкой улыбкой, а в глазах, окутанных сеткой неглубоких морщин, начала медленно появляться искорка. Окончательно отогревшись, голос у женщины сменился от гнусаво-носового звучания до теплого тихого с бархатными переходами.

«Даже если захотят купить, не смогут! И нет таких рук, что добрее моих тебя любить смогли! Ну мааам, ну Расскажи, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!» - продолжала щебетать девушка. А мастиф, не поднимая увесистой морды с её колен, снова тяжело и тоскливо выдохнул, немного почавкав после этого.

«Ладно, лисичка ты моя, только сладости вперед, а то пить уже не могу этот халат без прикуски, и Бао-Бао дай тоже кусочек, он что-то грустный сегодня, пусть пожуёт немножко, может повеселее станет», - ответила женщина и по привычке потянулась в карман платья за сигаретой, но потом вспомнила, что старается дома не курить и, нащупав в кармане плотно наполненный маленький тканевый мешочек, достала его и, распахнув, еще раз взглянула внутрь него.

Большой пучок спутанных белых, как снег, волос, полностью заполнявший внутренность мешка. Твердые, словно овечья шерсть, но тонкие, как нити, они поблескивали от дневного света легким чуть заметным перламутром. Женщина приложила мешочек к носу и, глубоко вдохнув их аромат, медленно перевела взгляд на дочь и спросила: «Как считаешь, почему его волосы вообще не пачкаются и не пахнут, хотя он никогда не мылся, не считая того раза в озере, когда мы его помыли?» - и скромно улыбнулась.

Девушка повела плечами в ответ и положила на стол тарелку с четырьмя кусочками фэн-лису.

Женщина убрала мешочек обратно в карман, затем взяла кусочек печенья и, не успев положить его в рот, быстро и с недовольством пробормотала: «Эта старая ящерица так и не смогла сделать никакой путной выжимки или порошка из его волос. Говорит, никакой силы они не содержат, а я ей: «Такого быть не может, даже чешуя с тела дракона обладает силой, что говорить о волосах этого ягуя!»»

Хао Мэй села за стол и налила себе чашку горячего чая, с удовольствием вдыхая аромат свежесваренного чайного листа.

Откусив печенье и запив чашкой чая, женщина, насупив немного лицо, начала свой рассказ:

«Глубокой ночью мы с твоей бабушкой отправились в одну деревушку, когда я ещё была на пару лет моложе тебя. Стуцавшиеся облака обволакивали весь небосвод и мелкий дождь без остановки накрапывал, не переходя во что-то более существенное, чем мелкие промозглые капли, перемешивающиеся с прохладным и промозглым осенним ветром. Как сейчас помню, я тогда только научилась более-менее стрелять из лука, и крепко сжимала его в руках, пытаясь ощутить хотя бы какую-то защиту от всех тех существ, с которыми приходилось сталкиваться вместе с мамой. Её изобретательность в борьбе и дар небес сулили ей куда более ужасные и тяжелые испытания, чем позже выпали на мою долю, но всё же они были ей под силу, и она очистила нашу землю от тех многих, кого не то что здесь быть не должно, таких», - женщина прервалась, чтобы не выругаться, и, сделав ещё глоток чая, продолжила: «от таких, кого вообще быть не должно под небесами. И в очередной раз мы отправились в ночь, отзываясь на крик помощи прибежавшего слуги одного из видных господ, кому принадлежали обильные пахотные земли в деревушке неподалеку. Имя его мне никогда не забыть, и оно всегда будет в самых моих ужасных воспоминаниях, имя это - То Тсё Хэ. Ужаснее животного себе представить невозможно было. Мы и так слышали, как шла молва, что он промышляет чем-то грязным и тёмным, то ли крадёт детей, то ли питается человеческим горем и плотью, то ли колдует, то ли пьёт кровь. Абсолютно всегда, когда в народе мелькало это имя, то оно шло рука об руку с чем-то мерзким и ужасным.

Добежав ночью до двери нашего дома, его слуга из ранга низших, захлебываясь в собственной крови, стучался из последних сил и кричал, моля о помощи. Как только мама открыла дверь, он рухнул на землю, успев сказать только: «Быстрее бегите в дом господина», - после чего захлебнулся собственной кровью и тут же окоченел. Мама ещё мне не поверила, что он сразу окоченел, и подбежала проверить. Понять, в какой дом нас позвал усопший получилось только по татуировке под его косичкой, которую кто-то, видимо, пытался оторвать, или держал его, чтобы он не мог убежать, но только видно было, что бедолага вырвался из последних сил, оторвав половину косички силой, а половину чем-то отрезав. Когда мы его развернули, пытаясь уложить на спину, вся кожа лица и рук начала быстро менять оттенок от розового к желто-зелёному и буквально через несколько минут он уже весь отёк и посинел, словно утопленник, пробывший в воде не меньше нескольких недель.

Мама сказала быстро собираться в дорогу, и мы побежали вместе в соседнюю деревушку без лошадей, ну да сама это понимаешь, ладно.

Стоило нам только покинуть внешний дворик, как со стороны лежащего на спине усопшего послышались приглушенные звуки тяжелого и осипшего дыхания, с тихим свистом и пощёхиванием. На мгновение мы обернулись и увидели, что оно вскочило и с ужасной скоростью бежит на нас, раскрыв рот и выставив вперёд длинные почерневшие ногти. Мама успела его немного остановить при помощи своих сил, и оно, повалившись в грязную лужу, проползло на четвереньках. Снова вскочив, тело набрало скорость в нашу сторону, и только между нами оставалось несколько шагов, как я успела попасть ему стрелой в голову. Помню, как забилося моё сердце в тот момент, когда я целилась, боясь промахнуться. Раньше такого ужаса я еще не встречала, конечно, это был не первый раз, но чтобы настолько искалечить тело человека, такого со мной еще не было. Струя грязной черной крови брызнула мне в лицо, запачкав моё любимое ханьфу, подаренное мамой мне на день рождения. Ахх... как же я любила это нежное и красивое ханьфу, когда мама мне его подарила, я даже представить не могла, что смогу так влюбиться в одежду... да уж... Пришлось сначала успокоить слугу и спрятать на заднем дворе, там, где сейчас печь для мусора, она, кстати, потом нам как раз и пригодилась, при-

шлось отсечь бедолаге конечности и голову, чтобы он перестал метаться из стороны в сторону. Маме, конечно, в работе с мечом равных не было, и мы очень скоро отправились в сторону деревушки, а моросящий дождь как отвратительный спутник продолжал бежать с нами всю дорогу, не переставая поливать холодной осенней водой. Ты знаешь, как бабушка любила воду, но меня это очень сильно измотало. Наконец-то добравшись до особняка То Тсё Хэ, огороженного высоким забором с покрытой черепицей крышей, он всё-таки разыгрался по полной и на нас хлынул поток холодной воды, вместе с раскатами грома и блеском молний. Меня такой ужас тогда пронзил, я ещё смотрю на маму и говорю: «Может не стоит, смотри как всё ужасно складывается, буквально всё не хочет, чтобы мы туда шли», - а она мне отвечает, никогда этого не забуду: «Окружающее не препятствует нам и даже не хочет напугать... оно лишь показывает, что, заходя в капкан, нужно правильно рассчитывать собственные возможности и думать о последствиях». Не могу сказать, что это сильно меня успокоило, страх всё равно был очень силен. Дверь распахнутых главных ворот во внешний двор его особняка, поскрипывала, раскачиваясь на ветру. Длинный кровавый след от маленькой ладони, безобразно размазанный на уровне роста маленького ребёнка, свежий и постепенно омываемый дождём, виднелся на одной из створок входных ворот. Внешний двор был очень длинный и широкий, лишь по краям вдоль забора росли небольшие изогнутые деревца, тщательно выстригаемые, видимо, его слугами, сама же дорога до входа в особняк была покрыта камнями, и была больше похожа на небольшую площадь, на одной из сторон которых располагалась хлипкая деревянная беседка, полотна тёмно-синей ткани болтались на ветру, свесившись с её крыши с характерным звуком. По всей площадке внешнего двора мы не нашли никого, и ни одного следа. Аккуратно и медленно подходя почти на цыпочках к дверям первого этажа этого зловещего особняка, мы уже вымокли до нитки и как только попытались распахнуть тяжелую увесистую входную дверь, сразу же ударил раскатистый гром, и в беседку во внутреннем дворе с неба упала молния, вызвав сильный треск и воспламенив её часть. Мы с мамой от неожиданности отлетели в сторону и упали. Поднявшись, снова попытались подойти к двери и открыть её, но она была плотно заперта, и если бы не мамины водные фантомы, то мы никогда не смогли бы зайти. Только маленькие окошки размером с чайник на высоте нескольких метров находились на стороне входной двери. Разбив силой водяного фантома затворы, а там их было не меньше четырех и все на разных уровнях, металлические, увесистые, нам их поднять-то не получилось бы с тобой, то ли у него был какой-то механизм отпирания, то ли привратные прислужники обладали какой-то неестественной силой. Ну так вот, вошли мы в распахнувшуюся дверь, и смотрим, а к внутренней ручке двери примотан огромный моток красных нитей, которые расходятся во все стороны дома, какие-то сразу ведут на лестницу верхнего или верхних этажей, какие-то ведут прямо в коридор с огромным количеством комнат, какие-то таким же плотным скопом натянуты вдоль лестницы, спускающейся в подвал. Ещё такая темень, только пара тухнувших свечей у лестниц еле горит, а на концах красных нитей, примотанных к дверной ручке, висят колокольчики, и, знаешь, невозможно понять, какие нитки дергаются, но как только дверь остановилась от удара фантома, то нитки сразу начали трепыхаться и дёргаться, заставляя колокольчики звенеть. И тишина такая из-за толстых стен сразу нависла, ни крика, ни всхлипа, ни плача, тьма и мёртвая тишина, только мерзкий гнилой запах, заполняющий весь холл особняка. Мы с мамой сразу переглянулись и взялись за руки. Крепко сжав мою руку, мама достала из кармана длинную толстую нить и обвязала её сначала вокруг моей кисти, а второй конец обвязала вокруг своей, сказав: «Держись, малышка, мама рядом, всё будет хорошо». Таким холодным и спокойным тоном она это сказала, медленно поднимая голову и смотря мне прямо в глаза, видимо, понимала какой ужас в них. Тут же раздался тихий скрип или шелест со стороны коридора первого этажа, и по ногам начал дуть холодный ветер. Мама окружила себя водяными лезвиями, я натянула тетиву лука до скрипа, и мы начали медленно красться к коридору, колокольчики продолжали тихонечко звенеть. Мама сформировала между ладоней водяной шипованный шар, тон-

кая струйка воды с улицы продолжала ползти за ней, извиваясь, как змея. Я ещё ей показываю, мол, мам, сделай водяного громилу, пусть он пойдёт первым и примет на себя удар, если что, но она молча покачала головой, отказывая мне, и приложила палец к губам, чтобы я не говорила лишних слов, и вела себя как можно тише. Пройдя несколько первых комнат, запертых увесистыми дверями, из сквозных отверстий на ручках которых тянулись красные нити, мы продолжали красться дальше по коридору, пока в одной из комнат не услышали звуки какой-то возни, кто-то то ли переставлял там ящики, то ли с хлопком закрывал их дверцы, то ли уронил какую-то большую деревяшку, дверь в эту комнату была также закрыта, как и все остальные.

И твой папаша после очередной попойки бродил неподалёку, видимо полз от своих дружков изрядно поднабравшись, мы ещё тогда...»

«Не были знакомы, я знаю», - заметила девушка с умным видом, но увидев упрекающий взгляд матери тут же мило улыбнулась в ответ и приложила указательный палец к губам.

А женщина продолжала, немного прокашлявшись и сделав пару глотков горячего чая: «Помню, как он мне всё рассказывал уже после, ну в его манере, ну ты поняла, в любимой твоей... кхм... кхм!» - женщина выпрямила уставшую спину, расправила плечи и приподняла подбородок, глядя строгим и серьёзным взглядом прямо в глаза дочери, и холодно-уверенным тоном продолжила: «Короче, шёл я мимо какого-то забора просто в дрова, просто в кашу пьяный, если не сказать хуже. Иду себе, шатаюсь, никого не трогаю, на дворе ночь темнущая, дождь хлещет прямо в морду, лицо ещё такое небритое, всё течёт с головы, шляпу как всегда не взял, да и не нужны мне эти шляпы, они только для женщин и крестьян на поле. Иду себе иду, и тут что-то неплохо так в сторону мотнуло, думаю, сейчас блять ёбнусь и усну прямо под этим забором, схватился за стену, смотрю такая высокая и мощная. Ну пополз я, короче, вдоль неё и, что ты думаешь? Хлабысь! А тут дверь открытая! Ну, думаю, приютят хули, всё равно уже не понимаю куда иду, пью, не просыхая, неделю третью, ну или под край усну у них во дворе, а утром выпрут, если найдут. Заваливаюсь яаааа», - тут женщина растягивая звук, перевела горизонтально взгляд из одной стороны комнаты в другую, не двигая головой, потом остановила его на глазах дочери и продолжила, увидев на её лице скромную улыбку: «Короче, во двор и смотрю, а во дворе ни одной лавки, ни одного дерева нормального, чтобы спрятаться, одна только летняя веранда, что ли, да и та в щепки расквашена и дымится хер пойми почему! Смотрю дверица раскрыта одна в здоровенный дом, внутри темно, света вообще не видно, и в этот момент, знаешь, как будто из дома кто-то выбежал в платье изумрудном стёганом и в шапке слуги, маленький такой, на четвереньках подбежал ко мне с бледнюще-мёртвенным лицом, лысый такой мелкий пацан, как будто мёртвый, и хлоп! Бросается на меня и тут же пропадает. Я охуел слегонца, подумал: ну, блин, нормально я перепил, уже до мёртвых мальчиков допил, надо проспаться или воды, что ли, попросить. Была не была, пойду доебусь до хозяина, может хоть воды даст попить или рисовую лепешку съем, а то что-то совсем ебальник снесло, уже обитатели Диюя мерещатся. Ещё ебальник так разболелся, ты бы знала, вообще резко повернуть не могу, сразу ударяет в голову, попытался оглядеться после того, как увидел этого пиздюка, в голову как иглу вонзили, думаю такой дааааа...», - и женщина снова повторила это движение глазами: «Сейчас бы проспаться и воздуха свежего зимнего вдохнуть, этот мокрый от дождя воздух вообще тяжёлый такой, когда напьешься как скотина. Делать нечего, поплёлся до дверицы этой огромной. Подхожу к ней, приглядываюсь, думаю, что это ещё за поебень из красных ниток и колокольчиков, тут что за ебанутые живут, или слепые, что ли? Один хер ненормальные, если весь дом нитками обвязали с колокольчиками, тут еще хуяк! Как гром шарахнет с молнией прямо в эту разьебанную беседку дымящуюся! Она там вообще вдребезги разлетелась, и куски дерева уже в меня полетели, ну я отреагировал-то резко», - и

тут женщина попеременно подвигала плечами вперед-назад, и, вжав в плечи шею, опустила голову, так что уровень губ совпал с уровнем чашки чая, что она держала в руке, и быстро залпом выпила остатки чая, словно это была рисовая водка, затем медленно вернула голову в прежнее положение и продолжила: «я-то не промах, и ебалом не щелкаю в такие моменты, глазки от страха у меня с детства не закрываются. Я это понял, когда ещё в первый раз нос сломал девчонке во дворе, она, швабра лохматая, меня хотела мелкого огреть ногой по роже, а я в сторону отошел и одним шлепком ей нос по лицу размазал как варенье по хлебу. Дверь, короче, захлопнул, а в прихожей тьма тьмой, не видно ровным счётом ни хуя, и только эти колокольчики бринькают то и дело, ну я и думаю: блять, отрезать бы их все разом, чтобы двигаться можно было нормально по дому, но потом понимаю задним умом, что дом-то не мой, и это как-то невежливо, вдруг реально слепые тут какие-нибудь живут, потом шум поднимут ещё, припрутся всей деревней отношения выяснять. Нет, думаю, надо свечку что ли найти, как так можно без свечей-то совсем жить, и опять же задним умом думаю, а если они блять все тут слепые, на кой хер им сдались эти свечки, но тут же мысль, а если они слепые, то кто им такой дом построил, слуги же должны быть? Короче, блуждаю я в темноте, чувствую холодный ветерок дует с лестницы, чихнул что есть сил, и чувствую голова прямо так и пульсирует от боли, ну думаю, дорога мне в подвал, один хер там у них по-любому должны лежать запасы, и свечи я там смогу найти и пожрать может чего получится найти, всё равно погреб у них там, только, может быть, к тому же глаза немного к темноте уже привыкли и я заметил, что пара подсвечников была с потухшими свечами, так что по-любому свечи в доме есть, и, знаешь, я не ошибся», - женщина в этот момент самодовольно ухмыльнулась половинкой рта, затем громко большими глотками выпила еще одну чашку чая. «Бреду я себе к лестнице, держусь за эти сраные нитки одной рукой осторожно. Почти дошёл до спуска в подвал, а тут хуякс! что-то промелькнуло в стороне, юркнуло маленькое и исчезло! Реально ростом с ребёнка, а ебальник у меня вообще не поворачивается, боль просто ебашит, аж уши закладывает, но ничего. Спускаюсь в подвал, там попрохладнее, меня немного уже и алкоголь отпускает, а нос не дышит ни хера, ну я спустился в подвальный коридор, сморкнулся, чтобы продышаться немного, в нос как ударит запах алкоголя, я просто охуел! Знаешь, точно мне ханыга пьянящий прямо в лицо дышит, и запах не проходит. Всё время пока шёл прямо по коридору, этот запах. Я как-то понимаю, что тут что-то неладное, кулаки уже сами сжимаются, я эти сраные нитки отпустил, зубы тоже сжались, со всех сторон двери тяжелые, дерево с металлом, запертые, хер откроешь, выбить сил не хватит. Думаю, ну и похуй сейчас посмотрим, чем коридор кончается. Дохожу по этой мразной подземной кишке алкоголика до стены и всё, прикинь, всё!» - женщина при этом, выпучив глаза, улыбнулась, разведя руки в сторону согнутые в локтях с открытыми ладонями: «Нет ровным счётом ни хуя, стена, тупо стена, все сраные двери заперты, я разворачиваюсь и собираюсь пиздовать обратно, а тут прикинь, одна дверь открылась у самого входа в подвал и из неё свет от свечей коридор осветил, медленно ещё, сука, со скрипом, как в заброшенных дамах, когда петли никто не смазывает, так киии... иккк... знаешь? Я стою, думаю, ну хоть кто-то услышал, как я тут царапаюсь. Думаю, уже что сказать, как на ночлег напроситься, тут тихие шаги доносятся из комнаты. Замер я на месте, стою жду, как собака, кто оттуда выползет, и прикинь, ты не поверишь! Из этой долбанной двери выползает пацан в изумрудном стёганом платье, на сраных четвереньках, только у него глаза блять защиты нитками! Ёбаными красными нитками! Глаза защиты толстыми грубыми красными, сука, нитками, блядь, ты себе это представляешь?! И что ты думаешь?! Этот мелкий долбоёб свою пасть раскрыл и с криком понёсся на меня на четвереньках, как у входной двери мне померещилось... точь-в-точь. Я думал ну всё пиздец, кукуха у меня улетела, буду теперь всю жизнь дураком с мертвыми пацанами пиздиться, которых люди не видят, добухался мастер Хао. И вот реально не знаю, время-то идёт, этот долбоёб на меня несётся, я стойку принимаю, и думаю, вот ты сука сейчас до меня добежишь, и лучше бы тебе блять в воздухе раствориться как в прошлый раз, иначе

тебя от стен отскребать будут всю неделю. А этот блять бежит на меня на своих четвереньках, по-уебански, с криком и открытым хлебалом, ну тут я что было сил в это открытое хлебало и засунул стопу быстрым проникающим ударом, прокрутив внутри, с прокруткой всего своего корпуса, так что его долбоёбская черепуха уже под моими пальцами ног оказалась, а потом провёл его башку уже под себя, уцепившись пальцами ноги как крючком за зубы и проломив нижнюю челюсть всю стопу ему в рот и засунул, плотно наступив на ебальник с внутренней стороны, и тут как бы сразу орать как долбаёб стало для него не актуально, ручки ещё шевелились, но хуль там шевелиться, если глаза зашитые, видит, что ли, эта хуйня меня. Я, конечно, сломал их ему по локтям и ноги тоже у стоп, чтобы только ползать мог, сама понимаешь».

«Правильно уложенный человек опасности не представляет», - продолжила девушка, пытаясь изобразить такое же выражение лица как у женщины, заведя глаза под лоб.

«Как-то сразу, знаешь, голова немного протрезвела, думаю: да уж, охуеть тут гостей принимают, только делать нечего, пошел я в эту открытую дверь, благо, оттуда никто ещё не выбежал... для них, я потому что уже на взводе, чувствую сердце бьётся как надо, в режим перешло уже боевой, а я, когда заведусь, меня хуй кто остановит, иду в эту сраную дверь и прикинь что вижу, да ни хуя я там не вижу, тупо пустая комната, одна сраная свечка стоит на подоконнике без окна и всё. Я думаю: бляяя... тут ебанутые живут, они значит этого пиздюка заперли в комнате, зажгли на кой-то хер ему свечку, каким-то блять непонятным образом, а он ещё же кусается, потом смотрю, а эта значит красная нитка привязана к подсвечнику за ручку для того, чтобы одним пальцем её носить, и идёт такая, идёт, идёт, идётёёт до двери, и проходит через замочную скважину. Я, значит, беру свечку подношу к двери, ну понятное дело, нитку сначала отжёл от неё, подношу её, короче, к скважине замочной, и хочу понять, а есть ли там внутри что-то, ведь этот дурак мертвый сам бы никогда не открыл её, и прикинь, что я обнаруживаю?! Я обнаруживаю, что я сука прав и там действительно что-то намотано, и торчит в замочной скважине и не достать его оттуда. Я думаю как? Как ты блять туда додумался вставить какую-то хуйню, и дёргать за ниточку, чтобы выпускать вот таких долбоёбов и натравливать на людей, а потом, знаешь, у меня-то вся картинка в голов и сложилась. Смотри, короче, открываешь ночью дверь во двор, потом открываешь дверь в дом, к тебе там всякие забулдыги или потерявшиеся идиоты, или воришки заходят поживиться, а ты сидишь в какой-то комнатке, услышал такой, что звоночек прозвенел у входной – так рыбка приплыла, потом хоп у тебя там ниточка какая-то натянулась и ты такой – хуякс, ага, родной, добро пожаловать в подвал, сейчас я на тебя натравлю своего уёбка и он тебя загрызёт, потому что ты сука от страха обосрешься от одного его вида. И понятно почему этот пиздюк с зашитыми глазами, нормального взрослого человека так изуродуй, он там плакаться будет сидеть в углу, а эта гнида, походу, детей ворует или достаёт откуда-то и воспитывает как диких зверей. Ну думаю, пизда тебе пришла сегодня, доигрался пидорас, я тебя сейчас вот найду и просто разорву на куски за такие ёбанные игры, мразь ты конченная, сама судьба просто меня привела к тебе, чтобы я эту ёбаную мышеловку разьебал, я блять просто сейчас тебе покажу что такое боль, что такое хруст сломанных костей, что такое брызги крови, и что такое мучительная смерть. Думаю, ну мастер Хао, тебя, походу, для этого мама родила, не зря ты всю жизнь учился в ебальник бить, сейчас настал момент твоего триумфа: иди, блять мастер Хао и наказывай всю эту мразь. И иду, и думаю при этом: сука, ну как так можно? Ну в чём кайф-то ты ловишь? Ну как так-то можно? Ну ушлёпает кого-то этот пиздюк в подвале и что дальше? Придешь на труп загрызенный смотреть что ли? Просто ебануться какое удовольствие для окончательно деградировавшего. Тут слышу какую-то возню на этаж выше, быстро поднимаюсь с этим сраным подсвечником на пальце. Бегу по коридору первого этажа и охуюваю параллельно от того, какой он длинный, раздаются какие-то женские крики впереди. Смотрю: впереди то ли свет от двери, хуй знает, свечка уже потухла,

я её выкинул по-быстрому, бегу уже сломя башку, и тут хлоп блять! Открывается внезапно дверь и мне прямо в ебальник прилетает полотном обшитым железом, я отлетел на метра два сразу. Голова и так болела, что не пошевелить, а тут ещё просто искры из глаз посыпались, ну теряться я не стал, кровь с лица смахнул и заглянул в дверь, вижу в ней три таких долбоёба с зашитыми глазами сидят, я сразу дверь захлопываю, понимаю, конечно, что нихуя мне её не закрыть, но ничего, думаю, выиграю пару минут пока до женщин бежать буду. Продолжаю бежать, но уже как бы руку перед собой выставил, чтобы опять в дверь не влететь, а они такие дурацкие, знаешь, открываются и практически полностью перегораживают просвет коридора, видимо, чтобы в ловушку попадали, и открываются до прямого угла, то есть пока уебана этого не прихлопнешь, она тебе выползти не даст, будешь там от страха обосравшись царапаться в неё и так и не найдешь куда надо нажать, чтобы её закрыть, там у них выпадающий штырь что ли, он в ямку в полу выпадает, так-то поднять его не проблема, чтобы дверь обратно закрыть, но пока в темноте всё это разглядишь, отбиваясь, помрёшь. Я это ещё в первой двери смог разглядеть, ты же знаешь я от природы зоркий», - сказала женщина и приподняла одну бровь, опустив уголки рта: «Ну так бегу я до двери открывшейся за которой крики доносятся, думал с ноги бы её выбить, но понимаю что ни хера я её с ноги не снесу не та толщина, да и хер знает, что эта мразь в сердцевину полотна положила, если она тут на людей охотится, быстро начинаю искать в темноте эту защелку уебанскую, а они все одинаково видимо стоят, ну я и открыл её быстренько. Дверь закрываю и смотрю в коридор, и прикинь что вижу, ты блять не поверишь!!! Я вижу ёбанный конец этого коридора, опять эта сраная стена, а бабьи крики уже доносятся из закрытой мною же двери! Мысль, конечно, промелькнула: ну я и уебан везучий! Подбежал быстрее к этой двери давай дёргать за сраную нитку, что было сил, так сая, крики там всё громче, слышу ещё твоя мать кричит: «В сторону твари!», - я ещё тогда подумал: блин, какой классный голос у девахи, походу молодая, что она тут забыла блять? А сам продолжаю наяривать этот сраный замок, а он не поддается и всё, встал сука как мертвый, как заело и не открывается, я такой кричу: «Открой! Беги к двери! Я помогу! Я такой же как ты, а не как эти долбоёбы безглазые!», - и что есть сил начинаю эту дверь пытаться выбить сначала с ноги, потом плечом, а она стоит как вкопанная, потом голос другой женщины слышу: «От двери отойди сейчас же!». Я от двери в сторону отхожу, и кричу: «Готово!», - тут дверь просто вылетает вместе с петлями, я в ахуе просто кто там её так выбил, но я ещё твою бабуську то не знал. У меня прямо челюсть на пол от удивления, думаю: там что бык что ли со всего маха в эту дверь влетел? Ан нет! Просто пара женщин, мать твоя стоит и шьет из лука с последней стрелой на тетиве, пытаюсь выцелить кого пожирней, бабулька за её спиной стоит у выбитой двери, а перед ними штук семь таких уебанов, уже повзрослее того пиздюка и пожирнее. Причём эта мразь не только им глаза зашивала, кого-то еще пришивала телами друг к другу, все в этих сраных халатах стёганных, кроме сшитых вдвоём, они почему-то голые были, я сейчас-то думаю, наверное, тяжело было на них натянуть эти изумрудные стёганные халаты, но тогда об этом, конечно, вообще не думал, выбегаю вперед них, расталкивая бабульку, и твою мать, и тут хуякс, смотрю, что перед твоей матерью из земли торчит длинное лезвие как меч из застывшей воды, и двигается из стороны в сторону, пытаюсь прицелиться на кого-нибудь из этих! Я в ахуе немножко постоял перед этим лезвием, хотел повернуться к ним и спросить, а это что за хуйня такая, но не успел даже голову повернуть, как лезвие вонзилось в одного из приближающихся ублюдков и отсекло ему кисть со стопой, закатив его на бок, ну тут я сразу смекнул, что не со случайными людьми встретился, и уебана этого под голову пинком откинул в сторону подальше. Голову поворачиваю в сторону матери твоей, киваю быстро, она мне в ответ кивает, мол, не моё и глаза на бабуську переводит. Та ещё в то время молодая была не совсем высохшая, улыбается такая стоит рукой машет, привет, мол, моё, и потом кричит быстро: «Скоро вода кончится, и они нас задавят, и так осталось последнее жало!» Я же не дурак, говорю ей: «Ты в руку мне её дать можешь по форме меча цзянь? Я бы их тут в капусту накрошил за пару

минут». Она мне в ответ кивнула и кинула свою фляжку дурацкую. Не забуду её форму, такой заботливой рукоятки для меча я ещё не держал. Она ещё такая кричит: «Тебе надо жало насадить на фляжку, иначе держаться не будет». Смотрю на жало, оно уже форму поменяло, ну я и насаживаю фляжку на водяное крепление и сам просто в этот момент охуюваю от того, что делаю. Я как бы понимаю, что это вода, что в руках у меня пустая фляжка, но всё равно продолжаю, и тут звук такой, как щелчок, и бабулька твоя кричит: «Готово, поднимай!» Я фляжку поднимать начинаю и реально к ней это водяное жало в форме меча приросло намертво, хотел было приложить к руке, как всегда делаю перед стойкой, но тут слышу крик: «Нельзя, вода кончается от каждого соприкосновения с телами». «Ебать, а где ты раньше-то была?!» - думаю, в ответ кричу: «Хорошо!»

«Ну всё, мам, дальше мне уже не интересно, грустно так слушать папину часть не от него самого. Не сказать, что у тебя плохо получается, просто нет, вот отлично получается, прямо как он, один в один, но мне его так не хватает, его улыбки и шуток. Да я понимаю, что тебя он иногда раздражал своими выходками, но...», - сказала девушка, и тут же была перебита матерью. «Хао Мэй, чем это пахнет?! Ты что-то жаришь?» - спросила женщина.

«Нет! Не жарю», - призадумавшись ответила девушка: «Ой! Я же варю! Мам, я же варила курицу!» Тут девушка вскочила с места и побежала быстрее к каменной печи, из которой тонкой дымкой украдкой пробирался серый дымок, сквозь маленькую щёлку между заслоном и аркой. Схватившись голой рукой за горячую ручку, она тут же отдернула пальцы и приложила обожжённые кончики к холодной мочке уха. Тут уже подбежала её мать и, открыв тряпкой заслон, вытащила дымящийся глиняный горшок. «Хао Мэй, когда ты уже научишься следить за временем, не улетаю куда-то в просторы собственных грёз?! Послало же небо такую мечтательную дочь! Давай неси быстрее воду, может ещё успеем спасти остатки курицы», - прокричала женщина на скукожившуюся от вины девушку, опустившую голову и глаза. «Ну мам!» - обиженно крикнула в ответ девушка: «Я не спец...» - не дав ей закончить, женщина снова крикнула: «Хао Мэй! Я сказала воды! Срочно! Сейчас же!» «Бегу! Несу!» - крикнула в ответ девушка звонким голосом и побежала в другой конец комнаты за ведром, наполненным до краёв питьевой водой из натопленного снега. Резко схватив ведро, девушка со всей скоростью понеслась в сторону матери, и за несколько шагов до печи поскользнулась и упала на пол, окатив при этом мать с ног до головы холодной водой. Немного воды попало в дымящийся глиняный горшок, заставив его тут же зашипеть, словно на самом дне его притаилась змея. «Небо, дай мне силы вырастить этого неуклюжего бегемота в женском платье и выдать уже замуж за кого-нибудь, кого она не сможет случайной пришибить насмерть палочкой для риса! Ох... ладно... пошли в лапшичную, я очень хочу есть, а курицу нам уже не спасти», - грустно улыбнувшись, тихо сказала женщина, - «Сейчас только переоденусь и ты тоже оденься попроще, может помощник главного повара уже обратит на тебя хоть какое-нибудь внимание, хоть какой-нибудь из них». «Мам!» - обиженно уткнувшись глазами в разлитую по всему полу воду, ответила девушка. «И не забудь, сначала протереть пол. Нам тут не нужен каток по возвращении, доски на полу и так уже сырые, только плесени не хватало в этом доме», - добавила женщина. Убравшись и одевшись, дочка с матерью собрались и вышли из дома, крепко-накрепко заперев входную дверь.

«Я тебе говорю, ничего страшного, что у мужчины может не хватать нескольких передних зубов, в конечном итоге не тебе жевать его ртом, пойми, Хао Мэй, молодость, а с ней и привлекательность очень быстро проходят, как осенним ветром листву сдует, даже заметить не успеешь, и вот ты уже одна одинёшенька, а все твои подруги уже нянчат детей. И ты поймешь, конечно, лучше бы это тебе понять прямо сейчас, чем потом, что единственное ценное, что

можно взять от супруга – это не его красоту или достаток, хотя и это очень важно, но единственное ценное – это продолжение себя в ребёнке, а лучше в нескольких, чтобы всегда было на кого положиться в трудную минуту, и кто точно не откажет, мужчины сегодня тебя любят, завтра не любят, послезавтра опять любят – никакого постоянства, а вот дети – это совсем другое, они тебя всегда поддержат и не оставят тебя никогда одну, чтобы ты ни учудила. Поняла? Заруби себе это на носу, и не думай, что он у тебя краше всех, мужчинам вообще это не важно. Поесть, выпить и... ну ты поняла – вот что для них важно, а то, насколько бледные у тебя щеки или красные губки вообще никому не интересно, кроме тебя самой, если хочешь...», - торопливо выговаривала наставление женщина, идя под руку с дочкой, пока она её не перебила. «Мам! Хватит повторять одно и то же, ты мне всегда это говоришь перед походом в закусочные, на рынок и куда бы то ни было, знаю я это уже всё как песню!» - тихо отвечала девушка, стыдливо отводя глаза в сторону. Покашляв немного в красную меховую варежку, она шмыгнула носом и вдохнула поглубже прохладный зимний уличный воздух, идя по наполненной людьми улице закусочных рядов, парящих ароматными запахами свежеприготовленной еды, сквозь небольшие щели деревянных стен и дверей, украшенных цветным орнаментом иероглифов, зазывающих посетителей названием различных блюд: «Всегда горячие курочки у Бо», «Вечно нравящийся вкус жареных уток», «Лапша только для тебя от Маонинг», «Тот самый вкус, тех самых Цзяоцзы». За каждой из дверей и в окнах забегаловок виднелись довольные лица посетителей, с аппетитом уплетающих различные горячие лакомства, улыбающиеся и общающиеся, они громко смеялись и веселились, выпивая и закусывая, рассеив всё то напряжение, что успело накопиться за день работы. Время послеполуденных обедов собрало буквально в каждом заведении огромное количество работяг, и лишь несколько дорогих и огромных ресторанов с полупустыми залами, давали понять, что не каждому по карману отведать те деликатесы, что они могут предложить. «Мам, хочу в «Дракон и Феникс»», - подёргав женщину за плечо, сказала тихонько и по-детски Хао Мэй. «На свадьбу твою туда пойдем или муж поведёт, а для меня это слишком дорого, я и так тащу нас обеих на себе, говорила тебе давай сделаем тебе лотосы, ты отказалась, говорила тебе учись прилежно - ты ленишься, а говоришь, что сложно: что там сложного сиди, пиши, читай и считай, сейчас бы уже работала с бумажками, а не таскала по двору дрова. Думаешь, мне сложно попросить Гу или Ина, или на худой конец Лу нарубить и натаскать дров? Нет, но ты тогда совсем на ушах по дому начнешь ходить и собирать всех бездомных животных по улицам и тащить их к нам. Как там кстати эта кошка-переросток?» - отвечала женщина. «Хорошо, кушает немножко, обживается тихонечко, правда, тут такое дело, я посмотрела и у него там нет того, что должно быть, и это, видимо, не мальчик», - тихо стесняясь, ответила девушка. «Что?! О небо, дай мне сил! Зачем нам тигрица, я уже сказала этой ящерице! Да она уже продала порошок из его бубенцов в императорский двор!» - сказала женщина, и крепко затянувшись сигаретным дымом из длинного праздничного мундштука, закатила глаза. «Нам надо заморить её голодом, вылавливать её снова, чтобы нарубить никто не будет, а клетки для отправки нет, да и никто не захотел выкупать тигра целиком... ох... что же делать? Ладно, надо поесть, а потом решить, пришли наконец-то», - сказала женщина и вместе с дочерью вошла в небольшую захудалую лачугу, над входной дверью которой висела большая деревянная вывеска, украшенная красными иероглифами «Лапша, как у мамы».

Войдя в ветхую забегаловку с поблёкшей краской на стенах, женщина быстро выбрала пару мест у общего столика, где сидели несколько крестьян, громко и со вкусом уплетающих только что приготовленную горячую лапшу с курицей.

«Вот скажи мне, дочь, как долго ты планируешь ещё сидеть на моей шее?» - тихо произнесла женщина, прокашлявшись от недавно выкуренной сигареты, и протирая пожелтевшие края мундштука грязной и дурнопахнущей от никотиновых смол тряпкой.

«Мам, не здесь же!» - стесняясь ответила шёпотом девушка. «Мне уйти?! Хочешь вот прямо сейчас уйти и ты меня больше никогда не увидишь!» - добавила она, тихо негодуя.

«Ага, а потом будешь шлаться по улицам и кабакам, продавая себя за чашку супа, и через год вернёшься с ребёнком, и заказывать надо будет уже три порции лапши!!! Уфф... ладно, пойми ты свою мать, я же добра тебе желаю, чтобы ты уже обзавелась семьёй и домом, чтобы я к вам в гости приходила и с внуками нянчилась, а не таскалась с тобой как с ребёнком по забегаловкам... ой ладно, давай есть», - грустно произнесла женщина, а потом громко крикнула помощнику повара: «Эй, красавчик, дай нам две порции самой дорогой лапши в этой хибаре! Мне и вот этой бедной одинокой красавице, которая никак не найдет себе крепкое мужское плечо!»

Хао Мэй покраснела и резко собралась, чтобы выбежать из заведения, но женщина схватила её за руку и шепотом на ухо сказала: «Это твоя плата за сегодняшний ужин, и поверь, не самая дорогая».

Сидящие по соседству на мгновение замолкли, а потом продолжили общаться как ни в чём не бывало.

«Я же люблю тебя, пойми, и желаю только хорошего, вот посмотри на меня, я одинокая старая женщина и конец мой будет горек... разве ты такого же себе хочешь? Запираться на семь замков и со страхом засыпать в холодной постели?» - продолжила говорить шёпотом женщина.

«Мам, прекрати, я всегда буду с тобой!» - громко возразила девушка.

«Вот этого я и боюсь... вот этого я и боюсь», - грустно произнесла женщина.

«Две порции лапши с курицей для прекрасных женщин», - улыбаясь громко сказал помощник повара и поставил две миски пышущих жаром перед ними. Женщина с ненавистью в глазах взглянула на молодого юнца, широко улыбающегося им, и тот сразу же оговорился: «Девушкам, я хотел сказать девушкам. Привет, Хао Мэй!». Дружественно помахав рукой, он снова улыбнулся и, поклонившись, быстро скрылся за дверью кухни.

«Эх... убежал», - раздражённо произнесла женщина. «Трусливый, как белка, мужик пошёл. Вот чего он испугался?! Как будто его вместо курицы съедим... Ладно, кушай дочь, приятного аппетита», - произнесла, грустно вздохнув, женщина, поправляя седую прядь волос на голове, вырвавшуюся в гладко уложенную чёрную чёлку.

С грустным видом ковыряясь в миске с горячей лапшой, девушка вздохнула и произнесла: «Да что-то уже и не очень-то хочется, мам».

«Как это?! Я за что деньги плачу?! Ешь давай, кому сказала!» - грозно произнесла женщина, пытаясь стукнуть по столу, но остановив в последний момент кулак.

Девушка опустила голову, и на её покрасневших глазах проблеснули слёзы. Прижав ладони к лицу, она громко всхлипнула, потом резко схватила светлый полушубок и быстро выбежала из заведения, не оборачиваясь на просящую её вслед остановиться женщину.

«Да что за д... день такой сегодня!» - сдержавшись произнесла женщина, и всё же ударила по столу кулаком, заставив подскочить миски со всё ещё горячей лапшой. «Уфф... и с собой не забрать...», - погрузившись произнесла женщина и опустила взгляд в только что приготовленное блюдо. «Да что я делаю не так... А вы что уставились?! Ешьте дальше, не вашего ума это дело, у моей девочки сегодня трудный день!» - крикнула женщина уставившимся на неё посетителям.

Бежав по холодной улице и вдыхая дневной зимний воздух, она не прекращала плакать, словно раненая птица, без сил достать из крыла стрелу охотника, она ощущала полное бессилие перед неотвратимым прощанием со свободой полёта. Вдыхая всё глубже и глубже колющий зимний воздух, она уже не видела лица людей, мирно плетущихся по улице, замирающих при встрече и провожающих её взглядом.

Она бежала и думала: «Да как так?! Сколько ещё это будет продолжаться?! Я как в капкане, в каком-то чёртовом капкане, и она постоянно его сдавливая всё сильнее и сильнее! Куда?! Куда же убежать от такой душасей любви?! Свою же дочь так терзать! Без жалости, без пощады, словно я её главный враг! Хуже, чем со всеми этими яогуями! Неужто ей не хватает этого по ночам?! Какой ужас! Как меня только угораздило родиться её дочерью! Жрёт и жрёт меня! Жрёт и жрёт». Погрузившись в пучину собственных страданий, Хао Мэй бежала в сторону дома, и, резко повернув в сторону, с улицы недорогих закусовых, роняя слезы, застилавшие горящие отчаяньем глаза, со всего маха вписалась в обросшего мужчину, которого аккуратно вели под руку юноша в дорогом кафтане, и белокурая девушка в белой меховой шубе, только что вышедшие и ресторана «Дракон и Феникс» и успевшие пройти несколько шагов в сторону гостевого дома. Ударившись о него со всей силы, она не смогла удержать равновесие и упала вместе с ним на заснеженную дорогу, вцепившись в его шубу из волчьих шкур. Падая от сильного удара, мужчина открыл глаза и увидел перед собой широко раскрытые от удивления заплаканные глаза китаянки, от неожиданного столкновения которая открыла рот, но спёртое дыхание не дало ей выкрикнуть. Успев лишь обнять её перед столкновением с землёй, он замер на мгновение, которое растянулось словно на вечность, и шум наполненной улицы, как и голоса друзей, перемешались и стихли, лишь нервное и частое дыхание китаянки, стелющееся горячим паром по его лицу, отчётливо слышалось в этот момент. Дрожащая и трепещущая грудь касалась его, и ни шуба, ни кафтан под ней не мешали ощущать это неровное дыхание, быющее о его спокойную и застывшую грудь. В один момент, девушка вспорхнула с него, ничего не сказав, схватила так и не надетый полушубок и убежала прочь к своему дому. Взяв юношу за руку, мужчина поднялся, и проводил взглядом убегающую китаянку, которая даже не обернулась вслед.

«Что это с ней?!» - спросил юноша.

«Не знаю», - ответил мужчина.

«Ну что, пришёл в себя, что-то сегодня тебя мажет, как зашли в эту забегаловку, так ты всё вырубаешься и вырубаешься. Не поговорить даже, только знай, что тебя придерживать», - сказал юноша. Белокурая девушка заглянула в глаза мужчине и в голове у мужчины раздался женский голос: «Ты в порядке? Влад прав, что-то сегодня ты сам не свой. Мы всё сидели гадали, что так на тебя могло повлиять. Может, воздух тут какой-то особенный?».

Мужчина потупил взгляд вниз, потом начал отряхивать шубу от снега с задумчивым видом и тихо сказал: «Сам не знаю, только такое ощущение, что я её уже где-то видел представля... ете», - закончил он фразу и взглянул на своих спутников.

«Что тут произошло? Я что-то пропустила», - подбежав, спросила темноволосая девушка, отставшая от них и вышедшая из заведения позже всех. «А ты чего весь в снегу, как снежная баба?» - добавила она и мило улыбнулась: «Решил...». Но в этот момент её остановил, выставив указательный палец, юноша и спросил холодно, но слегка игриво в конце у мужчины: «Где это ты её мог увидеть раньше? Не охотница ли она?» В это время белокурая девушка внимательно посмотрела в глаза темноволосой и через несколько секунд получила утвердительный кивок.

«Не знаю, это так не работает, но момент остановился, знаешь, как будто мы с ней связаны, или были связаны, или будем», - ответил мужчина, и тут же получил лёгкий удар в плечо от белокурой девушки, которая быстро и вызывающе произнесла: «С кем ты тут решил связаться?!» В ответ он лишь слегка улыбнулся и вновь посмотрел в сторону убежавшей девушки, которая уже давно скрылась из виду.

«Охх... как так вообще получилось, чуть не убила бедолагу, он ещё, кажется, болеет чем-то, надо будет прийти домой и помыться, вещи наверное тоже помыть... уфф... как неохота ничего делать!» - тут у Хао Мэй сильно заурчал живот. «Эхх... и вот что не стерпелось, сейчас бы мирно шли с мамой домой, наловившись горячей лапши, а теперь голодной спать ложиться, может она принесёт мне чего-нибудь вкусенького в качестве извинения, так кушать хочется теперь, а денег этих дурацких как не было, так и нет. Может она и права, найти какого-нибудь доходягу, да сидеть целыми днями дома и готовить всякую всячину, всё равно никакой силы во мне не проявилось, наверное, обошла меня эта ноша стороной. Ну и ладно, не больно-то и хотелось мучить по ночам всех этих демонов во славу неба и имени императора. Сытая жизнь лучше всех этих походов, и пофиг, что я дочь мастера Хао, он всё равно меня ничему толком и не научил». Живот снова громко заурчал, и девушка схватила его обеими руками. «Эх мама, мама, вот что ты ко мне так пристала, впилась как пчела жалом, не видишь что ли, что я просто покушать хочу...», - думала, идя по заснеженной улице, девушка, но внезапно услышала, как её окликают женский голос. Повернувшись и взглядевшись в толпу кажущихся одинаковыми серых и коричневых людей, одетых в одежды этих цветов, тихо плетущихся навстречу своим обыденным делам, увидела, как мелькают маленькие пёстрые огоньки вплетённых в длинные косы ярких цветных лент её подруги, живущей по соседству. Увидев Хао Мэй, она, невысокая, быстро бежала по улице, перебирая ногами, и пытаясь не поскользнуться в своих новых сапогах, недавно подаренных новоиспеченным женихом. «Хао Мэй! Хао Мэй! Постой!», - кричала она ей в след своим тоненьким голоском. Подбежав, девушка всё-таки поскользнулась на своих серебряных лотосах, но Хао Мэй успела её подхватить и не дала упасть.

«Ух! Ты же знаешь, как тяжело мне даются пробежки! Ты чего не реагируешь?! Я уже вторую улицу за тобой бегу, ты вообще словно не слышишь!» - сказала невысокая девушка и слегка стукнула подругу в плечо маленьким, как и она сама, кулачком. Хрупкая и крохотная, как ребёнок, она порой походила на ростовую куклу, стоя на своих небольших, размером на полпальца больше ладони стопах, покоящихся на высоких каблуках, украшенных цветным орнаментом и яркими не драгоценными самоцветами. Пёстрая и весёлая, она никак не вписывалась в серое окружение массы крестьян, одноликих и толпами бредущих по улицам. Пёстрая расцветка её куртки больше походила на свадебный наряд, чем на повседневную зимнюю одежду молодой девушки. Игривость характера и резкость движений изящно сочетались со звонким и довольным голосом её обладательницы, безусловно знающей себе цену в любой ситуации. Внимательно глядя в снимающую серые меховые наушники Хао Мэй, своими

узкими, но обильно накрашенными глазами, она не переставала улыбаться, ощущая полное доминирование над некогда своей подругой детства, которая постоянно вторила ей о несравненности красоты её лица и фигуры по сравнению с маленькой и щедедушной соседской девочкой.

«Прости, немного ушла в свои мысли, ты как? Вижу, что ты сияешь ярче звёзд на небе даже в такую стужу», - опустив голову, произнесла ещё сильнее погрузневшая Хао Мэй.

«Да ладно тебе льстить, но скрывать не буду, у меня всё хорошо! Скоро выхожу замуж, только глянь какие сапожки мне подарил мой будущий муж», - и девушка приподняла осторожно широкополые штаны бордового цвета, чтобы орнамент и украшение на только что купленных ей же самой сапогах можно было лучше разглядеть, аккуратно переставляя ноги, раскрывая убранство и демонстрируя красоту ручной работы обуви со всех сторон.

«Действительно очень красивые, а у какого мастера он их заказал, интересно?» - задумчиво спросила Хао Мэй, почувствовав как неприятное ощущение от голода захватывает пространство у неё за грудью.

На мгновение задумавшись, девушка сказала: «Ох! Знать не знаю! Он не сказал, сказал только после зимнего солнцестояния сыграем свадьбу! Быстрей бы! Знаешь, так хочу уже родить пару ребятишек и посвятить всю себя им! А муж пусть дальше пропадает на своей работе, ну да ладно, уже лишнего болтаю! Лучше скажи ты как? Нашла себе кого-нибудь, или пока с мамой живешь? ...Всё так же?»

«Всё так же с мамой пока вместе живём... Есть тут один на примете, но я пока думаю, мне он не сильно нравится», - соврала Хао Мэй и сразу же продолжила: «Он недостаточно хорош для меня, деньги, дом и хорошая работа у него есть, но знаешь, он какой-то низковатый ростом». И она начала показывать рукой уровень роста выдуманного ухажёра, остановившись на уровне макушки своей бывшей подруги, и в этот момент, раздалось громкое урчание её пустого живота, перебив её саму.

«Ты что же. малышка, голодная ходишь, что ли?!» - воскликнула подруга, и немного снисходительно улыбнулась, добавив: «Идём в «Дракон и Феникс», я угощу тебя ужином. Пошли, пошли, мне как раз любимый сегодня дал денег и велел всё потратить до вечера, а я ума не приложу, на что! Уже купила себе новую курточку...» Но тут Хао Мэй её перебила и сказала громким голосом: «Нет, я не могу, мой мастер запретил мне есть после захода солнца, и я не вправе его послушаться. Знаешь его, мастера Юя? Решила заняться немного укреплением своего тела, побегать там, поразбивать глиняные горшки голыми руками и стопами».

Девушка медленно посмотрела на Хао Мэй от промёрзшей макушки до старых потрёпанных маминых сапог, и потом с ноткой раздражения в голосе произнесла, слегка приподняв свой узкий и коротенький носик: «Понятно... Ну ладно, не смею тогда больше тебя задерживать, наверное, тебе надо лечь пораньше, чтобы получилось уснуть голодной... В любом случае, была рада повидаться, передавай маме привет, если что, я теперь переехала, чуть ближе к центру, на улицу Ванфуцзин, будешь в тех местах спрашивай меня, я теперь там известная дама».

«Хорошо, передам... Пока, пока», - сказала Хао Мэй и еле заметно кивнула головой на что получила надменное: «Прощай, сестрица».

Повернувшись к бывшей подруге спиной, Хао Мэй спокойным шагом, не оборачиваясь, пошла домой с оступевшим от боли и стыда лицом, задавая себе один и тот же вопрос: «Да что сегодня за день-то такой?! Что за день?»

Доплетаясь до дома, она рухнула к себе на кровать, и, закрыв руками лицо, разрыдалась, так и уснув в слезах.

«Тише, тише, тише... куда ты так разогнался, я тут... никуда я от тебя не бегу», - томно шептала Любишка той же ночью в постели выбритому нагладко, молодому мужчине, чей возраст так умножала обильная растительность на лице днём. Оторвавшись от её губ, он глубоко заглянул ей в глаза, не произнося ни слова в ответ, лишь тонкая еле заметная добрая улыбка промелькнула на его лице, и они снова слились в горячем и долгом поцелуе. Проведя гладкой щекой по её шее, покрытой нежной, как шёлк, кожей, он поцеловал её чуть ниже уха, и утонул в аромате её растрепавшихся по подушке волос, крепко обнимая и прижимая её хрупкое бледное тело к себе, замерев так на минуту, вдыхая её чистый и сладкий аромат. «Чинук, не спеши, я хочу так провести ночь», - прошептала она ему на ухо: «Иди ко мне, давай ещё целоваться». Но он не обращал внимания, и продолжал крепко обнимая, дышать запахом её волос, и лишь на мгновение повернул голову и молниеносно поцеловал её в шею, как снова закопался в густоте её светлых волос. Любишка улыбнувшись и не переводя взгляда с бедного потолка крестьянской комнаты, медленно опустила веки, глубоко вдохнула, выдохнула и так же медленно их подняла, через секунду уже менее томным голосом сказав: «Я сейчас тебе песни буду петь... если ты не остановишься... самые глупые из тех, что мне известны, ты этого хочешь, да?». «Я хочу только тебя», - томно ответил мужчина, обняв её под плечи и прижав ещё крепче, потом, улыбнувшись, выдохнул и резко перевернулся на спину не распуская объятий, уложив обнажённую Любишку на себя, продолжая прижимать к груди. Потом посмотрел ей в глаза недовольным, но продолжающим желать её взглядом и сказал сначала медленно, но постепенно ускоряя темп речи: «Ты... зачем... мне мешаешь... тебя любить, а?! Хватит болтать уже!». «Я знаю тебя, ты сейчас отключишься, стоит тебе только дать разогнаться вволю, а я потом всю ночь буду лежать и в потолок этот нищенский смотреть, да изучать каждую трещинку на нём, расскажи мне лучше что-нибудь, расскажи мне о своей деревне, или о лесах ваших, или о зверях, я тоже тебя люблю и хочу всегда быть рядом с тобой», - в этот момент Любишка протянула губы, пытаясь поцеловать Чинука, на что была быстро притянута к губам и после короткого прикосновения губ тут же возвращена на место, без возможности пошевелить руками, вытянутыми вдоль тела, под объятьями. Немного глуповатая улыбка и добрые голубые глаза, с отражающимся огоньком от догорающей свечи манили к себе и через мгновение мужчина начал тереться о её нежную кожу щеки, своей, приговаривая немного по-детски: «Люблю... люблю тебя... Любичка моя, Любичка...сейчас всю зацелую до дыр...ммм». «Дурачок ты такой», - улыбнувшись сказала Любишка, пытаясь пошевелить руками: «Пусти». Мужчина томно взглянул ей в глаза, слегка прикусил нижнюю губу и начал медленно прижимать её ближе к себе. Любишка в ответ начала его целовать, и через полминуты он уже разомкнул свои объятия, нежно глядя её спину. Проведя изящно-тонкой рукой по его шее и перейдя на лицо, она погрузила пальцы в копну тёмных помытых волос. Закончив поцелуй, она внимательно смотрела на его лицо, кладя голову ему на плечо. Он лежал, не открывая глаз и только довольная улыбка блестела на его лице, обращенном к ней. Тут он тихо произнёс: «Хочу всю жизнь целоваться с тобой и больше ничем не заниматься, ни есть, ни пить, ни спать, ничего, только целоваться и обниматься, и только с тобой». «А как же ножи?», - спросила Любишка. «Когда ты меня целуешь, мир перестаёт существовать», - ответил он ей таким же нежным голосом. Прижавшись к его плечу, она проскользнула пышными губами по коже и тихо поднесла к его

носу указательный палец левой руки, слегка стукнув по кончику. Чинук, не открывая глаз, приподнял правую бровь и усмехнулся. «О любви к красивой девушке в постели каждый говорить мастак - ты лучше расскажи что-нибудь, пока засыпать не начал». Мужчина открыл глаза и, смотря в потолок, взял её за палец, которым она только что ударила его по носу, и поднёс к губам, потом поцеловал и засунул себе в рот, начав ласково играть с ним языком. «Эй... не отвлекайся!» - недовольно воскликнула Любишка и вытащила палец изо рта. «Расскажи мне откуда у тебя этот шрам», - сказала она и начала водить мокрым пальцем по огромному шраму на груди Чинука. «Я же тебе уже много раз говорил, что я с ним рождён», - тихо ответил мужчина, стыдливо уводя взгляд в сторону и пытаясь взять её руку, но Любишка, не дав это сделать, продолжила: «Даже ежу понятно, что не может человек... да и даже не человек... родиться с таким шрамом. Чинук, не держи меня за дуру, ну не может женщина родить мальчика... мужчину с разворачивающимся крестом на груди выжженном, да ещё таким ровным. Ну скажи честно, тебя пленили и клеймили как быка? Или тебя пытали во Франции? Или это дело рук Марии? Ну скажи, ну не может такое в утробе появиться, я столько детей видела новорожденных, никогда такого ни на ком не было». Мужчина снова обнял Любишку и, прижав щеку к макушке, сказал: «Я тебя за дуру не держу, и не вру тебе, да, я не договариваю, но я не вру, я с ним рождён, сколько себя помню, он на мне. Вот расскажу я тебе всё о себе, и ты скажешь: «Ну вот, теперь ты мне понятен как петух на базаре!», и уйдешь, так что, лежи гадай, но знай, я тому, кого люблю врать не буду. Кто знает, может однажды я расскажу тебе чуть больше, только не жди, что я расскажу всё». Закончив, он поцеловал её в лоб и любя заглянул в глаза, потом шепотом сказал: «Я люблю только тебя, ты моё море, ты моё небо, ты моё солнце, ты моя ночь, я твой, а ты моя, и это навсегда», - тут же поцеловав. «Это не честно! Я тебе о себе всё рассказывала, у меня ни одного секретика не осталось, я что получается курица на базаре?!», - быстро и недовольно протараторила Любишка, словно нараспев валахской песни. «Ты моя частичка, вся! Понятно?! А не курица на базаре! Вот видишь», - и в этот момент Чинук ласково положил руку ей на бедро: «Вот это моя нога, и вот эта моя нога», - сказав это он нежно провел рукой через лоно и остановил её на другом бедре. Потом провел ладонью по талии и выше, остановив на плече: «А вот ещё моя рука», - и ласково поцеловал её в плечо, потом глядя опустил руку Любишке на грудь: «Это тоже моё, не отдам никому, поняла?!» - и улыбнулся, глядя ей в глаза. Затем плавно скользя по нежной, как бархат, коже остановился на ягодице: «И вот эта булка моя! А вторую можешь себе оставить», - шутя и улыбаясь произнёс Чинук. «Нет уж! Раз берёшь - бери целиком! Я тебе не корова по частям продаваться!», - бойко возразила Любишка. Чинук прикоснулся лбом к её лбу и тихо сказал: «Как же я тебя люблю, моё солнышко», - и сомкнул глаза в наползающей неге, перемешанной с усталостью, плавно проваливаясь в сон. Любишка ласково провела рукой по его тёмным волосам, улыбаясь, она продолжала нежно гладить его наглядко выбритое лицо, задевая слегка оставленную маленькую часть щетинки под губой: «Эхх... дурашка же ты лютая. И что с тобой делать? Опять отключился чуть ночь полночь». Она убрала руку, и повернувшись на спину, легла на его покрытое шрамами от плети предплечье. Глубоко вдохнув воздух, она тихо сказала: «А запах перегара всё такой же мерзкий...», - отведя глаза в сторону мирно дремлющего мужчины, она снова грустно выдохнула и уже про себя произнесла: «ДА ЧТО Ж ТАКОЕ!!! Он когда-нибудь сможет провести со мной всю ночь? Тоже мне атлет! Эххх... и что, вот опять всю ночь лежать и изучать потолок, каждую его трещину, благо хоть не храпит как тогда. Да уж... и чем вот заняться? Света не зажжешь, книжки не считаешь, да и... да и желания особо нет». Вновь взглянув на его спокойное лицо, она задумалась: «Что же ты там видишь, и почему ты постоянно сжимаешь кулаки, дерёшься с кем-то, или пытаешься за что-то ухватиться. Кто там тебя окружает в этом мире, что навечно закрыл предо мной свои врата? Главное не кричи и не бойся, я с тобой рядом, ты не останешься один никогда. Может так и надо, мне не спать, охраняя своей любовью тебя от тех кошмаров, что тебя терзают. Лежать рядом и скучать всю ночь, в ожидании, когда ты разомкнешь веки.

Спи, любимый, как же я хочу засыпать в твоих объятьях», - в этот момент она повернулась на бок, нежно обняв его и прижавшись к его горячему телу, глубоко вдохнув его запах. «Чистый... как всегда перед сном... люблю. Может завести какой-нибудь ночной цветок, чтобы он распустился, пока ты спишь, а я не страдала всю ночь от безделья? Как же я хочу, чтобы ты уже проснулся и улыбнулся мне, глядя в глаза, своим мутным, как омут, тёмным взглядом, но ты спишь, как... как... как ребёнок», - и ощутив боль от этой мысли она вновь грустно вздохнула. Потом тихо сказала ему в лицо, слегка улыбаясь: «А я бы сейчас покаталась на тех горках, что ты построил дома... эх... было весело, хоть и быстровато надоело сначала. Откуда вот в тебе эта тяга к скорости, и любовь к ветру в лицо, покатаешь меня завтра, да? Конечно, покатаешь, ты сделаешь всё, что я захочу, а я всё, что захочется тебе. Всегда бы так было...», - и она поцеловала его в лоб, крепко обняв за голову. «Когда уже прокричат эти проклятые петухи?!» - подумала она и внезапно ощутила непонятный страх в груди, словно почувствовав, что может потерять своего любимого, он был столь внезапен, что её сердце быстро забилося. Закрыв глаза на секунду, она представила картину, как в тёмной комнате голые измазанные кровью люди жадно поедают останки человека, и одна из них была она, распахнувшая светящиеся в темноте голубые глаза. Тут же очнувшись от видения, она глубоко вдохнула и прошептала: «Ты же меня вылечишь, да? Ты же мне pomoжешь? Это ведь просто какая-то болезнь? Я же не такая, ты же знаешь, милый, да?» В комнату через распахнутую дверь начал проникать тонкий и резкий запах дыма от тлеющей травы. Слегка горький и хвойно-свежий, он резко бил Любишке в нос, вдохнув его, она закатила с недовольством глаза и тут же их закрыла. В голове у неё через силу начала раздаваться лёгкая музыка, то ли звучащая чьим-то голосом, то ли каким-то неведомым музыкальным инструментом. Через темный коридор, еле освещаемый последней засыпающей свечой, мимо распахнутой двери пронеслась Вайорика, словно уронив что-то, она пыталась догнать этот катящийся предмет, пробегая на высоких каблуках, она старалась что-то поймать, держа в руках целую кучу каких-то круглых предметов. Звонко смеясь, она не обращала ни на кого внимания, пока раздавался громкий стук какого-то перекатывающегося округлого предмета, ускользнувшего в глубь коридора и с шумом стукнувшегося о лестницу второго этажа. Любишка сжала ладонь спящего Чинука и тихо произнесла: «Держи меня, любимый, мне надо устоять перед этим искушением, держи меня, милый, за крылья, не давая упорхнуть в этот омут зла ночного неба», - и зажмурилась ещё сильнее, так что на лице появились лёгкие морщинки в уголках глаз, и увидела она тотчас как она сидит в бальном платье в огромном вечернем зале, окруженная мужчинами и женщинами, славно пиршествующими за одним длинным и крепким столом. Раздался громкий гонг и в зал внесли огромное блюдо на плечах четверых поварят, накрытое таким же огромным клоше. Блюдо было встречено бурными овациями пиршествующих. Сидящий во главе стола Влад, свистнул через два пальца, украшенных рубиновыми перстнями, и махнул поварьям, чтобы они принесли блюдо сначала во главу стола. Сидящая по правую сторону от Влада, Любишка опустила глаза, успев уловить оскаленную улыбку Влада, состоящую из одних клыков. Уродливые карлики-поварят нежно поднесли блюдо, и, поставив на стол, начали медленно поднимать клоше, открывая перед ней окровавленное тело Чинука, украшенное яркими ягодами и цветастыми кусочками экзотических фруктов. Видя всё это, она не могла отвести глаз, а Влад, взяв огромный и зубастый нож, начал медленно срезать с тела Чинука раздутые от количества прилитой крови мышцы, накладывая их на огромную белую фарфоровую тарелку Любишке. «Ну что, тебе кусочек плеча и бёдрышко, как ты любишь, да милая?» - произнёс своим холодно-надменным голосом Влад. Любишка тут же распахнула глаза, вновь оказавшись в маленькой комнатушке, лёжа на плече спящего мужчины. «Нет! Никогда! Слышишь, малыш?! Никогда!», - прошептала она Чинуку. «Скорее я перегрызу глотку Владу! Но только не ты... Каждую ночь одно и то же... как же ты любишь измываться, Влад! Зачем же я тебе тогда рассказала, что можно так делать?! Теперь как дура лежи и терпи это!». Тут она почувствовала, как рука Чинука сильно сжала её руку, а

в её бедро что-то очень твёрдо упёрлось. Опустив руку, она поняла, что это, и улыбнулась: «Ну тебя... Вот спишь или не спишь, словно всё понимаешь, или воды выпил слишком много». Тут Чинук резко развернулся спиной к Любишке, не заметив, как с силой, вырвал из-под её головы руку, и продолжил спать. Повернувшись к нему, она обняла его спину и попыталась вдохнуть что было сил запах его тела, но тут же отключилась и уже очнулась сидящей рядом с ним на козлах ямщика, мчась в ночном поле, навстречу бьющему в лицо бурану. Стоящий Чинук, что было сил свистел и хлестал вороную четвёрку. Прикрываясь от летящего снега, она лишь слышала, как он кричит: «Быстрее, быстрее! Твари! Волки догоняют!» Почувствовав, как её рука онемела, она попыталась отдёргнуть Чинука, чтобы привлечь его внимание, и поймав его резкий и возбужденный взгляд, она услышала дикое лошадиное ржание вперемешку с предсмертным криком. Тут же остановив карету, Чинук спрыгнул и бьющий в лицо снег с ветром не давали увидеть ничего дальше вытянутой руки. Раздался его крик: «Сюда быстро, мы сбили ребёнка!». Спрыгнув с полки ямщика, Любишка, придерживая онемевшую руку второй рукой, подбежала к изголовью конного ряда и увидела, как покрытого кровью и обезображенного от удара Чинука, разрывают на клочья дикие волки. Онемев от ужаса, она почувствовала, как на плечо онемевшей руки кто-то положил тяжелую и тёплую руку, тут же повернув голову, она увидела Влада. Он, улыбнувшись, произнёс: «Вот таких вот ты снов так жаждешь каждую ночь видеть в его объятьях?». Тут где-то недалеко раздался тихий стон, словно онемевший крик, но такой знакомый, он тут же пробудил Любишку от этой иллюзии, и она увидела, что лежащий рядом с ней Чинук, стонет во сне, без какой-то возможности проснуться, кулаки его крепко сжались, и не открывая рот, он пытается кричать. Встряхнув его голову, и громко сказав: «Проснись, проснись, милый», она не смогла его пробудить, и крепко трянула его грудь, почти ударив по ней. Глубоко вдохнув носом, он распахнул сонные глаза, потом медленно выдохнул, повернулся к ней, обняв, закрыл глаза, и прошептал: «Спасибо», вновь тут же уснув. Вдоль коридора начали раздаваться тихие и размеренные шаги ботинок с невысоким каблуком, покрытым серебром, всё ближе и ближе к распахнутой комнате, всё громче и громче, остановившись прямо перед дверным проёмом. Любишка быстро повернулась в сторону дверного проёма, но не увидела там никого, как тут же раздалась пара стуков тростью по распахнутому полотну двери и тихий голос Влада: «К вам можно?», - произнося это, он старался растягивать каждое слово, вначале слегка понизив голос. Потом раздался звук зажжённой спички, и в комнату снова начал проникать дурманивший дым. Промолчав пару минут, Любишка произнесла тихо: «Да». В дверном проёме появился Влад. Сияя улыбкой, он слегка приветственно наклонил голову и произнёс так же тихо: «Как ты? Не спится?», - и улыбнулся с напряженным взглядом. Любишка сначала хотела с недовольным видом отвести взгляд, но потом передумала и холодно ответила: «Как видишь». «Любич, идём», - сказал Влад. «Неа», - сухо ответила она. «Я хочу тебе кое-что показать», - произнес Влад. «Что я там не видела?» - ответила она: «Владушек, заканчивай уже со мной играть, не понимаю, зачем тебе это, да только не стоит оно того. Что было, то уже прошло, сосредоточь свои чувства на колокольчике своём новом, а про меня уже забудь, времена те позади и уже давно. То, что сейчас я так к тебе близко, не значит, что у меня есть желание снова всё это повторять», - и она замолчала. В комнате вновь воцарилась тишина, изредка прерывавшаяся звуком стлеивающей самокрутки в кlyках Влада, от неторопливых затяжек. «Любич, ну не ровня он нам, это как... эээ», - тут на лице Влада промелькнула улыбка, а дёрнувшийся во сне Чинук, громко стукнулся крепко сжатым кулаком об изголовье кровати, вздрогнув всем телом. «Как яичко катать по столу на завтрак, и не кушать... понимаешь?» - произнёс тихо и зловеще Влад. «Не забывай, Влад, тогда, когда он мне палец отрубил, а тебя зарубил, исполозова Вайорике лицо... не забывай тот отвратный вкус жижи, что течёт в его венах», - в этот момент Влад попробовал её перебить, начав произносить слово: «Алкого...», - но тут же Любичка шикнула на него приставив палец к губам, почувствовав, что Влад говорит слишком громко, и продолжила говорить шёпотом: «Я

вкус алкоголя в крови знаю как никто, и вкус всего остального тоже различаю, сам прекрасно знаешь. Это что-то другое, никогда так не воротило и не выворачивало. Он очень странный, и классный!». Сказав это Любичка отвернулась от Влада, стоящего на пороге входа в комнату, к Чинуку мирно спящему, лёжа к ней лицом и пригладила ему тёмные волосы, постепенно проводя рукой по крепкой и массивной шее, где розовыми рубцами проглядывали две дорожки от её когда-то сомкнувшихся челюстей. «Спи, малыш», - добавила она тихо и продолжила, не оборачиваясь к Владу, шептать, задумчиво разглядывая покоящееся лицо любимого: «Может, он какой-то упырь заморский действительно? Любитель загадок и тузов в рукаве». «Пфф... Нееет», - ответил сухо Влад: «Я лично не верю во всю эту байку, что он какой-то там шаман из-за океана. Нет такого отвара, и таких колдунов, чтобы могли напоить простого охотника, и наделить его потом бессмертием и провидческим даром. Присмотрись, он стареет, может медленно и незаметно, но стареет». «Ой! А ты прямо каждому седому волосу на его голове радуешься, Владушек», - недовольно заметила Любишка: «Посмотри на него, он единственный, кто смог с нами общаться на равных, а его доброта, а его чувство юмора». «Хватит уже его нахваливать, всё равно не куплю. Он тебя ослабляет, и я против этого. Где та королева ночи, где та страсть, тот огонь, та смесь ужаса с кровью. Смотреть жалко, как ты перешла на куриную кровь. Покажи хотя бы шарик... Можешь его сделать? Или совсем сила покинула. Как можно изводить себя так? На, вот, возьми», - и Влад аккуратно протянул сжатую в руке серебряную фляжку, на горлышке которой чёрными пятнами проглядывали следы запёкшейся крови. В комнате раздался на секунду еле слышный звук шипения. «Нет Влад, не надо мне этого. Я всё, я уже не буду этого и не хочу. Покурить ещё, может быть, да, но не сегодня, и точно не сейчас. Нормально мне с куриной кровью, поверь. Голод и жажда – это всё надуманное, знаешь. Не так часто этого хочется, и когда он рядом, мне на душе спок... мне спокойнее с ним перебарывать это желание. Прав он – болезнь это, а не дар». Влад мельком перевёл взгляд в сторону коридора и подал знак, приподняв брови, как тут же по коридору застучали каблуки Вайорики, метнувшейся в их комнату, чтобы принести забитую доверху курительную трубку. И пока он ждал её возвращения, то продолжал пристально глядеть на оголённую спину Любишки, обнимающую и целующую спящего Чинука, не реагирующего ни на что. Тут у порога комнаты раздался громкий звук шипения, повернувший полуобнажённое тело Любички в сторону входной двери. Руки, одетые в синие кожаные перчатки, возникнув из тьмы, крепко вцепились в плети розовых веток, выкованных из золотисто-серебряного сплава, мраморно перемешанных друг с другом, и начали тянуть их в разные стороны, пытаясь разорвать, или хотя бы согнуть. Но решетчатая дверь не уступала попыткам вцепившегося в неё Влада открыть её, несмотря на всю ту недюжую силу, что он прилагал, ухватившимися за путы металлических роз руками тут же пронзёнными огромными и острыми шипами. Сочающаяся из отверстий перчаток голубая кровь с шипением превращалась в пар, но он не оставлял попытку выломать металлические прутья, прячущие за собой Любишку, на тело которой, опустилась рука спящего мужчины. «Хватит! Влад! Сейчас разбудишь его. Прекрати!», - и Любичка снова начала шипеть, прикладывая ко рту палец. «Что ты устроил, Влад?! Я же говорю ничего я не хочу!», - прошептала она. Опустив прутья металлических роз двери, искусно выкованной Русланом и также грамотно установленной Чинуком, служившими непреодолимым барьером для Влада, и охранявшей те короткие часы отдыха, что мог позволить себе его надзиратель, забившийся в комнате без окон. Влад с негодованием выдохнул холодный пар из лёгких, осевший тут же на прутья инеем. «Тихо, он дёрнулся! Хватит! Хорошо, я пойду с тобой», - зашептала Любишка, ощущая всё сильнее и сильнее накапливающуюся жажду удовольствия. К этому моменту из-за спины Влада, как из тени возникла Вайорика, обтянутая облегающим костюмом из чёрной, слегка потёртой кожи, в руках она держала длинную трубку, наполненную и дымящуюся серыми клубами дыма. «Думаешь можно?» - прошептала она на ухо Владу, на что получила положительный кивок. «Но...», - хотела возразить она, но Влад приложил палец к своим губам, пристально глядя в её

большие тёмные глаза, потом кратко поцеловал его кончик и приложил его к трепыхнувшимся губам Вайорики, получив лёгкую и опьянённую улыбку в ответ. Любичка, как можно тише и аккуратнее снимая с себя руку Чинука, шёпотом начала говорить: «Знаешь, Влад, несмотря на все те возможности, что он позволяет делать тебе...нам со своей головой, у меня...можешь считать это паранойей, но мне что-то подсказывает, что он...», - тут она ласково взглянула на лицо спящего и продолжила: «что всё он понимает, и что мысли мы ему иногда навязываем», - проведя ласково по его тёмным волосам, добавила: «и желания... Влад, всё-таки мне иногда становится страшно, и дело не в том, что он спокойно согласился прислуживать, или как вы там договорились во дворе, мне иногда становится страшно, от того, что я не слышу в его голове практически никаких мыслей, точнее очень мало, ни как у обычных людей, они как-то возникают, либо за секунду до, либо сразу после действия, он словно не планирует ничего, а сразу действует, как будто продумал уже всё, или вообще ни о чём не напрягается, ощущая, что ничто не представляет для него опасности, хотя действует так, словно боится абсолютно всего...», - тут Влад её перебил: «Ты переоцениваешь его, я встречал таких людей, он зазнался, при этом он ещё недалёкий добряк, хоть и жестокий». «Нет!», - возразила Любишка: «Я не об этом, видимо я неправильно сказала. Чтобы он ни услышал, или чтобы ты там ему ни навеял в сон, какую бы низость или кошмар он ни увидел с нами связанные, или как бы ты его ни пугал – он не реагирует... Как бы скажет что-то колкое, может даже в лице поменяется, только вот в глазах не то что пустота или боль отражается, а какой-то азарт постоянный, мерцающий в тёмном омуте, словно он хочет большего, а с языка слетает: «Хватит». Понимаешь? Если не говорить, что за три года мы вообще ничего о нём узнать не смогли. Как он сбежал с нами, так и всё. Я его люблю, но он меня иногда пугает, понимаешь?! Меня!.. пугает... Что уж о вас говорить!». Влад, не ожидая ни секунды, ответил: «Его просто жизнь болью досыта накормила, посмотри он весь исполосован, живого места на теле нет, так он как обычный человек к это боли и приспособился, а потом и присластился... Ты жажду насилия в его глазах видишь, а не какой-то там азарт в омуте. У меня в замке у каждого моего», - улыбнувшись и оголив блеснувшие в темноте белёсые клыки, медленно произнося снизившимся тембром: «приспешника, такие глазки», - и ухмылясь выдержал паузу. «Недооцениваешь ты моего мнения, Владушек, впрочем ты всегда только себя слушал», - тут Влад перебил Любишку: «И слушать продолжаю. Полетаешь в ночи с моё, поймешь, а пока, крошка, пошли веселиться, чего грустить тут всю ночь валяться, пока он храпеть не начал». Любишка с ноткой негодования посмотрела на Влада, и к этому времени, убрав с себя руку спящего, начала тихонько накидывать тонкий красный шёлковый пенюар, по краям украшенный белой ажурной бахромой. На прощание взглянув в лицо спящему мужчине в голове её вновь промелькнула мысль: «Кто же ты?», - и сразу же раздалась ещё одна: «Очень хитрый и очень нищий кусок мяса». Она вновь с упрёком взглянула на Влада, ко рту которого Вайорика уже поднесла курительную трубку, и он делал глубокий вдох, холодно смотря исподлобья, голубыми, как лунный свет, глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.